

58

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134-241X
снеговик
2•98

ISSN 0134-241X Индекс 73413, «Уральский следопыт», 1998, № 2

«Вышел на волю!»

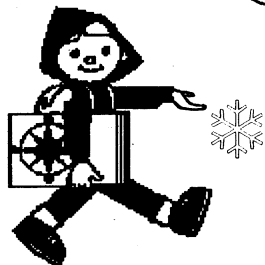
Барак особого режима

Фотографии к очерку Владислава ДЕБЕРДЕЕВА «Еще один «пермский треугольник».

Редакция:
Герман ИВАНОВ
 (главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Анна КОСТРИКОВА
 (художественный редактор),
Юрий ШИНКАРЕНКО
 (заместитель главного редактора),
Леонид ШУНЯЕВ

УРАЛЬСКИЙ следопыт

УЧРЕДИТЕЛИ –
 СОЮЗ
 ПИСАТЕЛЕЙ
 РОССИИ,
 ТРУДОВОЙ
 КОЛЛЕКТИВ
 ЖУРНАЛА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЁБИШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

В номере: 2 '98

Компьютерная вёрстка:
Эдуард КИСЕЛЁВ

Адрес редакции:
 620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
 ул. ДЕКАБРИСТОВ, 67
 Телефон редакции:
 (3432) 224-501

Рукописи принимаются
 перепечатанными
 на машинке через 2 интервала,
 60 знаков в строке,
 28-30 строк на странице.
 Материалы на дискетах
 рассматриваются в первую очередь.
 Рукописи не рецензируются
 и не возвращаются.

По вопросам подписки
 и доставки обращаться
 в районные отделения
 "Россвязьинформа".

Бракованные экземпляры
 отправлять
 в ИПП "Уральский рабочий".

Рег. № 441 от 13.12.90.
 Подписано к печати 07.04.98.
 Формат бумаги 84x108/16.
 Бумага газетная.
 Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 8,4.
 Уч.-изд. л. 18,6.
 Усл. кр.-отт. 8,4.
 Тираж 3 600.
 Заказ № 122.
 Все претензии по ошибкам в тексте
 предъявлять
 редакции журнала "Уральский следопыт"
 Отпечатано с готовых оригинал-макетов
 на ИПП "Уральский рабочий"
 620219, Екатеринбург, ул. Турганова, 13
 Слайд на 1 стр. обложки
 Николая ПЕРЕВЫШИНА

© "УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ", 1997г.

Ещё один пермский треугольник
Владислав Дебердеев ----- 2

«Заполняются ведра картошкой...»
Вера КУДРЯВЦЕВА ----- 5

Краеведческая копилка ----- 6

«Вырос холм велик»
Юрий КЛЮШНИКОВ ----- 8

Сад Кузьмы Рудого
Наталья ПОЗДНЯКОВА ----- 11

Сокровища Магараджи
Владимир ПУРОНЕН ----- 13

Деревенские мотивы
Владимир ГОЛДИН ----- 17

Краеведческая копилка ----- 21

Пейзаж после Бродского
Валентина ЖИВАЕВА ----- 22

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

Риадан (окончание)
Борис НЕМИРОВСКИЙ, Владимир ТАЛАЕВ ---- 25

Заочный КЛФ ----- 57

Командорская каюта ----- 59

Князь Игорь против Хазарии
Михаил ДОМОВ ----- 73

Аквамарин, жемчуг, янтарь...
Катерина ИВКИНА ----- 75

Февральский талисман
Анатолий ТАЛАНЦЕВ ----- 77

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
 В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
 В 1958 ГОДУ.

Владислав ДЕБЕРДЕЕВ

ЕЩЕ ОДИН ПЕРМСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Создается музей тоталитаризма

Кто из читателей «Уральского следопыта» не знает о сенсационном «пермском треугольнике» (по аналогии с Бермудским)? Но мало кому известно еще один — весьма обширная территория, которая содержит загадок и тайн ничуть не меньше, чем знаменитая «молебская зона».

Речь идет об уральской составляющей ГУЛАГа, в которую входили лагерные зоны Пермь-35, -36 и -37, образуя на карте своеобразный треугольник. Самым «острым» его углом была зона ВС 389/36, или в обиходе, Пермь-36, расположенная неподалеку от впадения Чусовой в Каму.

Четверть века тому назад, 13 (!) июля 1972 года, эта важная составляющая «пермского треугольника» получила новый статус: она единственная в нашей стране в системе ГУЛАГа содержала только политических заключенных — инакомыслящих, диссидентов (*dissidens* — несогласный, противоречащий).

К этой мрачной 25-летней дате и была приурочена наша двухдневная автобусная экскурсия, организованная екатеринбургским обществом «Мемориал». В ней участвовали около сорока человек — прежде всего студенты Свердловского педагогического колледжа, ребята из профучилища N 20 Екатеринбурга и другие молодые энтузиасты правозащитного движения.

Увидели и узнали мы очень много. Например, что именно в наших, уральских, краях берет свое начало... архипелаг ГУЛАГ!

Еще в 1929 году (когда пермские края входили в состав Свердловской области) «под мудрым во-

дительством товарища Сталина» и его правой руки — Менжинского, председателя ОГПУ, принявшего эстафету борьбы с чуждыми элементами от «железного Феликса», здесь провели первый эксперимент по массовому использованию труда заключенных на строительстве важных объектов. За два года тут был создан Вишерский бумажный завод (впоследствии Красновишерский целлюлозно-бумажный комбинат), получивший имя Менжинского.

Уральский опыт удался и... «процесс пошел»: Беломорканал, Колыма, и прочая, и прочая, и прочая. Со временем ГУЛАГ, основу которого исконно составляла система бесплатного рабского труда заключенных, превратился в тот самый архипелаг с бесчисленным количеством зон-островков по всей стране.

А в январе 1992 года «закрытая» зона Пермь-36 была окончательно закрыта. Таким образом, Урал оказался, если можно так выразиться, колыбелью и могилой ГУЛАГа, его альфой и омегой.

Что это было такое — Пермь-36? Она состояла из двух участков: строгого и особого режима (к сведению: особый режим — четвертый, высший разряд в системе советских лагерей после общего, усиленного и строгого). Этот суперстрогий режим как раз и предназначался для особо опасных государственных преступников, то бишь рецидивистов, судимых уже не один раз. Все они получали «стандартный» приговор по статье 70-й «антисоветская пропаганда и агитация»: 10 лет особого режима и 5 лет ссылки.

Содержались в бараке, где были «общие» ка-

меры — на двух и четырех человек, «одиночки» и, разумеется, карцер — в качестве самого действенного средства перевоспитания. Этот участок вместе с так называемым предзонником имел семь линий заграждений: «шиповник», система «Ночь-12», противоподкопные устройства и т.д.

На окна барака особого режима (сокращенно БОР) снаружи были навешаны специальные ставни-жалюзи, которые заключенные окрестили «намордниками». Под досчатым полом БОРа, как потом выяснилось, находилась система «прослушки», с помощью которой охранники контролировали все разговоры в общих камерах.

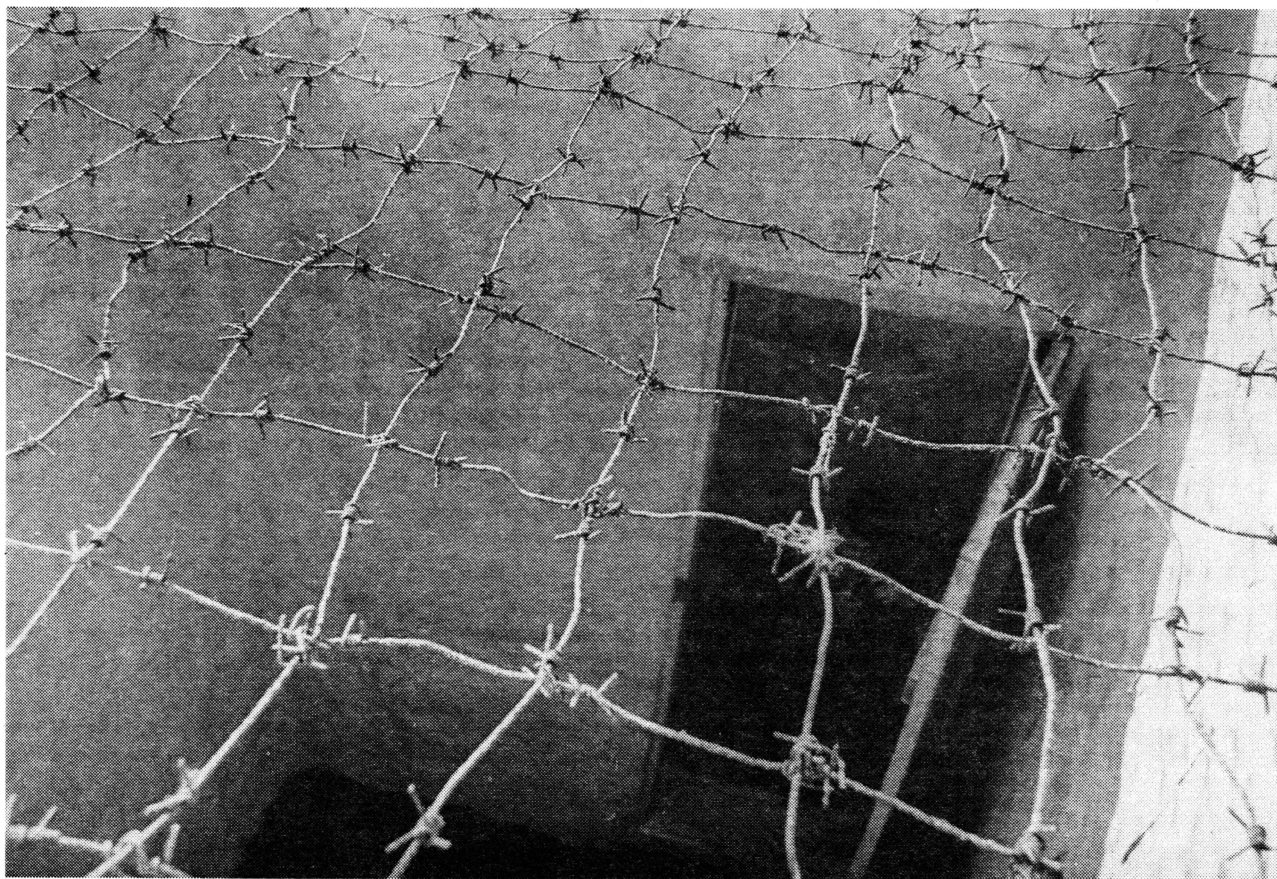
В бараках обычно содержалось около 30 эзков. А охраняла их специальная рота, насчитывавшая до 300 человек, то есть на одного диссидента приходилось десять вертухаев!

О судьбе узников совести, о месте их пребывания родным и близким ничего не сообщалось. Мало того, даже сами заключенные не знали, где они находятся. Ибо везли их сюда по ночам, в зак-

рытых автозаках. Угадать свое местонахождение они старались по виду окружающей растительности, по типу гнездящихся поблизости птиц, по времени рассвета и заката.

Смерть — таков был, по существу, единственный выход отсюда «на волю». Ибо, когда у очередного осужденного подходил к концу срок его приговора, ему давали — по надуманным, фальсифицированным «делам», в том числе даже уголовным, — новый срок. Таким образом, «пермская отсидка» растягивалась на неопределенное время, превращаясь фактически в пожизненное заключение. Хоронили их на кладбище соседней деревни Кучино в безымянных могилах, под безымянными крестами.

Среди узников участка особого режима (УОР) появился даже свой «рекордсмен» — Балис Гаяускас, отсидевший в общей сложности... 37 лет! Свой первый срок, четверть века, он получил за связь с «лесными братьями», боровшимися против сталинского режима. Отсидел его, что назы-

«Прогулочный дворик», вид сверху.

вается, от звонка до звонка. Через четыре года после того, как вышел на волю, опять был арестован и посажен: за перевод на литовский язык книги «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

«Почетное второе место» по продолжительности заключения занимал среди сидельцев УОРа украинец Левко Лукьяненко. Еще во время учебы в Московском госуниверситете он вместе с Раисой Максимовной Горбачевой был активистом в вузовском комитете комсомола. Затем участвовал в создании Украинского рабоче-крестьянского союза, который добивался проведения референдума по проблеме — о праве Украины на самоопределение. За эту «подрывную деятельность» был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу! В камере смертников провел 2,5 месяца. Цена «помилования» — 30 лет за решеткой.

Особо хотелось бы рассказать о судьбе поэта-лирика Василя Стуса. Когда он как диссидент сидел уже в бараке особого режима, его творчество было выдвинуто на Нобелевскую премию по литературе, его имя рассматривалось в числе трех финальных претендентов. За полтора месяца до заседания Нобелевского комитета В.Стус погиб «при невыясненных обстоятельствах». Эта внезапная смерть сняла острейшую политическую проблему: как вручать престижную премию арестанту? А посмертно Нобелевская премия не присуждается. Впоследствии выяснилось, что Стус умер от... страшной черепно-мозговой травмы. Что стало ее причиной? Тайна, не разгаданная до сих пор...

«Гостями» пермского «семизвездочного отеля» (если иметь в виду семь линий заграждений, главным образом из колючих «звезд») стали и свердловчане: рабочий Виктор Пестов и слесарь из Нижнего Тагила Георгий Давиденко.

Первый из них вместе с братом Валерием создал молодежную организацию «Свободная Россия», которая первоначально ставила своей целью (говоря по-современному) «отстреливать» партзевалиту в областном центре. Потом, отказавшись от террора, занялась изготовлением листовок. Их разбрасывали на Уралмаше, в Серове и Нижнем Тагиле, распространяли в Свердловском железнодорожном институте.

27-летний слесарь Георгий Давиденко возглавил Революционную партию интеллектуалистов Советского Союза. Вместе с шестью соратниками он, начиная с 1970 года, организовал печатную базу и стал выпускать диссидентскую литературу. Следствие по «делу» велось не только в

Свердловске, но и в Красноярске, Хабаровске, Горьком — такова была «география» деятельности новой революционной партии.

...После того, как последняя «опорная точка» ГУЛАГа в Перми-36 была полностью ликвидирована, «органы» постарались скрыть и ее следы. Тракторами и бульдозерами растащили по окрестным лесам заграждения, выдрали из-под настила БОРа «прослушку»... А сегодня, по инициативе ряда пермских деятелей правозащиты началась реставрация этого памятного места с прицелом на превращение его в Музей истории тоталитаризма и политических репрессий.

Во время нашего пребывания в бывшей зоне реставрационные работы там вели тридцать бойцов из стройотряда «Уралсервис», в состав которого входят представители всех высших и средних специальных учебных заведений Перми. Мы тоже приняли посильное и самое активное участие в этом воистину святом деле восстановления.

Ночевать нам предложили на выбор: либо в палатке, либо в бараке особого режима. И многие предпочли «заключение» на одну ночь.

Когда по итогам полит-тура пришла пора заполнять анкету о поездке в лагерную зону, то на вопрос «Что произвело на вас самое большое впечатление?», некоторые написали: «Ночь в камере».

Уже под занавес у нас состоялась встреча с И.Г. Кукушкиным — последним из могижан лагерной спецохраны (ныне он в качестве консультанта зачислен в штат... будущего музея тоталитаризма). Держался уверенно, со знанием дела — ведь прослужил здесь прапорщиком восемь лет — рассказывал об истории УОРа, об особенностях содержания политических заключенных.

— Условия здесь были хорошие. Питание по общепринятым в зонах нормам. Всегда чистое постельное белье. Мы, охрана, обращались к ним только на «вы». Ежедневная прогулка для заключенных 45 минут. Работа у них была не пыльная — сборка мелких электротехнических изделий...

Мы побывали в тех самых «прогулочных двориках»: размер их 2,5 x 2,5 метра, то есть три-четыре шага — и упираешься в бетонную стену; такая же и высота, причем обращенная к небу часть этого бетонного куба затянута... густой колючей проволокой. В общем, на все четыре стороны гуляй-не хочу.

Что же касается «вежливого выканья», то достаточно вспомнить загадочную смерть В.Стуса и 6-7 покойников из числа политэзков в год...

Вера КУДРЯВЦЕВА

«ЗАПОЛНЯЮТСЯ ВЕДРА КАРТОШКОЙ...»

Я — КРЕСТЬЯНКА

Папа мой ходил в каких-то замах
 В городке районного значения.
 И однажды в свой барачный замок
 Из села привез он нареченную.
 Горожанкой мама моя стала...
 Говорят, все пела неустанно.
 Позабыли руки о работе
 Со скотиной, да и в огороде.
 Перманент, беретики да шубки.
 Заалели от помады губки...
 А потом война. Собрался папа.
 Обнял нас и, помню, папа плакал.
 Уходил, наказывал он маме:
 Все продай,
 корми мне только малых.
 Вот вернусь, как куколку, одену,
 Если ж что-то —
 не прощу измены.
 Как вернусь, все наживем,
 все справим...
 На передовую был отправлен.
 В первый год войны проели шубку.
 А потом и платья, и береты.
 А детей растить ведь надо —
 шутка жь?
 Да чтоб и обуты, и одеты...
 И опять взяла крестьянка мама
 В руки свои нежные лопату,
 Подняла целик между домами
 И сказала: «Все! Живем, ребята!
 Будем теперь сыты и здоровы.
 Завести бы как-нибудь корову...»
 С той поры полвека пробежало.
 И опять в беде моя держава.
 И опять кругом разор да смута.
 И опять: одеты ли? Обуты?
 Положу перо, возьму лопату:
 Черную работу уважаю!
 К осени и будет нам зарплата!

Я — крестьянка!

Значит, с урожаем!
 Значит, будем сыты и здоровы!
 Завести бы как-нибудь корову...
 * * *
 Огород мой — моя отрада —
 Распластался ковром до реки.
 А река... Назову тебя Лада —
 Так напевы твои легки.
 Я копаю картошку неспешно,
 Наслаждаюсь исконным трудом.
 И молюсь красоте нездешней:
 Снова осень — мой бог, мой дом.
 Приустав, обопрусь на лопату
 И замру, затаюсь, не дыша.
 Вот опять, щедра и богата,
 Отдыхает от мук душа.
 В ней надежды дремлют сторожко,
 В ней желанья робки и тихи...
 Заполняются ведра картошкой.
 Зарождаются в сердце стихи.
 * * *

Вот наконец в квартире
 все уснули.
 И сказана на сон дочурке сказка.
 И пол начищен,
 и блестят кастрюли.
 Утюг остужен. И щенок обласкан.
 Бормочет сонно
 добрый холодильник:
 Он знает, чем богат,
 чем рад пока что...
 Пришита пуговица.
 Заведен будильник.
 Прочитана страница. Свет погашен.
 Теперь бы, ох,
 теперь бы сил достало
 В знакомое тепло,
 как ввысь, как в небо.

Не обронить бы,
 не сказать «устала»...
 В привычное, как в новое,
 как в небыль...
 * * *
 Сколько дел сегодня у меня!
 Мне на все — про все
 не хватит дня.
 На поле пшеница морем ходит.
 Знатный урожай на огороде.
 И взошли грибы, как на опаре,
 В потаенных уголках лесных.
 Ягоды — ох, как бы не опали! —
 Говорят, уж сколь ныне рясны.
 Речку ли зачерпываю в ведра,
 Шепчет та, качая поплавки:
 «Не забудь ко мне,
 пока что, ведро,
 Прибегай. стирать половики!»
 Как поспеть мне всюду — вот воп-
 рос!
 Знать-то, не присяду ныне вовсе.
 Да еще сквозь золото берез
 Наглядеться б на родную осень...

Я — человек,
 увязнувший в традициях.
 В них моя правда. Мои боль и мочь.
 От горя, пусть чужого,
 мне не спится,
 Кто послабей, тому спешу помочь.
 Бывает: в ранах вся,
 душа мятется,
 И кажется, померкнул белый свет...
 Но если мне ребенок улыбнется,
 Я непременно улыбнусь в ответ.

Константин КОВТУНЕНКО

ТАЙНЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА

В Челябинской области на границе с Казахстаном по берегам небольших рек хранят свои тайны и ждут археологов древние сарматские могилы.

Где-то здесь пути сармато-кочевников поворачивали на юг — на зимовку. В память о себе они оставили одинокие курганы, но есть и целые кладбища с мужскими и женскими захоронениями, предметами быта.

Перепахивая землю, трактористы тщательно обходят невесть откуда взявшиеся пирамиды из камней. Это сарматы привезли откуда-то камни на могилы.

При сооружении Бобровской плотины для водохранилища Троицкой ГРЭС директор краеведческого музея решила провести раскопку одного из курганов, оказавшегося под угрозой затопления. Помогали учащиеся нашей школы.

Вот убран первый слой камней с могилы восточного скифа. В песке

под камнями — череп лошади, следы костра, остатки гризны, кости барана. Когда расчистили площадку, стало видно очертание могилы, вокруг нее меловые круги — ограждение от умершем. Деревянный накат над могилкой сгнил, он был из нетолстого кругляка 12—15 см. Осторожно работаем ножами и кистями — начинает обозначаться скелет. Ногами на восток захоронен воин двухметрового богатырского роста. Толщина кистей рук и особенно кривых от верховой езды ног вызывает удивление. Зубы все целы. Повреждений костей нет, видимо, умер своей смертью.

У правой ключицы — бронзовая брошь в виде горного козла, по-видимому, застежка накидки. Козел — обитатель Тянь-Шаня, далекой родины предков восточных скифов. У пояса — бронзовый кинжал. Ножны не сохранились. А это что такое? Тщательно отполированный круг —

бронзовое зеркало. Воин носил при себе брусочек для заточки стрел и оружия. В жалких остатках кожаного колчана сохранились бронзовые наконечники стрел и бронзовое же оперенье главной стрелы. Вызывает удивление тщательность, с которой выполнены наконечники стрел — грани их безупречны.

Через всю грудь и вокруг пояса тянется «портупея» из колец с приливами-ячейками — кочевнику многое приходилось носить при себе. Вдоль тела коричневая полоса, похожая на ржавчину. Возможно, здесь лежал железный меч. У голени бронзовое изделие с головой дикого кабана и двумя отверстиями для крепления. Что это? Украшение лука, ножен меча или жезл военачальника? Находки в кургане относятся к эпохе бронзы и железа, а это II—III век нашей эры. Теперь они — в экспозиции Троицкого краеведческого музея.

г.Пермь

Николай МЕЗЕНИН

ЗАВОДЧИКИ УШКОВЫ

Писатель прошлого века П.Д.Борькин назвал крупные московские купеческие фамилии «династиями». Были таковые и на Урале. Например, семейство Ушковых. Основателем рода стал Клементий Константинович Ушков (1783—1859), гидротехник из крепостных людей заводчиков Демидовых. Он стал автором одного из проектов канала Черноисточинский пруд — река Черная, им же и построенного в 1848 году. После этого К.К.Ушков получил вместе с сыновьями вольную и записался в московское купечество.

Обычно на этом история семьи Ушковых и заканчивается.

А в семье тагильских крепостных Ушковых было четыре брата: Клементий, Ефим, Арефий и Яков — все предприниматели. Выйдя из среды разбогатевших демидовских мастеров, они начали большое извозное дело на Нижнетагильских заводах. Яков Ушков в 50—60-е годы прошлого века был механиком на этих заводах, занимался кузнечным делом.

Братья Ушковы и их дети оставили след во многих районах России и прежде всего — в уральском регио-

не. Так Капитон Яковлевич (умер в 1868) на своих землях в Елабужском уезде Вятской губернии основал два химических завода: Кокшанский (1850) и Бондюжский (пущен в 1869). Первый стал наиболее крупным в России предприятием по производству калиевого хромпика (раньше заводов Германии и Австрии). В конце 1850-х годов здесь вырабатывали до 1000 т хромпика в год. Его хватало на внутренние потребности и на вывоз за границу.

В 1869 году заводчик Капитон Ушков представил хромпик и купо-

рос на всемирной выставке в Париже и получил серебряную медаль — единственный экспонент из России по химическим продуктам.

Дело родителя продолжали два сына — Петр и Константин. На всемирной выставке 1873 года в Вене Петр Капитонович Ушков тоже показал продукцию завода, оставшегося единственным в России по переработке уральского хромистого железняка в хромпик: хромокалиевую соль, квасцы и серную кислоту. Она удостоилась большой золотой медали и почетной награды.

Известный русский химик А.К. Крупский писал о заводе Ушкова: «Хромпик П.К.Ушкова был блистательно представлен в химическом павильоне венской выставки среди других препаратов Кокшанского и Бондюжского заводов. Большой чугунный кристаллизационный котел, внутренняя поверхность которого сплошь закристаллизована была красными щетками хромпика, был прислан с этих заводов, чтобы в центре коллекции, экспонированной П.К.Ушковым, составить одно из блистательных декоративных украшений всего химического отдела».

На заводах Ушкова вырабатывалось 315 тыс. пудов разнообразной продукции на сумму 745 тыс. руб. и было занято до 800 постоянных рабочих. Работали четыре паровые машины мощностью 200 л.с. и пять вододействующих мельниц.

Петр Капитонович доставил свою продукцию и на американский материк, показав на всемирной выставке в Филадельфии (1876) квасцы, медный купорос и хромпик. Его завод при 800 рабочих вырабатывал в год уже 380 тыс. пудов различных химических товаров на сумму свыше 830 тыс. руб.

В 1883 году, развивая производство, Ушков учредил «Товарищество химических заводов П.К.Ушкова и К°» с основным капиталом в 2 400 000 руб. Когда продукция «Товарищества» (соли хрома, поташ) была представлена на выставке в Чикаго в 1893 году, ее вырабатывалось на 2,5 млн. руб. в год.

Своим производством П.К.Ушков заинтересовал Д.И.Менделеева, и они вместе ездили весной 1879 года в Италию, посещали серные рудники. Дмитрий Иванович отозвался на открытие завода Ушкова по производству белильной извести. Стремясь максимально использовать отечественное сырье, русский химик рассмотрел возможность получения серной кислоты из отечественного колчедана на заводе Ушкова. По рекомендации Менделеева в Елабуге Ушков налажил производство пирококоллоидного пороха. Осенью 1892 года проводились его испытания, получившие высокую оценку специалистов.

Дела Петра Капитоновича продолжал его сын Иван Петрович Ушков. В начале XX века он значительно расширил «Товарищество». Правление его находилось в Москве, на Варварке. В правление входили Иван Петрович, Александра Ивановна и Константин Капитонович Ушковы.

В 1910 году Товариществу принадлежали 5 500 десятин земли под лесными дачами, заводами и пристанями, а также четыре химических завода: Бондюжский и Кокшанский с заводской пристанью на р.Каме, Казанский, Самарский, завод строительной извести, добыча известкового камня на Волге, торфяные болота близ села Частые на Каме, товарные пристани в Н.Новгороде, Ярославле, Перми, Левшине и Самаре со складскими помещениями. На Урале Товарищество арендовало колчеданные, хромовые, меднорудные, марганцевые рудники, управляемые конторой в Екатеринбургe.

При Ушковых производились серная и соляная кислота, олеум, сульфат, хлорная известь, глинозем, хромпик калиевый и натриевый, хромовые квасцы, штыковая медь, половые плитки, гончарная посуда для химического производства. Все материалы были отечественного происхождения за исключением двух: селитры из Чили и французских бокситов.

Товарищество кроме того выпускало в год несколько миллионов пу-

дов фабрикатов. Они применялись в текстильной, красильной, кожевенной, писчебумажной, стекольной, химической, металлургической отраслях промышленности России. Для доставки по Волге и ее притокам сырья для производства и товаров для продажи Ушковы держали свой флот: стосильные буксирные пароходы, несколько десятков баржей и других мелких судов. Торговлю вели конторы в Москве, Н.Новгороде, Перми, Казани, Самаре, Омске и Уфе.

Константин Константинович Ушков умер уже после революции. Он был очень богат, интересовался театром и другими искусствами и ходил в больших меценатах.

Вл.И.Немирович-Данченко вспоминает: «Среди директоров фирмы (основателей филармонии. — Н.М.) был богатый купец Ушков. В кабинете — подлинный Рембрандт, в зале пол выложен перламутровой инкрустацией... Сам Ушков являл из себя великолепное соединение простодушия, хитрости и тщеславия... У меня с ним был эпизод: на своей крошечной сцене я давно отказался от декораций и заменил их так называемыми сукнами. Сукна эти очень потренились, я несколько раз обращался к администрации школы, но мне отказывали за неимением средств. Однажды я поймал удобную психологическую минуту и говорю Ушкову: «Ну что вам стоит пожертвовать какими-нибудь пятьсот рублей. Вот великая княгиня зачастую ходит к нам, а на сцене какое-то тряпье». «Хорошо, — говорит Ушков, — пятьсот говоришь? (В веселую минуту он любил с собеседником переходить на «ты».) Я тебе эти пятьсот дам, но смотри — скажи обязательно великой княгине, что это я пожертвовал, хорошо?» — «Хорошо, только давай» — «Смотри ж, не забудь, что от меня пятьсот рублей, от Константина Ушкова». Вот он-то и записался первым пайщиком (при основании Московского художественного театра. — Н.М.) в размере четырех тысяч рублей. Впоследствии он не раз просил подчеркивать, что он был первым...»

г. Н.Тагил

Юрий КЛЮШНИКОВ

«ВЫРОС ХОЛМ ВЕЛИК...»

Перебирая старые бумаги, я наткнулся на записанную лет сорок назад былину о Ермаковом кургане. Помнится, переписал я ее тогда из архива известного екатеринбургского фольклориста Китайника. Былина рассказывает о родных уральских местах, о кургане, что находится неподалеку от реки Туры, за деревней Давыдовой Туринского района Свердловской области, на территории нынешнего сельхозкооператива «Ленский». Былина довольно редкая. Ни в каких фольклорных сборниках не публиковалась. Поэтому привожу ее полностью.

Где Ленска земля на исход пошла
И пошла земля усениновска,
Как на левом том берегу Туры,
Да на левом том да на займище
Повелел Ермак Тимофеевич
На большой привал становиться.
Было в те поры у него добра
И богатства много всякого.
А и шел Ермак Чусовой рекой
А и выплыли на Туру-реку.
Надарили ему татарове
Для того ли царя, царя Грозного,
Государя Ивана Васильевича,
Подарили казну соболиную
Да куниц, да бобров полны коробы,
Да лисиц бурых сибирских.
А немало еще злата-серебра.
Ожерелья, чарки да сабельки.
Золоты кинжалы да мелочи —
Броши, кольца да серьги искусные.
Стали тут атаманы казачие
Думать думушку за единое,
Как про дело ратное, ярое,
Как про ту казну государеву.
Говорил Ермак Тимофеевич:
— Ой вы гой еси, братцы, атаманы казачие.
Некорыстна у нас шутка зашучена.
Перегружены струги богатствами.
Впереди неблизкий, опасный путь —
Сам мурза Япандза со товарищи,
Маметкул-татарин да царь Кучум.
И придется нам, братцы, драться
Боем-то смертным.

И кому-то в бою том убиту быть.
А кому-то сложить буйну голову.
На реку Чусовую вертатися
Не во славу нам.
В та поры сберець велми надобно
Ту большу казну государеву,
Чтобы вороги не покорыстовались.
Повелел Ермак Тимофеевич
Перенесть казну и велик ясырь
Со стругов и сложить на сыру землю.
Вырос холм велик — куча знатная.
И засыпали холм-от земелюшкой
Ночью темною люди служивые
В тайной тайности, как повелено.
Порешили так: возвращаемся,
Заберем казну царю Грозному,
Государю Ивану Васильевичу.
Но погиб Ермак во Иртыш-реке,
Да поклали дружки буйны головы.
Не пришлось им взять дорогу казну,
Да не знал о том внове пришлый люд.
И остались лежать те богатства
В том кургане, землю засыпанном.
Нарекли его Ермаков курган...

Внешне Ермаков курган действительно выглядит насыпным. Он похож на огромный земляной вал. Наподобие тех, что сооружали русичи вокруг своих крепостей. Что же скрывают в себе склоны кургана, заросшие буйным разнотравьем?

Как известно, прятать клады от воровских рук было в обычае Ермака. В частности, академик Г.Миллер (1705—1783) на основе услышанных уральских легенд отмечал, что знаменитый воитель, побив войско трех татарских князей при впадении реки Туры в Тобол, «столько получил добычи, что не можно было с собой на судах везти, но некоторую часть принужден был закопать в землю». Что если «закопать в землю» относилось именно к Ермакову кургану Туринского района? Не зря же народ приписывает его появление предводителю казачьей дружины. У Ермака действительно были веские причины схоронить полученные татарские дары. Впереди его ожидали жестокие сражения. А в бою можно потерять все. Что инородцы не собирались

так просто сдаваться, показал упорный бой ермаковой дружины с войском татарского князька Япандзы возле села Усениново Туринского района Свердловской области. Япандза, как писал Кунгурский летописец, «собраша много агарян (татар) и бои починиша по многи дни, яко лука (излучина реки Туры возле Усениново) велика и в той луке бьющесе велми до выезде (сражались яростно до победного конца)». А отсюда до левобережной деревни Давыдово и места расположения Ермакова кургана, как говорится, рукой подать.

Разговорились мы однажды об этом кургане с ныне покойной Е.Шаварской, смотрителем Туринского историко-краеведческого музея. Энтузиаст краеведения, старожил здешних мест, она держала в своей памяти, несмотря на преклонный возраст, массу интереснейших фактов из истории туринского края. Вот и на этот раз она меня «удивила».

Оказывается, на протяжении столетий местные кладоискатели неоднократно пытались раскопать Ермаков курган и находили там старинные татарские украшения, искусно отделанное старинное оружие.

Так, в 1601 году туринские стражники задержали ясачных татар, то есть татар, которые платят русскому царю дань — «ясак», Байгуру с сыном. У них изъяли татарские серебряные амулетохранилища в виде трубочки и пластины с черненым гравированным узором, татарское женское нагрудное украшение в форме подковы с цветами из изумрудов и аметистов, татарские же медные деньги с изумрудами и хризолитами. По словам задержанных, эти драгоценности найдены ими при раскопках Ермакова кургана. Под пытками оба признались туринскому воеводе Ф.Феофанову, что драгоценности эти предназначались для подкупа тюменских татар, дабы сообща поднять восстание татар и вогуличей против государя московского. По словам Байгуры, двенадцать лет назад, когда Ермак пришел в эти места, местные племена инородцев преподнесли ему, как дань царю русскому, изделия златокузнецов сибирского хана Кучума —искусные золотые пиалы для кумыса, подносы для плова, ножи и клинки с золотыми рукоятками. А еще, сообщили Байгура с сыном, что, раскапывая Ермаков курган, нашли они драгоценные камни, привезенные, как видно, купцами из Бухары, Лагора и Кутиса. И что на камни эти купили они коней для военного похода иноверцев на русские сибирские города. За «измену царю русскому» оба супостата были биты кнутом, у обоих вырвали ноздри.

В 1662 году, по доносам лазутчиков туринского воеводы Перегубова, некоторые татары из числа поднявших восстание против русских похвалялись оружием, добытым из Ермакова кургана. В частности, у отдельных «мятежников» из отряда Етурбая видели кольчужные рубашки (свитые из металлической сетки), бердыши — длинные изогнутые желез-

ные секиры на короткой деревянной рукояти, кистени — чугунные «гирьки» на железной цепи. Это было вооружение казаков дружины Ермака, снятое с погибших в бою, и закопанное в том же кургане. Военная амуниция стоила дорого. Жаль было ее терять.

Но, по-видимому, не только русское вооружение находилось в кургане. Было и татарское. Когда лазутчики схватили и доставили туринскому воеводе Перегубову самого Етурбая, тот был одет в татарский медный шлем в виде конуса. При нем находились стрелы с широкими сплюснутыми металлическими наконечниками и саадак (колчан для стрел), украшенный затейливой резьбой. Етурбай признался туринскому воеводе, что его люди нашли это оружие под слоем земли на склонах кургана и принесли ему. Вероятно, это вооружение было подарено Ермаку татарами и впоследствии закопано в кургане.

XVIII век. Именитый гражданин Туринска купец Ксенофонт Касин, владелец суконной фабрики и сахарного завода в Тобольске, открывает у себя на подворье «кунсткамеру» разных диковинок. Среди них были и «редкости» из Ермакова кургана. Первый по богатству купец Туринска с объявленным капиталом 60 тысяч рублей (деньги по тем временам огромные), Касин, бывая в разных городах и уездах по торговым делам, не забывал при случае приобрести редкую вещицу. Что касается изделий из Ермакова кургана, то их приносили ему — разумеется, не бескорыстно — «пришлые людишки», которые в целях наживы тайно занимались здесь раскопками. А изделия были действительно уникальны. Бронзовые бляхи с мифологическими изображениями волка, оленя, всадника, бронзовые фигурки волков, бронзовые культовые фигурки птиц с «личинами» человека, зверей, языческих божеств... Они подобны найденным в Истяцком кладе и представленным в Тобольском музее-заповеднике. Бронзовая поясная пряжка VI века новой эры с фигурками двух оленей сверху, двух зайцев внизу и головы медведя — посередине. Привлекли внимание посетителей касинской «кунсткамеры» и бронзовые шумящие подвески IX века —четыре пары колокольцев, каждая пара — на отдельном кольце-сцепке.

Как названные вещицы попали к Ермаку? Вероятно, эти дары, преимущественно культовые, преподнесли главному атаману Ермаковой дружины инородцы в знак покорности русскому царю и чтобы с помощью «талисманов» оградить казачью дружину от злого духа. А поскольку «талисманы» считались священными, то воины Ермака решили сбросить их и закопали вместе с другими ценностями в землю.

Однако разбойный промысел «грабителей кургана» надлежало остановить. Того требовали интересы православной церкви и властной государственной политики. Используя поход дружины Ермака в

Сибирь для прославления православной церкви, тобольский митрополит Филофей Лещинский назвал разграбление Ермакова кургана кощунством, оскорблением Бога и призвал православных воспрепятствовать святотатству. Ослушников ожидало отлучение от церкви. Местная светская власть поддержала инициативу церковников еще и потому, что инородцы также были недовольны самочинными раскопками. Для них Ермаков курган был местом священным — ведь там зарыты талисманы их языческих богов. Проклятье ложилось на тех, кто осмеливался потревожить «священный холм». Пойманных «раскопщиков» татары предавали смерти. И местная власть была заинтересована помешать столкновениям и кровопролитию из-за раскопок кургана. Тем не менее, несмотря на запрет, бумаги Туринской воеводской канцелярии говорят по крайней мере о семнадцати попытках «хитников» поживиться в кургане.

Разумеется, самочинные раскопки были беспорядочными и поверхностными. Ни о каком научном подходе речи не могло быть. Какому кладоискателю-одиночке под силу основательные археологические работы?

Миновало еще два столетия. О запрете на раскопки уже никто не вспоминал. Бурные революци-

онные потрясения в России, социальная перестройка общества заставили надолго забыть о Ермаковом кургане. Впрочем, различные варианты местонахождения клада все же проверялись. Правда, неудачно. И потому, например, екатеринбургский искусствовед Г.Зайцев на основе многих неудачных раскопок около семи лет назад призывал со страниц областной газеты «Уральский рабочий» не обольщаться надеждами на положительный результат раскопок.

Не подтвердилась гипотеза о ермаковом кладе в нижнетагильском городище. Студенческая археологическая экспедиция провела там раскопки, и «клад» не нашла. Легенды чусовских жителей, на которые ссылается академик Г.Миллер, будто богатства, накопленные до похода в Сибирь, Ермак «схоронил в пещере, которая в камне при реке Чусовой», тоже еще не подтверждены. Хотя обследования с помощью электроразведки показали: в одной из пещер на берегу Чусовой должны быть сокровища.

И вот теперь на очереди Ермаков курган. В свое время Е.Шаварская ходатайствовала перед руководством области о необходимости начать там раскопки. Надеялась на студентов-археологов Уральского университета. Жаль, не получилось. Остается надеяться, что современные уральские следопыты все же разгадают тайну Ермакова кургана.

Наталья ПОЗДНЯКОВА

САД КУЗЬМЫ РУДОГО

Когда я была ребенком, мама часто брала меня в гости к своей приятельнице Валентине Макаровне Рудой. Мы жили тогда в Нижнем Тагиле в знаменитой на всю округу «сорокашке» — большом сорокаквартирном доме, возвышавшемся среди низеньких частных строений. Выйдя из красивого двора с цветущими клумбами и безводными с военных лет фонтанами, мы шли мимо Выйского рынка, прилепившегося справа от таинственных руин взорванной некогда Выйско-Никольской церкви. Далее путь лежал через несколько улиц, застроенных добротными бревенчатыми домами с огромными огородами и копошащимися в придорожной пыли курами, к красивому зданию 33-й школы.

От школы переулочком спускались к реке Тагилу. На ее высоком берегу стоял неказистый с виду длинный деревянный дом, окруженный необыкновенной красоты садом. Там были беседки, увитые цветами, маленькое озеро, чуть тронутое фисташковой ряской, плодовые деревья, гнущиеся под тяжестью пунцовых яблок и сизых слив, густые заросли ягодных кустарников. Сад то круто спускался к реке, то заполнял пригорки и живописные поляны. Открывался чудесный вид на скалы Красного Камня и излучину реки, распадающуюся в этом месте на множество рукавов. Стоял конец сороковых, садоводческий бум еще не посетил здешние места, и все это великолепие воспринималось как чудо.

Интересными были и обитатели жилища: миниатюрная женщина лет тридцати и ее муж Лев Кузьмич, высокий и стройный. Он чем-то напоминал Вейсмюллера, исполнителя роли Тарзана в незабвенном трофейном фильме.

Говорили, что когда был жив отец семейства Кузьма Осипович, то в теплицах вызревал виноград и какие-то вовсе невиданные в наших краях экзотические фрукты вроде бананов.

В начале 50-х трагически погиб старший сын Льва Кузьмича, а года через два и сам он безвременно покинул этот мир.

А в шестидесятых вышел драконовский закон о

налогах, и почти все владельцы приусадебных участков постарались от них избавиться. Рудые постепенно покинули родовое гнездо. Когда лет через 20 я посетила эти места, то не нашла ни дома, ни сада.

Из полувековой дали, вспоминая свой детский восторг, я думаю, что сад Рудых был выдающимся явлением не только в Нижнем Тагиле, но и на всем Среднем Урале. Этаким маленький шедевр садоводческого и ландшафтного искусства. А его создатель — талантливый самородок Кузьма Осипович Рудый, погибший в застенках ГУЛАГа, заслуживает того, чтоб о нем вспомнили и почтили его светлую память добрым словом.

Я долго рылась в архивах Екатеринбурга, пытаясь отыскать сведения о жизни этого человека. Увы, собрать удалось лишь крупинцы.

Кузьма Осипович родился в 1874 году в деревне Климонт Виленской губернии в русской крестьянской семье. Он окончил учительскую семинарию в г. Молодечно и в 1898 году приехал в Нижнетагильский завод, получив должность учителя, а затем заведующего Выйским двухклассным училищем, подведомственным земству.

В ГАСО хранятся документы, из коих следует, что в 1907 году под расширение этого училища отвели земельный участок «площадью 2,295 кв. сажени, расположенный во 2-й части Н-Тагильского завода на заводской площади, против пожарной каланчи на Этапной улице». Предполагаю, что училище находилось на месте родной мне 33 школы. После реконструкции в нем планировалось обучать пятьсот учащихся, содержать «ремесленные мастерские по кузнечному и слесарному делу».

Молодой учитель исключительно удачно выбрал место для своего дома и будущего сада на берегу, окруженном увалами, защищавшими от жестоких ветров. Сад был заложен в 1899 году и стал если не первым, то одним из первых в этом регионе. Река в те годы была прозрачной и кишела рыбой. Отходы коксохима лишь через 30 лет отравят эту уральскую жемчужину.

Ни морозоустойчивых сортов, ни тем более центров селекции в те времена не было. Только одиночки-энтузиасты под насмешки обывателей занимались трудоемким, кропотливым и не всегда благодарным делом. Бывало, что десятилетиями выращиваемые деревья вдруг погибали в нередкие жестокие зимы.

Кузьма познакомился с известным впоследствии екатеринбургским садоводом Дмитрием Ивановичем Казанцевым. Легендарная яблоня, почти 60 лет плодоносящая в саду Дмитрия Ивановича, выведена не без участия Кузьмы Осиповича. Сорт этой чудо-яблони — «Кордик» — назван по их инициалам.

В 1911 году на сельскохозяйственной выставке Среднего Урала Кузьма Осипович был награжден золотой медалью Министерства земледелия — как пионер северного садоводства.

У Кузьмы Осиповича был и незаурядный коммерческий дар. Плоды своего труда он удачно продавал, чем обеспечивал процветание своему разрастающемуся семейству. В церковных метрических книгах выйско-никольского православного прихода значится, что у Кузьмы Осиповича и его жены Марии Ивановны были дети: Сергей, Геннадий, Алевтина, Лев и Вера. Все они получили разностороннее образование. У Льва был прекрасный оперный голос, он учился в консерватории, но события 30-х годов помешали ее закончить.

Осенью 1917 года на объединенном собрании большевиков, меньшевиков и эсеров Нижнетагильского завода К.О.Рудый был избран председателем земской управы, как образованный, энергичный, опытный деятель земства. Захваченный объявлением деклараций о всеобщем благоденствии, Кузьма Рудый вступил в партию большевиков, но через несколько месяцев понял, что «это партия беспорядков». Он был мудр и прозорлив, но эти слова стоили

жизни ему и его старшему сыну Сергею.

Дальнейшие события привели к упразднению земства. На его развалинах возникли райисполкомы. Кузьму Осиповича приглашали и туда, но он считал, что там «порядка нет», да и не желал он больше соприкасаться с политикой.

Более 25 лет отдав земской школе, он в 1925-м переходит на работу в Горзеленстрой. Трудно сейчас сказать, добровольной ли была эта смена статуса. Но деятельная натура Кузьмы Осиповича не позволила ему тихо уйти на покой. По его инициативе на месте бывшей торговой площади разбиваются скверы очень удачной планировки. И поныне это красивейшее место города, но мало кто помнит их создателя.

В 30-е годы он — агроном и садовник в созданном им же питомнике на руднике III Интернационала. В те годы местная пресса писала о «рудовской пшенице». Где она и что с нею стало?

За успехи в выведении высокоурожайных и морозоустойчивых культур К.Рудый в 1937 году был награжден грамотой и денежной премией Наркома земледелия.

Увы, и другой нарком не обошел эту семью вниманием. В ночь на 6 декабря 1937 года подъехал «черный ворон» и увез Кузьму Осиповича вместе с сыном Сергеем. У них конфисковали два охотничьих ружья и порох. Естественно, в деле они фигурируют как орудия террора. 7 декабря, на следующий день (!) следствие по их делу было закончено, 9-го декабря оба были приговорены к расстрелу, а 15-го приговор был приведен в исполнение. Обвиняемые ни в чем не сознались, в деле нет ни одного доказательства их вины.

Стандартные серые строения стоят на месте живописной Выи моего детства. Может быть, это и хорошо, но невольно вспоминается классик: «Русь! Куда же несешься ты?»

Владимир ПУРОНЕН

СОКРОВИЩА МАГАРАДЖИ

Фарук Абдулла, главный министр индийского штата Джамму и Кашмир, внимательно разглядывал посетителя. Молодой рослый сикх* держится с достоинством, одет как чиновник, но выправка военная. Лицо показалось министру знакомым. Где-то он его уже встречал...

Несколько дней тому назад один из телохранителей министра сказал ему, что его брат хочет сообщить о чем-то очень важном. Фарук Абдулла не стал откладывать дело в долгий ящик, но попросил говорить короче.

— Я узнал, где хранятся сокровища последнего магараджи Кашмира, — после краткого приветствия сообщил посетитель.

— Сокровища Хира Сингха?! Да разве у него оставались какие-либо сокровища? Ведь при разделе страны** он почти все потерял, а остатки поделили наследники.

— Наследникам досталось далеко не все. Я в этом уверен и берусь доказать свою правоту. Позвольте, я вам все расскажу по порядку.

* * *

— Похоже, наш шеф опять поссорился со своей дражайшей половиной.

Эту фразу Лал Сингх произнес глядя в потолок и обмахиваясь газетой. Утром в канцелярии испортился вентилятор, и Лалу, а также его коллеге Пхула Рану предстояло провести весь день в духоте. А тут вдобавок и плохое настроение шефа...

Вскоре Лагман Садху прошествовал через канцелярию в свой кабинет. Вид его оправдывал самые худшие предположения чиновников. Им оставалось только гадать, кого начальник вызовет первым, чтобы устроить разнос. Первым чаще всего оказывался Лал. Хотя сослуживцы были ровесниками — обоим исполнилось и тридцати, — Пхула служил в казначействе, куда поступил сразу после окончания лицея, уже без малого десяток лет. Будучи из одной касты со своим шефом, Пхула не без основания надеялся со временем занять его место и поэтому относился к начальству с почтением. Впрочем, все это не мешало ему слегка подтрунивать — разумеется, заглазно — над всеми своими начальниками.

*Сикхи — религиозная община в Сев.-Зап. Индии (Пенджаб). Отрицают кастовое деление. С XIX в. многие сикхи служат в армии.

**Имеется в виду раздел в 1947 году на два доминиона — Индию и Пакистан — бывшей английской колонии.

Лал же сидел в канцелярии всего несколько месяцев. До этого он, как и многие сикхи, носил военный мундир и уже дослужился до чина старшего лейтенанта, когда во время очередной пограничной перестрелки получил пулю в бедро. Сам Лал не считал ранение тяжелым, но за ним последовали два месяца госпиталя и заключение медицинской комиссии — признать негодным к дальнейшей службе в армии. Рухнули мечты об офицерской карьере. Хорошо хоть родственники помогли устроиться бывшему пограничнику клерком в казначейство. Не питая особых надежд на продвижение по служебной лестнице, Лал исполнял свои нехитрые обязанности без чрезмерного рвения. Этого было достаточно, чтобы гнев начальства в первую очередь обрушивался на его голову.

И вот отставной лейтенант ждал вызова к шефу, уверенный, что никакое чудо не спасет его от предстоящей нахлобучки. Но избавило появление джинна. Джинн имел вид благообразного седого старца, одетого во все белое. Звали старца Акбал Нас, и был он генеральным инспектором казначейства штата Джамму и Кашмир. На сей высокий пост Акбала Наса назначил почти полвека тому назад последний магараджа Кашмира — грубый, жестокий и недоверчивый деспот Хира Сингх.

В те времена Индия еще была колонией Великобритании, а Хира Сингх — одним из крупнейших индийских феодалов. Он имел собственное казначейство, а также двор, гвардию, полицию, администрацию и все остальное, что положено было иметь индийскому князю. Однако в 1947 году Кашмир стал неотъемлемой составной частью республики Индия и был преобразован из княжества в штат.

С тех пор минуло более тридцати лет. На первых порах большинство государственных постов в Кашмире занимали чиновники, назначенные магараджей. Но шли годы, десятилетия... И сейчас из их числа на своем посту остался, пожалуй, лишь Акбал Нас. Хотя генеральному инспектору давно перевалило за восемьдесят, годы не согнули его. Выглядел довольно бодро и, судя по всему, отнюдь не тяготился своими обязанностями.

Надо сказать, что должность Акбала Наса уже давно стала sinecurой. Канули в прошлое времена, когда в подвалах казначейства хранились огромные сундуки, набитые серебром. Все денежные операции теперь производились через банк, а сундуки использовались для хранения архивов. Тем не менее регу-

лярно два раза в месяц из года в год генеральный инспектор навещал пыльные подвалы казначейства.

Его визиты совершались по одному, раз и навсегда установленному, ритуалу. Получив лично из рук начальника канцелярии ключи, Акбал Нас отправлялся инспектировать подzemелье. Так как знатное происхождение и занимаемый им высокий пост не позволяли старцу самому открывать замки и распахивать кованые двери, ведущие в подвал, то обычно он брал в сопровождающие кого-либо из младших клерков. В последнее время выбор его неизменно останавливался на Лале Сингхе. Может быть, внешность молодого человека напоминала инспектору годы, когда он прибывал в казначейство в сопровождении свиты из хорошо вооруженных гвардейцев-сикхов, может быть, на то были другие причины. Кто знает..

Вот и сейчас Акбал Нас вошел в кабинет начальника, как всегда не закрыв за собою дверь. Лал и Пхула могли видеть, как шеф вскочил и подобострастно поприветствовал инспектора, сложив руки у груди и почтительно изогнувшись. Нахмуренное чело его мгновенно приобрело выражение самое благожелательное. И в то время, как Лагман Садху в самых изысканных выражениях изливал свою радость по поводу того, что он наконец-то вновь обрел счастье лицезреть высокочтимого сахаба, молодые чиновники переглянулись и Пхула подмигнул Лалу: «Ура! Гроза миновала!»

— Лал Сингх! Вам выпала честь сопровождать многоуважаемого господина Акбала Наса!

Эти слова начальника также были частью ритуала и повторялись из года в год. Менялись лишь имена сопровождающих.

Лал заранее знал, что произойдет дальше. Сейчас они спустятся вниз, инспектор молча передаст ему связку ключей, он отомкнет старинные, сработанные еще в прошлом веке, запоры, откроет железные, местами уже изрядно поржавевшие двери, и вернет ключи Акбалу Насу. Затем старик минут на сорок скроется в подземном коридоре, оставив спутника у дверей дожидаться своего возвращения.

Ожидая возвращения инспектора, Лал искренне радовался, что «джинн» появился сегодня столь своевременно. Интересно, кто первым придумал для Акбала Наса такое прозвище — «джинн»? Именно так обычно называли генерального инспектора молодые чиновники в разговорах между собой. Джинн... Конечно, Лалу не раз доводилось слушать сказки о духах, стерегущих спрятанные сокровища. Но какие сокровища могли храниться в казначейских подвалах, откуда последнюю серебряную рупию вынесли лет двадцать тому назад? Хотя... Что же тогда со столь завидным постоянством инспектирует Акбал Нас?

Помнится, когда он однажды задал этот вопрос своему коллеге, то услышал в ответ, что престарелый инспектор не может забыть о временах, когда он на самом деле был очень важной персоной. Конечно, старик и сегодня имеет некоторое влияние в верхах. Ведь и Акбал Нас, и министр финансов штата принадлежат к тому же племени догра, что и покойный магараджа. Так что лучше не осложнять с ним отношений. Ведь стоит только инспектору замолвить,

где нужно, словечко, и карьера любого чиновника в казначействе обеспечена. Или наоборот. А если «джинн» перестанет исполнять свои давным-давно никому не нужные обязанности, то о нем могут просто-напросто позабыть. Да и возраст, наверняка, тоже сказывается... Произнеся последнюю фразу, Пхула выразительно покрутил пальцем у виска.

Тогда слова напарника показались Лалу убедительными. Но сейчас он призадумался. Лично на него Акбал Нас никогда не производил впечатление ни тщеславного, ни, тем более, выжившего из ума старика.

Когда Лал вернулся к своему столу, Пхула встретил его словами:

— Ну, как там наши сокровища? Все ли на месте?

— Послушай, — перебил его Лал, — а магараджа Кашмира на самом деле был так богат, как о нем рассказывают? Или это только сказки?

— Был ли магараджа богат? О, безусловно! Разумеется, настоящих размеров его состояния точно никто не знал, но в свое время он считался одним из богатейших князей Индии. А в октябре 1947 года почти все потерял. Мой отец до сих пор не может забыть, что здесь тогда творилось! Сначала в Кашмир ворвались патаны*, следом за ними регулярные войска Пакистана. Мусульмане истребляли индусов и сикхов, сикхи и индусы — мусульман... Погибли тысячи и тысячи ни в чем не повинных людей... Пострадал и магараджа. Его дворцы и имения были разграблены и сожжены, а все владения на оккупированном севере страны конфискованы пакистанскими властями.

Впрочем, в своих несчастьях магараджа был виноват больше всех. Он слишком долго торговался с центральным правительством Индии, обсуждая условия присоединения и желая сохранить для себя побольше прав и привилегий. И проторговался. Время, необходимое для организации обороны, было потеряно впустую, хотя и слепому было видно — войны не избежать. Ведь Пакистан с самого начала претендовал на Кашмир, где большинство населения исповедовало ислам.

Когда начались бои, магараджа находился на севере страны. Ему пришлось бежать от мусульман, бросив свое достояние на произвол судьбы и спасая только собственную голову.

Эти беды намного укоротили жизнь Хиру Сингху. Конечно, умер он далеко не нищим, но от сказочных богатств правителя Кашмира остались только воспоминания. К тому же, личные ценности магараджи хранились в разных местах княжества и спасти их просто не было времени. Здесь же, в Сринагаре**, издавна находилась лишь государственная казна. А уж ее-то судьбу нетрудно проследить по нашим архивам вплоть до последней пайсы***.

Во время беспорядков в здании казначейства зашел отряд гвардейцев магараджи. Обороной руководил Акбал Нас. Гвардейцы получили приказ: стрелять в каждого, кто приблизится на расстояние ружейно-

*Патаны (пуштуны) — мусульманские племена, обитающие на севере Пакистана и в Афганистане.

**Сринагар — столица Кашмира.

***Пайса — самая мелкая индийская монета.

го выстрела. И патронов они не жалели. Поэтому казначейство осталось в целости и сохранности. Когда княжество было преобразовано в штат и новое начальство принимало казну, к Акбалу Насу никаких претензий не было. Говорят, министр финансов даже удивился, что после таких боев казначейство вообще уцелело.

— Неужели здесь шли настоящие бои?

— И еще какие? Возможно, магараджа надеялся отбить нападение собственными силами, но в несколько дней его армия была разбита наголову, полиция и большинство чиновников разбежались, а сам Хира Сингх в панике устремился под защиту индийских войск.

Казначейство было одним из главных опорных пунктов обороны. Организовать ее магараджа поручил лично Акбалу Насу. Бригада каменщиков заложила здесь все окна, превратив их в бойницы, а подвалы на всякий случай временно были замурованы. Кстати, все каменщики погибли при защите здания.

Речь Пхула звучала убедительно, однако она не поколебала сомнений, возникших у Лала. Очень похоже, что генеральный инспектор и в самом деле до фанатизма предан памяти своего покойного хозяина. Однако, он мог бы найти и другие способы выражения этой преданности. Пхула утверждает, что если старик перестанет посещать подвалы, то о нем забудут. Но кто вообще знает об этих визитах? Несколько чиновников казначейства, и только. А уж здешние служащие умеют держать язык за зубами! И почему генеральный инспектор бродит в подвалах так долго? Ведь обойти подземелье можно за пятнадцать-двадцать минут. Значит, у него есть на то особые причины? Но какие?

Лал Сингх — бывший пограничник. И он найдет разгадку.

Очередной визит генерального инспектора отставной лейтенант ожидал с большим нетерпением. Своими сомнениями он ни с кем делиться не стал, но кое-какие меры принял...

Акбал Нас прибыл в точном соответствии с расчетами Лала. Как только старик покинул казначейство, молодой сикх тотчас же отправился в подвал под предлогом, что ему, якобы, срочно нужно посмотреть архивные документы. Если Акбал Нас входил в бывшее хранилище казны словно бы совершал священнодействие, то все остальные, у кого в том была нужда, посещали подземелье в любое время и без всяких церемоний. Накануне бывший пограничник уже спустился сюда и тщательно припорошил пылью все старые следы на полу. И теперь отпечатки подошв генерального инспектора просматривались достаточно четко даже при тусклом свете редких электрических лампочек, освещавших переходы подземного лабиринта.

Вначале инспектор шел прямо по коридору, затем свернул налево. Сразу же за поворотом он остановился и какое-то время топтался на месте. Знакомая уловка! Лал готов был поклясться, что стоя за углом, старик прислушивался, не идет ли кто следом. К чему такая мера предосторожности? Ответ мог быть только один — инспектор опасался слежки! Но

если так, значит, ему есть что скрывать.

За следующим поворотом — опять остановка. Сердце Лала забилося чаще. Так вот почему у старика так много времени уходило на обход подземелья!

Следы привели Лала к одной из многочисленных и ничем не примечательных подвальных ниш, против которой Акбал Нас остановился в последний раз. Без сомнения, эта ниша и была тем самым объектом, к которому стремился старый инспектор, так как обратный путь он прошел без остановок, самым коротким путем, никуда не сворачивая. Однако ниша была пуста, как, впрочем, и все остальные. Лал самым внимательным образом осмотрел и ощупал все ее стены и даже отдельные камни. Ничего подозрительного. Судя по всему, этих камней уже много лет не касалась рука человека. Но ведь Акбал Нас шел именно сюда! Шел, соблюдая необходимые меры предосторожности. Зачем? И вообще: зачем эти ниши здесь нужны? Что это: украшения или просто облегченная часть фундамента? На такой вопрос может ответить только опытный специалист — строитель или каменщик. Каменщик...

Лал вспомнил рассказ Пхула — при обороне казначейства погибли несколько каменщиков. Прежде чем погибнуть, они замуровали вход в подвал. Но, может быть, каменщики замуровали не только вход? Ведь чтобы разобрать и вновь заложить нишу, много времени не потребуется. В таком случае гибель ремесленников — случайная или неслучайная — была для Акбала Наса как нельзя более кстати — не осталось в живых свидетелей!

Но как все это проверить? Своими силами здесь не обойтись... Рассказать все начальнику канцелярии? Лал мысленно представил, с каким подобострастием Лагман Садху приветствует генерального инспектора... Нет, от шефа ждать помощи не стоит, он не поверит ни единому его слову. Зато неприятностей не оберешься. Да и что он приведет в подтверждение своих слов? Следы на пыльном полу? Нет, нужно проверить свои подозрения еще и еще раз!

Лал с трудом дождался следующего посещения казначейства Акбалом Насом. И на этот раз «джинн» прошел свой путь с прежними предосторожностями, закончив его у той же ниши. Это повторилось и в третий, и в четвертый раз...

Подозрения Лала Сингха сменились твердой уверенностью, что это неспроста. Но кто даст согласие на проверку? Ба, да ведь, его, Лала, двоюродный брат служит телохранителем у самого Фарука Абдуллы — главного министра штата Джамму и Кашмир!

Рассказывая министру о своих наблюдениях и выводах, Лал с трудом сдерживал волнение. Поверит или нет? Сейчас все доказательства ему самому казались зыбкими и непрочными. Однако Фарук Абдулла выслушал его внимательно, ни разу не перебив. Когда Лал кончил, министр встал и несколько раз медленно прошелся по комнате взад и вперед. Затем вновь сел и обратился к посетителю:

— Да, молодой человек, Ваш рассказ правдоподобен, хотя и не во всем убедителен. Пожалуй, стоит проверить Ваши доводы на месте. Министр финансов

штата уже давно просит меня утвердить смету на ремонт здания казначейства. Вот пусть комиссия и проверит, действительно ли здание нуждается в ремонте, и в каком именно. Вы будете членом комиссии и покажете, с какого места следует начинать.

В назначенное время группа из семи чиновников в сопровождении четырех каменщиков подошла к таинственной нише. Незадолго до этого генеральный инспектор отправился в отпуск, так и не узнав ничего о предполагаемом осмотре казначейства. В тот день в подвале не работало освещение, и комиссия вооружилась факелами, которые хранились у привратника бог знает с каких времен. В их колеблющемся свете подземелье приобрело таинственный вид.

По указанию Лала рабочие начали разбирать стену. После первых же ударов киркой по камню стало ясно, что за стеной — пустота. И через полчаса взорам присутствующих предстал тайник, в котором находились шесть старинной работы сундуков, обтянутых потертым муслином. На всех сундуках висели заржавевшие замки и восковые печати, принадлежавшие последнему магарадже Кашмира. Всех интересовал вопрос: «Что в сундуках?» Но кто имеет право снять печати покойного магараджи? Только главный министр штата.

К сообщению о том, что в подвале казначейства обнаружен тайник, а в нем — шесть запечатанных сундуков, министр отнесся внешне спокойно и выразил желание тотчас взглянуть на находку. Проверив печати, он отдал приказ взломать замки и открыть сундуки. Все шесть были доверху забиты шкапулками и футлярами с драгоценностями, между которыми местами блестело золото и сверкали самоцветы. Вероятно, сундуки собирали в большой спешке и кое-что не успели даже как следует упаковать. Чего здесь только не было! Мечи и кинжалы, конские сбруи, кольца, парадные одежды, браслеты... Все вещи, даже детские игрушки, принадлежавшие, судя по всему, сыну последнего магараджи, были богато украшены драгоценными камнями. Тут находилось множество бриллиантов чистой воды, сотни великолепных уральских изумрудов, мешочки с цейлонскими и бирманскими рубинами, красивейшая коллекция жемчуга... Не было среди сокровищ только сапфиров, хотя эти камни добывались и в самом Кашмире. Хира Сингх был суверен: придворные астрологи предсказали ему, что сапфиры навлекут несчастье на династию Догров. От сапфиров магараджа избавился, но несчастий все равно не избежал...

Такой коллекции драгоценностей не было, пожалуй, во всей Индии. Да и во всем мире не много нашлось бы ей равных.

Как же эти богатства оказались в подвале казначейства? Точного ответа на этот вопрос, наверное, никогда не будет найдено. Акбал Нас отказался что-

либо сообщить по этому поводу. Последний хранитель сокровищ вообще не пожелал говорить о кладе, тайну которого он решил унести с собой в могилу, а никаких реестров, инвентарных книг или иных документов, сопровождающих драгоценности, не сохранилось.

Вероятно, предположения Лала Сингха были не так уж далеки от истины. Акбал Нас, рискуя своей жизнью и жертвуя жизнями своих подчиненных, сумел-таки доставить в сравнительно безопасное место главную часть драгоценностей своего господина. Таким местом оказалось казначейство. Но удастся ли удержать Сринагар? — этого в то время точно никто знать не мог. Охваченный паникой магараджа не задержался в столице ни на одну лишнюю минуту. Доверив защиту казначейства преданному слуге, сам он бежал дальше на юг, поближе к Дели. Генеральный инспектор решил принять самые решительные меры для спасения богатств своего господина. Вызванные в казначейство каменщики не только укрепили здание, но и замуровали тайник. Чтобы сохранить тайну, они должны были замолчать навсегда. Впрочем, что могли значить для брахмана жизни нескольких членов низшей касты, презирать которых для него было столь же естественным, как дышать?

Магараджа тем временем отрекся от престола. Его наследник тотчас же объявил о присоединении Кашмира к Индии и отказался от своих политических прав в обмен на солидную пенсию от индийского правительства. Индийские войска отстояли Сринагар, но линия фронта еще полгода проходила рядом с городом. Судьбу Кашмира в то время не брался предсказать ни один даже самый опытный астролог. И экс-магараджа счел за благо до поры до времени не беспокоить свой клад, о котором теперь знали лишь два человека на всем белом свете — он сам и его верный слуга Акбал Нас.

Однако дожидаться лучших времен магарадже не довелось. После его скоростной смерти Акбал Нас остался единственным, кому была известна тайна сокровищ правителя Кашмира. И старый «джинн» хранил свою тайну тридцать шесть лет. Если бы не любопытство молодого чиновника, кто знает, когда эти сокровища были бы найдены.

После обнаружения клада старое здание казначейства стало, пожалуй, самой знаменитой из всех достопримечательностей Сринагара. Чтобы дополнительно привлечь в Кашмир туристов, правительство штата распорядилось выставлять отдельный драгоценности для всеобщего обозрения.

Лал Сингх покинул место в канцелярии и стал офицером полиции. Копаться в бумажках — разве это стоящее дело для сикха! А история с кладом магараджи послужила для него отличной рекомендацией — о лучшей и мечтать не приходилось.

Владимир ГОЛДИН

ДЕРЕВЕНСКИЕ МОТИВЫ

ФЕВРАЛЬ

Дни уже заметно прибавили, да и солнце выглядывает все чаще. Но зима дает о себе знать — известное дело, февраль-ветродуй на дворе.

В один из таких холодных неуютных дней шел я по сельской улице. Зябко идти против ветра, глаза слезятся, подбородок все глубже утыкается в мягкой шарф, а руки ищут тепла в карманах.

По тропке сворачиваю на заснеженный и никому не нужный в эту пору стадион. Сиротливо и неуютно здесь, лишь голые тополя чернеют на солнце морщинистыми стволами, да кружится вверху одинокий прощолодный листок. И вдруг...

«Ти-ти...и...ть!»

Четко, громко, ясно и неожиданно. Словно на концерте, когда не успел подготовиться к взмаху дирижерской палочки.

«Ти-ти...и...ть, ти-ти...и...ть».

Синица. Сизенький комочек. Весну почувяла.

Стал искать ее среди ветвей, напрягая зрение. Вот ведь птаха: всегда незаметна, зимой среди воробьев прячется, летом — среди множества других пернатых. Но нашла-таки время, чтоб человек обратил на нее взор. Даже стын февральская не страшна певунье.

«Ти-ти...и...ть, ти-ти...и...ть».

Вся напрягшись и вытянувшись к солнцу, синичка пела о новой весне, о любви, о жизни. И так мне стало тепло и хорошо, что нестрашным показался колючий февральский ветер.

МАРТОВСКИЕ ХЛОПОТЫ

Капель. С солнечной стороны нарастают сосульки. В тени холодно. И потому хочется на солнце. Уже надоели зимние холода. Однако утренники такие, что шапку вдавливаешь на уши на всю глубину. Алая полоса на востоке с утра обещает ветреный день. Мороз за ночь выкристаллизовал вчерашнюю влагу, превратил ее в туман и развесил по деревьям кудрявым инеем. Как только солнце отрывается от своей постели, природа сразу меняется. Туман мелкими льдинками, блестя всевозможными красками и оттенками, ложится на белый снег. От этого снежное одеяло становится еще загадочней. Работы со снегом зимой много.

Но в марте снег становится плотным, тяжелым, коварным. Добрый хозяин уже ранней весной начинает сбрасывать снег с домашней крыши, где он разместились метровым сугробом. Поднимаешься по снежному настилу вверх к вершине дома, и кажется, что идешь в синеву бездонного неба. Любуешься какое-то время красотой, греешься на солнце, но надо работать.

Бьешь лопатой по слежавшемуся снегу, а он сразу не поддается. Но вот большой ком с шумом ухнул вниз. Отбиваешь следующий, затем еще и не замечаешь, как сам летишь с крыши.

— Ох! — успеваешь только крикнуть, — и уже по пояс в снегу. Хлопотно: надо выбраться, подобрать лопату да вновь подняться на крышу. Радостно — такое бывает только весной. Снег с крыши убран. А на дворе уже ждут дрова.

От разделанных бревен, свежих опилок, перемешанных с комочками снега, исходит арбузный запах. На всех улицах поселка возвышаются кучи наколотых дров. Уже и будущая зима не страшна. Длинный мартовский день, но и он заканчивается желтым пятном закатного солнца на заснеженной поляне. Глубокий, синий, длинный вечер сменяется звездной холодной ночью.

ПЕТРОВ ДЕНЬ

— Здравствуйте, — поприветствовала меня баба Настя, поклонившись в пояс. — С праздником вас.

— С каким? — спросил я, недоумевая. — Середина лета, все в работах, какие праздники?

— Петров день сегодня. Можно начинать косить, — зачастила баба Настя. — Разговляться ягодками: земляничкой, синей ягодой. Раньше-то молебен был в этот день. Красиво! Колокольный звон. Церковь была деревянная. И служба была в честь Петра и Павла. Вот тут-то через Койву мост был. Железный. Украшали его: березками, елочками. А сейчас что?

Баба Настя перевела дух. Она казалась воздушной и торжественной: широкая ситцевая юбка, из такой же материи кофточка, голову покрывал белый чистый глаженный платок. Но ступни ее укутывали двойные шерстяные носки. Возраст. Восемьдесят пять...

— А сейчас что? — повторила баба Настя. — Все нарушили. Колокола-то, когда снимали, разбить не

могли. Накладывали в колокол дров, грели докрасна. А потом — холодной воды туда, чтобы треснул.

Баба Настя горестно махнула рукой. Заплакала. Качнувшись, оперлась на свою палку. Ветер наполнил ее праздничную одежду. И она пошла дальше, сгорбившись от усталости лет и грустных мыслей.

Я остался стоять, растерянный от неведения прошлого. И все же был рад, что узнал о празднике, увидел нарядную бабу Настю. И поклонился ей вслед.

ДЕРЕВЕНСКИЙ МОТИВ

Стоит яркий солнечный день затянувшейся осени. В огородах давно все убрано. Заботливые хозяева сгребают в кучи пожухлую картофельную ботву. Поправляют заборы. Но все это делается без лишнего шума. Не резон шуметь. В этом опустевшем, без листвы, осеннем воздухе шепот — и тот на полдеревни слышен, а стук молотка ухает, как набат, долетает до леса и потухшим эхом возвращается обратно.

Надрывно блеют овцы, разделенные частными огородами. И вдруг тетка Мария, в поблекшем ситцевом наряде поверх высохшего тела, выбегает на улицу и начинает кричать: «Гали-гали-гали! Вот попробуй поймай их сейчас. Мать их так».

Деревня вмиг наполняется этим криком и отраженным эхом.

— Гали-гали-гали, — кричит женщина, семена по высохшим неровностям улицы. Она не видит никого и даже — своих выбежавших овец. Женщина кричит на мужа, ругая его последними словами. Кричит на детей: «Нашли место играть!» В воспаленном состоянии она пронесится в конце деревни. Это действует на других. И уже в одном дворе зарождается женский крик, в другом, третьем. Загалдела деревня. Заволновалась.

А овцы, не найдя летнего стада, молча трутся у тетки-марьиного, поросшего крапивой забора.

БАРАШКА

Белый, сырой комочек беспомощно двигал несурово длинными ногами, прильнув мокрой спинкой к январской заиндевевшей стене.

Большая серая мать сердито отбросила от себя только что отделившееся от нее существо и угрожающе косилась, готовая еще раз ударить комылом лбом непринятое дитя.

— Ах, ты беденький, — говорил я барашке, осторожно отделяя его от промерзшей стены. Попытался подсунуть его матери, но та сердито уходила от него, отворачивала вымя, и только мое присутствие сдерживало ее ярость.

Я занес ягненка в дом. Барашек не проявлял никакого интереса к жизни. Валился со своих копытцев, не брал в рот соску с молоком, голова падала, и все тело вытягивалось на крашеном полу.

Надо было спасать угасающую жизнь. Я обмакнул

палец в молоко и толкнул ягненку в рот, но беззубый рот молчал. Я приподнял безжизненную голову и влил сквозь сжатые десны струйку молока. Барашек весь вздрогнул, но большая часть молока белой струйкой прокатилась по моей руке. Так повторилось несколько раз. Все мои усилия накормить его закончились каким-то бульканьем в крохотной утробе барашка. Он кашлянул и затих.

«Конец», — подумал я, жалея о несостоявшейся жизни. Но все же взял вялую головку с повисшими ушами, посмотрел на его красный холодный нос и решительно вдохнул в него воздух. Еще и еще раз.

Я раздувал в нем жизнь, как кузнец раздувает мехами горячие угли. Барашкины бока слабо зашевелились — восстановилось дыхание.

На следующий день я учил его пить молоко через соску. Он был вял, приходилось насильно заталкивать ее в рот и вливать спасительную жидкость. Он пил, кашлял и падал на подстилку у теплой печки. На третий день он помочился. На пятый появились нижние резцы. Жизнь победила.

Барашка смело хватал палец и настойчиво сосал его. Бутылку с молоком к концу второй недели он уже узнавал заранее и весь трясся в азарте. Пил молоко, напряженно чмокая и подталкивая бутылку носом. Задние лапы скользили по крашеному полу, ища опору, передние он подгибал, падая на колени. Глаза блестели, ушки напрягались до выверта, белые волосики на мордочке направлялись на емкость с молоком, как антенны, а хвостик вращался пропеллером.

В это время сыну моему, Вовке, было менее полугоры лет. Он был такой же кудрявый и светленький, как ягненок. Мальчики (сын и барашка) с интересом относились друг к другу. Бегали наперегонки, только вот порог преодолевать у них получалось по-разному. Вовчик бежит, разбрасывая ручонки в стороны, и останавливается перед препятствием, опирается на косяки и медленно переносит ножки через порог, а барашка с ходу скок через порог на все четыре копытца — и поехал по скользкому полу. Потом стоит и терпеливо ждет Вовчика, которого так лихо обогнал.

Часто мы играли втроем. Бегали наперегонки. Барашка от нас — ни на шаг. Вращали юлу, и ягненок тянулся к ней носом. Юла щекотала овечьего малыша, и он отдергивал мордашку. Вовчик, еще не умея говорить, подавал мне юлу и произносил звук: «И-и». Значит, давай еще, запускай...

Была у Вовчика и ягненка в то время еще одна общая черта — оставляли после себя на полу лужи, как тот, так и другой.

Время шло быстро. Через два месяца барашка окреп и выглядел вполне солидно, намного солидней, чем Вовчик. Но вел себя по-мальчишески. Ночью он будил всех в доме стуками копытцев по полу. Днем тасил в рот все что попадало: полотенец, половую тряпку, жевал обувь и одежду. Пришлось их разлучить, моего сына и ягненка. Одного отправили в стайку (понятно, что не Вовчика), а второй остался дома, каждое утро наведываясь к своему другу в гости.

ЛУЧИНА

Еще и не поздний вечер, но на улице уже темно. А с наступлением темноты в деревне спешат топить печи. Продолжая беседу с человеком, заглянувшим ко мне на огонек, я укладывал поленья в раскрытое зеву голландки. Дело было привычное и выполнялось без особого напряжения — машинально. И гость мой не обижался за такое совмещение дел: разговор и хлопоты вокруг печи. Он поступал бы так же, если бы я оказался у него дома в это же время. Он оживленно говорил, пока я занялся растопкой.

Но он вдруг замолчал, когда я взял в руки тяжелый тесак-нож и полено, заранее приготовленное, выбранное, без сучков и поровней. Это полено стояло у меня отдельно, в теплом месте и шло на растопку. В нужный срок на замену ему готовилось другое.

Тесаком я отщеплял тонкие лучины, и они с треском отскакивали и валялись на пол, увлекая за собой маленькие острые щепочки, сразу засорившие пол возле печи.

— Что так, по старинке? — спросил меня гость с упреком. — Бересто на это есть!

Я промолчал. Огонь спички в это время раскалил лучину, она почернела и вспыхнула слабым огоньком. Огонь, набирая силу под действием воздушной тяги, охватил весь пучок лучин, разогревшись, захватил поленья.

Я закрыл дверцу печи и отошел к столу, где сидел гость. Он продолжал свой рассказ о заготовках бересты. Я слушал рассеянно. У меня в голове бродили другие мысли...

Ранней весной я шел по березовой роще, наслаждаясь шелестом молодой листвы и незапыленной травки. Запах у каждой березы весной своеобразен и неповторим, как осенью — плоды у фруктовых деревьев. И вот в этой березовой роще, переполненной говором птиц и радостью обновляемой жизни, я остановился перед трупом...

Под моими ногами, поперек пути, лежала срубленная береза. Молодые листочки свернулись и поникли. Жизнь угасала. Но корни... Корни дерева не поняли всего случившегося, работали, всасывали весеннюю оживляющую влагу и гнали наверх. Эта весенняя влага, профильтрованная корневой системой, превращенная в березовый сок, выливалась на землю, через то, что осталось от красивого дерева — через пенек. Пень был красным. Березовый сок на открытом весеннем воздухе превращался в березовую кровь. Знакомый продолжал свой монолог, а я свое мысленное путешествие по лесу.

Кто из россиян не любит березу? О ней и песни, и стихи сложены, живописцы и киношники ей радуются. При всем этом, самое изуродованное, самое искалеченное существо из растительного мира в наших лесах — береза.

Я представил себе, как мой знакомый с утра пораньше собирается в лес — драть бересто. Берет острый топор или тяжелый нож. Идет по лесу и осознанно выбирает жертву. Он не будет обдирать молодую березку — там еще слабая кора, и взрослую бе-

резу обойдет — с нее уже не снимешь цельную пластину.

Он выбирает «березу в соку», ровненькую, без сучков, сантиметров тридцать в талии.

Вонзает в нее топор: раз, другой, третий... С треском сдирает лоскутья березовой кожи. А потом, довольный, с перекинутой за спиной связкой, уходит из леса, как средневековый дикарь со скальпами. Березы остаются в лесу израненные, оскорбленные, обещенные.

Поруганные деревья продолжают жить. Желтая жесткая кора, обнаженная снятым бересто, к концу лета и обретает оранжевый цвет, зимой от мороза чернеет. Чернота на стволах деревьев трескается, через отмирающую кору начинает просматриваться новое народившееся шершавое бересто. Рана заживает. Но разве рана была когданибудь красивой?

...Мирно потрескивали поленья. Я поднялся поправить огонь в печи. Мой гость тоже поднялся. Я не удерживал его, и не вступал с ним в споры. Зачем? Человек сам должен во всем разобраться.

У печки я отложил очередное полено для лучины.

ОЛЯПКА

Привыкли жители поселка к птичке, которая появляется на берегах чистой местной речушки с наступлением холодов. Цвета неопределенного: то ли бурая, то ли черная. Длинные лапки и короткие крылья, но белая грудка подчеркивает длинный клюв. Самая вся такая суетная. На месте не стоит, все время в движении. Острые глазки кажется управляют птичкой.

Скок. Нет птички. Она уже скрылась в холодной парящей воде. И в воде она не спокойна, гребет крыльями, как морж, и смотрит, смотрит. Заглядывает под камни, мутит воду, и не уйти личинке или ручейнику от мгновенного и резкого удара клюва.

Скок. Птичка на мокром, холодном камне. Торопится. Очищает ручейника, достает пока еще не застывшую личинку. Заглатывает. И опять ее нет. Уже в воде.

А то вспрыгнет, исполнит свою незамысловатую песенку и вспорхнет. Чиф. Полетела вдоль реки. Куда? Полынья-то не велика. Может быть, в свой домиг-гнездышко, погреться. Но кто его видел — это гнездышко. Замаскировано, спрятано: от дурного глаза, от кошек и собак. Осторожная птичка.

А когда она появляется на этой не замерзающей чистой речушке, когда исчезает? Никто точно не знает.

Но есть одно авторитетное мнение. Жизнь птички на берегах местной чистой речушки связана с прилетом серой трясогузки. Трясогузка прилетает ранней весной. Еще лед с рек не сошел, а она уже машет своим длинным хвостиком: вверх-вниз, вверх-вниз. А наша же зимняя жительница незаметно переселяется в лес, где корму уже достаточно, а нырять в теплую воду ей не пристало.

Приходит осень. Птицы готовятся к отлету. В это время серую трясогузку можно увидеть на огородах, на дорогах, на берегах рек. Повсюду трясогузка соби-

рает червей, набирает силы, готовится к отлету. Улетает она одной из последних. Начинаются заморозки. Осенняя шуга шуршит по большим рекам, и однажды большой мороз схватывает воду и умиряет ее льдом до самой весны. Именно в это время возвращается птичка к людям на местную чистую, незамерзающую речушку. Она не улетает в теплые края, не ищет корм по дорогам, не прыгает по помойкам, как сорока. Сильная, гордая птица. Хотя имя ее совсем не выразительно — оляпка.

НАЛИМ

Мы сидели на железнодорожном вокзале в ожидании электрички. Был конец ноября, трубы отопления слабо прогревали помещение. Мой сосед по скамье согревался спиртным из маленькой пластмассовой фляжки. Сделав последний глоток, он потряс опустевшей посудиною, утверждаясь в горькой мысли.

— Пуста фляжка, — проговорил он, упираясь в меня помутневшим взглядом. Затем полез во внутренний карман достал паспорт, в котором как в портмоне, хранились деньги. Он считал и так и сяк, но больше двух тысяч никак не набиралось.

— Ну, что я на них возьму? Коммерсанты—тор-

гаши и ста грамм не дадут. Займи две тысячи — с пенсии отдам.

Мне не хотелось одалживать этому человеку. Он легко давал обещания, но отдавать не торопился. Отвлекая моего соседа от мысли о выпивке, я завел разговор о рыбалке, зная о его страсти.

— Как нынче рыбалка? — спросил его.

— Что рыбалка? Из-за нее здесь и сижу. Мы с Гусем, ну ты знаешь его, наловили налимов. На радостях выпили. Взяли еще. Пришли ко мне. Жена спит среди бела дня. Видишь ли, устала. После первой рюмки, выпитой в тепле, нас развезло. Ну, тут Гусю и захотелось чего-нибудь остренького. Он и подложил мерзлого налима под одеяло, под теплый зад жене. Ты знаешь, налим какой живучий? Он и по росе может пройти, хоть бы ему что. А тут ему тепло. Он и поплыл. О-о-о, — пьяно растягивал гласную и последующие слова мой сосед, — ты бы видел, как подскочила, в одной сорочке, распаренная сном и постелью, жена. Как она заорала. Ну, досталось нам. Я-то маленький, мне ничего. Увернулся. А Гусю этим налимом и по спине, и по голове, и куда попало... Словом, вылетели мы на улицу, не допив начатого. А ты спрашиваешь, как рыбалка? Добавь на родимую.

Он взял у меня деньги и исчез в поисках.

Михаил ПЕТРОВ

КАК В НАШИ ДНИ ВОШЁЛ ВОДОПРОВОД...

Как мы, нынешние горожане, не рвничаем, если вдруг в квартире нет воды. Привыкли, что стоит открыть кран и — пожалуйста: бежит прохладная, очищенная. А ведь совсем недавно, каких-то восемьдесят лет назад екатеринбургцы воду носили, в основном, из колодцев и ключей.

Отцы города не раз задумывались над прокладкой водопровода. Впервые об этом заговорили в начале века. Газета «Уральская жизнь» в мае 1909 года писала: «В доме городского общества была созвана комиссия по благоустройству города, обсуждавшая совместно с составом управы вопрос о постройке водопровода в Екатеринбурге... Решено нынче же приступить к подготовительным работам...»

А пока горожане пользовались многочисленными ключами, разбросанными повсюду. Небезынтересно перечислить их. Это Верходановский ключ, а также Монастырский, Архирейский, Ильинский, Расторгуевский, Полетаевский, Засухинский, Сорочий, Мышкинский или Сухаревский, Ятесовский, Полуяновский, Симановский. Но самым популярным был Малаховский ключ. На углу Никольской и Малаховской улиц (ныне Белинского и Энгельса) даже устроили водокачку с паровым центробежным насосом. Пользовались, конечно, и колодцами. Состоятельным горожанам воду развозили в бочках водовозы, а бедный люд тащил ее в ведрах, на коромыслах. Но вопрос о водопроводе раз за разом возникал снова. Вот что писала газета «Зауральский край» в 1913 году: «В заседании 17 июля комиссия высказалась принципиально против использования источников воды, находящихся в городе, т.к. выяснилось, что все городские источники при отсутствии в городе канализации сильно загрязняются. Решено при будущих изысканиях обратить главное внимание на район городского выгона...»

Искали воду и в отдаленных местах. Например, брали анализ воды из озера Чусовского, что в 25 верстах от города. Обследовали источ-

ники в Березовском заводе и на ткацкой фабрике братьев Макаровых. Анализ воды в обоих случаях дал благоприятные результаты, и мощность в 500 тысяч ведер, потребных для города в сутки, была достаточна. Однако удаленность источников удорожала затраты на прокладку труб. Поэтому остановились на изысканиях геолога М. Клера, нашедшего в западной части города «богатые источники хорошей питьевой воды».

Клер был командирован комиссией в Петербург с тем, чтоб посоветоваться с инженерами-специалистами бурильного дела и определиться с затратами на прокладку водопровода. Вернувшись, Модест Онисимович доложил комиссии, что стоимость водопровода и водонапорной башни будет 600 тысяч рублей. А в городской казне на тот период находилось всего 400 тысяч. Так, дело с водопроводом временно застопорилось, а начавшаяся первая мировая война отодвинула вопрос на продолжительное время...

Вновь заговорили о водопроводе только в 1925 году. И надо отдать должное руководству города и энтузиазму рабочих того времени — за один сезон они сумели провернуть огромную работу. Газета «Уральский рабочий» в мае 1925 года писала: «Вчера подписан договор...» А в середине ноября уже: «Работы по сооружению Свердловского водопровода идут с неослабевающим темпом...» И, наконец, в номере за 22 декабря

1925 года: «Торжественное открытие водопровода». Газета приводит речь организатора строительства Клепацкого: «...Фактически мы начали строить водопровод с 23 года. В то время у нас не было твердого местного бюджета, не было средств, но задуманное дело мы не оставили.

Нельзя не отметить работу инженера Гавриленко. Он автор проекта, самоотверженный руководитель работ. Бывали тяжелые моменты, не хватало денег. Но товарищ Гавриленко упорно продолжал начатое дело...

Наш насос дает в день 100 тысяч ведер воды, но при некоторых усовершенствованиях он может дать и 200 тысяч. Мы пробурили 4 скважины и поставили 14 водоразборных будок... Трубы, проведенные под землей, имеют длину в 16,5 верст. Работа по прокладке труб была чрезвычайно трудна, то надо было проходить по торфянику, то по граниту...»

Таким образом, в 1923 году поселок Верхисетского завода получил воду из скважин Большого конного полуострова. Разбиралась она из специальных водоразборных будок. Автор этих строк захватил еще то время, когда на Уралмашстрое в домах начала 30-х годов, хотя и оборудованных водопроводом, краны были сухие. Моя мама ходила за водой к деревянной будке, стоявшей на пересечении улиц Красных Борцов и Калинина. За наполнение одного ведра платили 3 копейки. Вода поступала от скважин из-под озера Шувакиш, возле которого стояла водонапорная башня возведенная по проекту архитектора М. Рейшера. Это строение существует по сей день и именуется Белой башней.

А водонапорная башня, построенная в 1925 году для питания водой Верхисетского завода и близлежащего района, также красуется ныне как архитектурный памятник. Расположена она на Московской горке между улицами Малышева и Радищева. Клепанный бак для воды сейчас убран, и в башне работает школа скалолазания.

г. Екатеринбург

Валентина ЖИВАЕВА

ПЕЙЗАЖ ПОСЛЕ БРОДСКОГО

Общим местом стало утверждение, что со смертью Бродского кончилась эпоха. Прекрасная? Это уже другой вопрос. О его смерти — тихой смерти во сне — узнал весь мир. Такого поэта больше не будет. Поставлена красивая точка. Русская литература завершена.

КАК МЫ ЧИТАЕМ?

Человек, знающий, что его слушают, чувствующий свою ответственность. Пророк. Учитель. Бродский не учил царей, не писал политических памфлетов, не стремился быть услышанным всеми. Но он принадлежит той же традиции. В нем та же вера в силу слова — кому не памятна его формула, что человеку, начитавшемуся Диккенса, труднее выстрелить в себе подобного. То же мягкое, но учительство — ему есть что сказать, что посоветовать. Бродскому удалось то, что никому в русской литературе не удавалось. «Ты царь, живи один». Пушкин не смог, сумел Бродский. Образцовая, незапятнанная и счастливая жизнь, все мыслимые литературные премии, истинные друзья. А каких читателей послал ему Бог!

Впрочем, своего читателя Бродский создавал сам. В этот круг не было входа случайным людям. Полюбившие его в юности полюбили навсегда. Он не услышал упреков в «непонятности». Что-то неясно? Читатель Бродского в таких случаях бросает все, чтобы «по мере сил соответствовать» (П.Вайль). Читатель Бродского примерно равен ему по интеллекту, но безоговорочно признает его первенство и авторитет. Он благоговеет перед гением, но говорит с ним на одном языке. Наконец, частная жизнь поэта — святыня. Такой читатель сегодня невозможен. Как невозможен Бродский. Как невозможна литература, продуктом которой стал гениальный читатель Бродского. Как невозможно такое чтение, которое, будучи излюбленным занятием, периодически превращается в дело рискованное и просто опасное.

Да, мы читаем — по делу, между делом. Оптимально, когда текст прочитывается за вечер. «Медленное чтение» — роскошь, доступная не каждому. «Работу с книгой» тоже не каждый может себе позволить. Банально сетовать, что качественная ли-

тература до своего потребителя не доходит. Кроме того, она, все-таки, требует интеллектуального усилия, к которому мы способны все меньше. Все меньше книг, которые мы дочитываем и перечитываем. А читатель, открывающий книгу и забывающий мир, — просто курьез.

СОЗДАТЬ БЕСТСЕЛЛЕР

Так читают, а как пишут? Пишут, конечно, по-разному. Очевидно только то, что русская литература пытается прийти в себя, осознать тот факт, что она — в ряду многих других (занятий и литератур). «Толстые» журналы, между прочим, выходят с похвальной регулярностью. Одни авторы по мере сил продолжают традиции русского реализма: О.Павлов «Дело Матюшина» (Октябрь. 1997. N 1–2) или А.Варламов «Затонувший ковчег» (Октябрь. 1997. N 3–4). Другие экспериментируют: В.Пелевин «Чапаев и Пустота» (Знамя. 1996. N 4–5). Классики? Солженицын интересен скорее как читатель: «Новый мир» печатает фрагменты его «Литературной коллекции» (1997. N 1,4). Это размышления по ходу чтения, идеи, догадки, словесные находки. Интересны мотивы, по которым он обращается к тому или иному произведению. Это типично для мужчин старшего поколения — оценивать художественный текст с точки зрения его «информативности»: взять «Вазир-Мухтара», чтобы больше узнать о Грибоедове (не о Тынянове).

Русская литература хочет стать привлекательной и интересной. Нельзя сказать, что она не старается. На первый план выходят традиционные «читательские» жанры: семейная сага «Медея и ее дети» Л.Улицкой (Новый мир. 1996. N 3–4) или женский роман (последние тексты Г.Щербаковой или В.Токаревой в том же «Новом мире»). Есть, несомненно, читатели у М.Веллера и В.Попова (последнее из напечатанного в журналах — «Самовар» первого (Дружба народов. 1997. N 3) и «Грибники ходят с ножами» второго (Новый мир. 1997. N 7). Крепкий сюжет, легкий язык. «Ленинградская школа» — иногда любят добавлять «довлатовская». Где-то в глубине литературного процесса зреет тайное желание создать бестселлер и заткнуть за пояс Доценко с Марининой. И мы бы рады прочитать

русского «Волхва» или «Имя розы». Интеллектуалы с упоением отыскивают «аллюзии и цитаты», второе и третье дно, а «публика-дура» читает взахлеб и все принимает за чистую монету — детектив так детектив, боевик так боевик. Но бестселлер сконструировать не получается. Не оправдывается попытка понравиться всем. Но, кажется, есть смысл в ориентации на конкретного, пусть малочисленного читателя, на свой круг — друзей, приятелей, близких, коллег. Странно, но именно из такого замкнутого круга выходят тексты, по-настоящему интересные.

ФЕНОМЕН «ПРОЗЫ НЛО»

Имеется в виду проза журнала «Новое литературное обозрение». Что это такое? Какая же это «проза»? Нет, это не беллетристика. Вот «Конец Цитаты», например, за который Михаил Безродный выдвигался на Малого Букера (НЛО. № 12). Шуточки, игра слов, стишки, пародии («Дай, джинн, на счастье лампу мне»), какие-то безумные названия неведомых книг («Внутренний мир в почерке у псевдолюдей» или «Паровоз на уроках математики»), которые выловлены из каталога Публичной библиотеки. А вот параллельное повествование критиков Д.Бака и В.Курицына о том, как они разгружали машину с книгами и один другому в пылу полемики о постмодернизме уронил ящик на голову — это у них называется «История русской литературы XX в. (Москва, сентябрь 1995 г.)» (НЛО. № 16). Частные письма (рубрика «Переписка из всех углов»). Ну и кому это интересно, кроме непосредственных участников? А ведь на самом деле интересно.

Особенно примечательны два текста. Посмеяться — так это «Розановый сад» В.Тучкова (НЛО. № 23). Это своеобразная пародия — не столько на Вас. Розанова, сколько на жанр, крепко с ним связанный. «Альбом мимических портретов души», — говорит автор. Это — игра со словами, штампами, с традиционными русскими мифами и стереотипами, с вещами, читателями, временем. «Встретил на тропинке лесника». Описание его одежды, обуви. «А в глазах тоска невероятная! Ему бы еще жить да жить, парень-то молодой. Да, видать, не жилец! Страшная страна Россия! Если бы душой не прикипел...» Невозможно вычислить, за счет чего создается комический эффект. Но очень смешно. Потому что — невероятное нагромождение штампов. И скопление это (при всей невинности каждого слова в отдельности) как нельзя лучше отражает любимую привычку русского интеллигента делать самые неожиданные и радикальные выводы из поверхностных наблюдений над «народной жизнью». А рядом — опять же анекдоты и неожиданно тонкие наблюдения, и пародии непонятно на кого (на стиль, может быть?). «Ночная бабочка влетела

в окно и стала трепетать вокруг лампы. Не так ли и мы?» С этим автором не скучно, и обаяние его текста не выветривается.

Посмеяться можно и при чтении «Записей и выписок» М.Л.Гаспарова (последние выпуски в «НЛО». 1997. № 24, 25). Но здесь хочется и подуматься, и погрустить. Впрочем, это особая книга и совершенно необычная. Загадка, что вообще позволяет воспринимать ее как единичный и занимательный текст. Очевидно, образ автора (или «собиравателя» в данном случае), как бы неуловим и ненавязчив он ни был. То, каким образом он себя обнаруживает, вызывает восхищение. «МЫ. «Мы, пушкинисты, знаем, что «облаков гряда» встречается у Пушкина десятки раз», — говорила Ахматова Чуковской. Это неверно, см. пушкинский словарь». Все. Ничего особенного, спокойная констатация. Если бы не коварное «мы», выписку эту предваряющее и наилегчайшим образом намекающее на грандиозные «пушкинистские» амбиции Ахматовой.

В чем же, все-таки, новизна «новой прозы НЛО»? Жизнь, которая на твоих глазах становится текстом. Профессионалы, не страшщиеся показаться без маски. Эти люди не стараются понравиться тебе. Достаточно того, что они откровенно интересны друг другу — и между делом не прочь позабавить потенциальных читателей. Это новые правила игры между читателем и автором. Это новая жизнь — в эскизах, набросках, обрывках, обмолвках, анекдотах.

АНЕКДОТ — ЖАНР РУССКОЙ ЖИЗНИ

Анекдот возник здесь неслучайно. Его можно было бы назвать классическим жанром русской жизни (едва ли не каждый найдет этому свои подтверждения). Непреходяща популярность Сергея Довлатова, создателя совершенно особого жанра «романтического анекдота». В.Кривулин обобщает: «Все лучшее в новейшей русской прозе — от Венедикта Ерофеева и Юза Алешковского до Владимира Сорокина и Виктора Пелевина — построено на осмеянии, на абсурде, на анекдоте, иными словами, на распылении целого» (Звезда. 1994. № 3). Обратившись к мемуарным текстам последнего времени, мы обнаруживаем, что это тоже скорее наброски мемуаров, «мемуары-анекдоты» — «Автобиографические анекдоты» Б.Окуджавы (Новый мир. 1997. № 1); «Перестаньте удивляться!» Б.Сарнова (Октябрь. 1997. № 3). История, которую мы учили по учебникам, рассыпалась у нас в руках. То, что осталось, не соединяется в целое. Нет больше важного и неважного, мелкого и крупного, подлинного и легендарного; нет жанров почетных и постыдных, нет иерархии, нет сквозной идеи — есть фрагменты действительности, каждый из которых имеет собственную ценность и смысл.

«Новая проза» далеко не всегда создается новыми людьми. Просто на авансцену они вышли недавно. Например, Сергей Гандлевский — отнюдь не дебютант. Он давно пишет хорошие стихи. Прославился, однако, своим первым прозаическим текстом — «Трепанация черепа» (Знамя. 1995. № 1). За него он получил в 1996-м году Малого Букера («лучший дебют»). Прошло два года, и произведение совершенно очевидно «настоялось», а Гандлевский стал одной из самых знаменитых фигур «постбродского» пространства. Книга эта по-настоящему хороша. А представляет собой — опять же! — связку анекдотов. Родные и друзья будут читать и сравнивать реальность с мифом, искать намеки и смеяться над теми шутками, которые понятны им, но не всегда нам. А «простой» читатель, он с удовольствием прочтает эти десятка два отличных историй, лишь изредка отмечая прекрасный язык и отточенный стиль, улыбнется над «подчеркнутым онегинством», порадует чеканной формулировке («имею честь принадлежать к кругу литераторов, раз и навсегда обуздавших в себе похоть печататься») и закроет книгу с чувством грусти и теплой симпатии к автору.

Успех Гандлевского представляется весьма символическим. Это, без сомнения, новый писатель. Он имеет иную творческую генеалогию, чем Бродский, жизненным стилем которого восхищается, но влияния которого сумел избежать. Над колыбелью Гандлевского не наклонялась Ахматова — он связан с «золотым веком» русской литературы не через «серебряный век». Его посредником был Набоков. Н.Елисеев говорит, что после Набокова «без стили в русскую литературу лучше не соваться» (Новый мир. 1997. № 4). Гандлевский хорошо усвоил набоковские уроки, но не впал в зависимость от него. О Набокове в его прозе напоминает безукоризненная точность деталей, неожиданность эпитетов, недопущение малейшей фальши, самодисциплина — и то же чувство радости и полноты жизни.

НЕ БУДЕМ ЛЕЗТЬ ДРУГ ДРУГУ В ДУШУ

Читатель Гандлевского близок автору — но и он другой. Это «любитель легкого чтения», имеющий, однако, свои экзотические пристрастия (вроде Достоевского). Он поживает при имени Ордена и только мечтает овладеть английским в совершенстве. Он тоже «очень неровно образован»: см. беседу Гандлевского с В.Куллэ («Звезда». 1997. № 6). Скорее всего, он недолюбливает Ахматову с Цветаевой и с облегчением читает признание в том же Гандлевского («значит, их можно не любить!»). Такой читатель предпочтет «внятные стихи» с из-

рядной долей иронии, четкость позиции между добром и злом — литературу «по эту сторону разума». И в целом у него неплохой вкус.

Своего читателя Гандлевский не учит. Не говорит: «Ты мне как родной, я для тебя пишу». Это ровные, «партнерские» отношения. Автор просто рассказывает историю. Не исключено, что у него есть далеко идущие замыслы (внушить вам какую-то идею), но вы об этом не догадаетесь. Читатель, в свою очередь, не докапывается до корней («а что вы имели в виду?»), принимает то, что есть и позволяет автору быть таким, каким тот хочет казаться. «Не будем лезть друг к другу в душу». Не самый плохой принцип.

Новые отношения автора с читателем предполагают и новое качество чтения. Парадокс: нас учили (пытались, скажем, учить) «работать над книгой», но никто не думал, что надо учить отдыхать над ней. Лучшим читателем был читатель «вдумчивый». Но не думаете ли вы, что для того, чтобы получать удовольствие от текста, надо скользить по поверхности? Обманываться, поддаваться на уловки, принимать все на веру — и изумляться неожиданной развязке. Нам не давали очароваться Печориным или Наташей Ростовой, нам быстренько объясняли, почему они хороши или плохи. Не имея соответствующих навыков, мы вынуждены были копнуть сразу так глубоко, что навсегда изуродовали поверхность текста — то есть именно то, посредством чего автор общается с читателем. Мало для кого «Онегин» или «Война и мир» остаются живыми книгами. Попробуем быть наивными и целомудренными.

Гандлевский пришел к широкой (относительно, конечно) публике не один. Он привел за собой авторов, которые ему самому и литературным людям более чем известны, но для нас они прежде всего симпатичные герои «Трепанации». С.Файбисович и его «Дядя Адик» (Знамя. 1997. № 2). Сопровский, Айзенберг, Кибилов, Цветков — смешно полагать, что это «новые имена». Но мы увидели их в неожиданном контексте, и они нам уже не чужие.

Странным образом именно Гандлевский соединяет, очень условно говоря, линии Довлатова и Бродского. Жесткая нравственная позиция. «Надо стоять, как для тебя естественно, пусть даже и спиной к читателю. Следует серьезней относиться к себе — только тогда читатель сам забежит и заглянет тебе в лицо». Верность себе — и при этом занимательность и совершенно индивидуальный дар рассказчика. Это, пожалуй, максимум того, что может сделать русский писатель, чтобы его читала публика и не презирала критика.

АЭЛИТА

Борис НЕМИРОВСКИЙ Владимир ТАЛАЛАЕВ

Рисунки Ольги ВАСЯНИНОЙ

РИАДАН

Глава 11.

— Ну что, Командор Коэн, говорите – «чтобы не смог поднять волну»? – в голосе Герды было плохо скрываемое злорадство.

— Радуйтесь, радуйтесь!.. – проворчал Командор. – Ваш мир превращают в бардак, а Вы ещё и злословите в мой адрес...

— Ну, тут уж как посмотреть, – отозвался со своего кресла гоблин. – С одной стороны, избытие неконтролируемых детишек с Земли на просторах Риадана – это крах вашей системы тайных исследований и идей невмешательства. А с другой – привнесённая с Земли культура не насаждается директивным порядком, а просто передаётся от детей Земли к детям Риадана!

— Вот-вот, ПЕРЕДАЁТСЯ! Как вирус какой-нибудь! И вскоре от вашей пресловутой самобытности не останется и следа.

— Не от нашей, – скривился гоблин. – И если бы вы вмешались раньше, земляне, то мой народ мог бы остаться в живых! Но что поделаешь, если дети ваши умней родителей...

— Не умней, а безответственной! Как Вы это не хотите понять! Мы не имели право вмешаться!

— Однако дети вмешались. Уже. И, как Вы, глубокоуважаемый Командор, успели уже убедиться – ничего смертельного не произошло! Небо не упало на землю, конец света не наступил, и даже рыцари не очень-то торопятся сменить своих верных коней на безотказные мотоциклы!

Командор яростно поглядел на гоблина, но промолчал. К сожалению, этот здоровяк был прав: если Риадан и не выиграл от этих контактов, то, по крайней мере, уж не потерял...

— А кроме того, ваши детишки своими странствиями сделали ряд важнейших открытий в прикладной топологии и физике нелинейных пространств! Даже мы только-только подошли к этой проблеме, а они решили её с наскока, да ещё так изящно!

— О чём это Вы, любезнейший! Порой, откровенно говоря, мне становится трудно Вас понимать!..

— О самом их странствии, разумеется. Их путешествие «в другое Отражение» наглядно доказало, что наша Вселенная не едина и цела, как предполагали мы, что она размазана по нескольким параллельным мирам. И к нам на Риадан можно попасть от вас, с Земли, как длинным путём – через космос, так и коротким, просто сменив Отражение. А это значит, что Риадан не просто похож на Землю, а он И ЕСТЬ ЗЕМЛЯ, только в другом варианте её развития! Но тогда можно предположить, что находящийся за Лиессом легендарный Итан – тоже очередное Отражение в этой же цепочке Миров, а это проясняет многие загадки, с которыми столкнулись наши космоплаватели, побывавшие там!

— Вы?! – только и смог вымолвить обалдевший Командор. Когда же минуты через две удив-

ление поубавилось и к нему вернулась способность связно выражать свои мысли, он переспросил: – Так вы летали к звёздам?!

— Ну разумеется! – пожал плечами верзил-гоблин. – Мы побывали в десятке-другом обитаемых миров, но затем Правитель, мой предшественник, наложил вето на развитие космонавтики. Официально он заявил, что делается это для того, чтобы мы больше сил прилагали к проблеме выживания на нашей родной планете, где нам уже всю докучали варвары, и добавил, что это убавит соблазн просто бежать с нашей родины, отдав её на растерзание людям... Реально же, поговаривают, он просто страдал боязнью высоты, вот и решил... гмх... прикрыть нелюбимый проект. Впрочем, когда припекло – наши всё равно разлетелись на разные планеты: кто-то эмигрировал на Итан, основав там Народ Леса, кто – на Лиесс, кто – на Арту, кто – на Сэлет и Кессел... А вот оставшиеся на родине – отныне истреблены. Местными людьми. Да невмешательством людей внешних, то есть вас... Зато могу позлорадствовать, что ваши детишки не слушаются вас, а значит – могут избежать авторитарных ошибок, которые погубили нашу цивилизацию...

— Кстати, кое-кто из этих детишек, например, Джино, сейчас находится в окрестностях замка Лурвилль, – заметила вскользь Герда. – А я намерена сегодня же покинуть станцию и отправиться на Роклас, к своему замку!

— Вы научились телепатии? – деланно поднял бровь Командор.

— Нет, а что? – удивлённо взглянула на него Герда.

— Да то, милая девушка, что именно Вам и именно сегодня я и собирался поручить именно это задание. Для этого и явился сюда, когда Вы, мягко говоря, принялись отпускать шпильки в адрес командования! Дело в том, что мы всерьёз обеспокоены более чем месячным молчанием нашего лучшего источника информации. Так что посмею повторить теперь официально: Мифолог Станции Герда Лурвилль, уроженка планеты Риадан, Вы направляетесь в собственный родовой замок с целью установить причину, по которой прервалась связь с Наблюдателем номер четырнадцать! Помимо этого Вам надлежит расконсервировать аппаратуру базы, расположенной в замке, запустить поисковый зонд и оставаться в родовом замке вплоть до поступления новых распоряжений!

Герда озорно взглянула на шефа, вытянулась по стойке «смирно», щёлкнула каблукочками и звонко, так, что у Командора зазвенело в ушах, выкрикнула:

— Есть – до особых распоряжений!

* * *

Тем временем на Риадане в запущенном углу сада на траве валялся мальчишка. Он вытянулся посреди зелени, подставляя солнцу лицо. Лучи светили скользили по фиолетовой футболке и джинсовым шортикам малыша. Сейчас на Риадане многие таскают подобное: земная мода оказалась прилипчивой. А может, просто прак-

тичней и удобнее, нежели все эти кружева, бантики и лосины.

Мальчишка валялся в траве, и если б не узкая золотая корона с голубой эмалевой полосой, то, пожалуй, никто и не догадался бы, что это отрок королевских кровей.

Но подходящего к нему старшего брата, одетого не менее по-земному, одежда не сбила бы с толку. И хотя младшего брата звали отнюдь не Артуром, старший носил имя Мерлин, он с раннего возраста увлекался оккультными науками. Нельзя сказать, что безуспешно. Он даже согласился уступить право королевского наследования младшему братишке – лишь бы поменьше отвлекали от постижения тайных Знаний. Однако сейчас мысли его были заняты совершенно не магией. Он склонился над братом, бесполезно стараясь придать своему голосу официальное, «взрослое» звучание:

— Принц, ты опять пропускаешь занятия по фехтованию! Король будет недоволен.

— Я – это я, я – принц, а фехтование... – он, видимо, хотел сказать «удел воинов», но почему-то постеснялся и вместо этого резко выпалил, словно огрызался: – Я хочу – и буду тут валяться!

Мерлин только плечами пожал от такой наглости и присел рядом с валяющимся на траве братишкой. Сколько бы он так просидел, неведомо, но тут неслышной кошачьей походкой скользнул к мальчишкам силуэт в белом. Был он высок и неимоверно худ, под стать фигуре было и лицо подошедшего – удлинённое юношеское лицо. Причёмски не видно: её полностью скрывал натянутый на голову ярко-красный шутовской колпак – единственное цветное пятно на белоснежном одеянии.

Королевские отпрыски никак не прореагировали на подошедшего: Шут был знаком им, пожалуй, столько же, сколько они себя помнили, и за всё это время ни разу он не сделал им ничего плохого. Нет, не оттого, что они были детьми Короля, а он просто шут. А исключительно по доброте и мягкости своего характера.

Однако даже искренняя доброта не мешала шуту приносить дурные вести. Вот и сейчас:

— Ваше Высочество, Его Величество гневается. – Шут присел возле принца и продолжил: – Очень гневается, что Вы не на занятиях.

— Ну, если гневается... – Было видно, что принц уже и сам не рад своему упрямству: гнев папочки – это не шутки. Но упрямство... И бедняга срочно начал искать какой-нибудь повод. Кажется – безуспешно. По крайней мере, глазёнки валяющегося на траве заблестели озорством. – А ты мне потом расскажешь сказку?

Шут только улыбнулся в ответ.

— Куда ж я денусь...

Занятия по фехтованию проходили прямо на лужайке перед дворцом. Впрочем, на дворец королевский замок подходил лишь богатством отделки да фонтанами во дворе. Однако узкая лестница-мостик, ведущая внутрь, говорила о том, что переживало сие строение и вражеские осады, и много других неприятностей.

Когда-то учитель фехтования, лучший мечник королевства, давал первые уроки юному королевичу, но сейчас мечник стал сотником и возглавлял тайный королевский поход, выполняя лишь ему да Королю вемое задание. А пока Ронг был в походах, занятия сводились к тому, что Мерлин гонял братишку, дабы тот не позабыл прежних уроков.

Вот и сегодня звенели мечи, а из окон смотрел на сраженье Король. Затем он повернулся и скрылся в глубине зала, отвлечённый неотложными делами, и поэтому не увидел, как и откуда возник перед мальчишками странствующий монах в чёрном своём одеянии. Минут пять подошедший смотрел, затем презрительно фыркнул:

— Разве этим железом можно сражаться?! Вы бы ещё чугунными булавами махались!

— У тебя есть предложение получше? – порохом вспыхнул Принц. – А то учить всяк горазд!

— Есть, – лаконично ответил монах и выбросил вперёд руку. И, о чудо, с только что пустой руки сверкающей рыбкой метнулось к стоящим мальчишкам лезвие лёгкой катаны с чёрной витой рукоятью. Принц схватил клинок и осторожно шевельнул им. Боевая сталь словно ожила, трепетная и послушная малейшему движенью руки. Да что там движению – малейшей мысли!..

— А мне... – обиженно обратился к монаху Мерлин.

— Будет и тебе, – второй клинок проделал тот же путь. Но теперь это была не ведунская катана, а шпага с широкой чашей и треугольным лезвием клинка. Мерлин взмахнул ею... Ну разумеется! Ни в какое сравнение с тяжёлым и неповоротливым пажеским мечом! Конечно, пажеский меч – это не рыцарский двуручник в два пуда весом, но всё же шесть кило живого веса. А здесь – изящное лёгкое лезвие прочнейшей стали. И – идеальная балансировка.

Мерлин обернулся, чтоб поблагодарить монаха за столь щедрый дар, он был всё-таки воспитаннее, чем младший братишка, уже самозабвенно крутящий катаной «восьмёрки», но монаха уже не было рядом. Он просто исчез, словно растаял.

А оружие, и правда, диковинное. Оно словно само подсказывает своим владельцам приёмы и защиты от них, и вскоре уже новая тренировка началась перед окнами замка. А в траве валялись позабытые и никому теперь не нужные короткие боевые мечи...

Вскоре лучшие королевские кузнецы откуют по подобию шпаги сотни таких же, но Король, по-прежнему консервативный, не одобрит затеи сынишки и запрет все клинки в старой оружейной палате. Хотя... Два клинка он почему-то не заметит: катану Принца да шпагу Мерлина. Говорят – они увидятся ему двумя мечами. И что тут помогло – неведомо. То ли чары Мерлина, то ли колдовство подревней, дремлющее на сверкающей стали пыльным узором диковинных витых рун...

— Вы снова в этих земных одеждах! – Король булькал от негодования. Он возвышался на своём коне, как башня нависая над сыновьями.

— Я не потерплю всех этих новомодных штук! У нас в роду всегда блюлись традиции прошлого! А посему немедленно ступайте и переоденьтесь в нормальные дворцовые одеяния! Я отправляюсь в поход вслед за Ронгом, месяца через два думаю вернуться. Надеюсь, вы не разнесёте за это время весь замок в щепки!..

Интересно, что б говорил Король своим сыновьям, если бы знал, что видит их в последний раз?..

Нет, с мальчишками ничего не случится. Погибнет Король. Его отряд попадёт в засаду, устроившую Вепрем, и все до единого бойцы полягут, даже не успев сообразить, что же случилось. Не минует чаша сия и монарха. Но еще многие месяцы Принц не узнает, что стал в свои десять лет Королём. Поэтому и мы пока будем называть его Принцем. Как и прежде...

Глава 12.

Герда Лурвилль:

Вообще-то это странное чувство, когда после стольких лет разлуки возвращаешься в дом, казавшийся безвозвратно потерянным. Пройдишь по этим коридорам, слышишь голоса слуг, скрип телег за окном... Так и кажется, что сейчас из Пиршественного Зала донесётся голос отца:

— Герда! Где ты пропадаешь днями и ночами! Ужин остынет!..

Странная всё-таки штука — память... Ведь понимаю, что вокруг полнейшая, абсолютная тишина, но отголоски прошлого оживают где-то в подсознании и заполняют весь Замок, словно духи того, что было дорого в прошлом...

Факел горит на стене. Стоило б насторожиться: не может факел гореть так долго, месяцами, а значит кто-то зажёл его совсем недавно, кто-то, проникший внутрь замка! Но зачем переживать: факел — лишь иммитация, подрабатывающая тут светильником... Много их в комнатах и залах, и гореть они могут если не вечно, то уж по крайней мере годами.

Всё осталось в замке, как в тот страшный день. И как в сотни дней до него... И только в центральной, самой высокой башне стоит непривычная для средневековья аппаратура связи и сторожевых автоматов. И сейчас надо её расконсервировать. Иначе, если не отвлечь себя работой, то воспоминания нахлынут с новой силой, а там и до истерики недалеко. А истерика негожа для наследной баронессы Лурвилль, а уж для сотрудницы Станции — и подавно! Нечего радовать Командора Коэна!..

Ох, и понастроили же они тут! Или это киборг всё поперестраивал? Сложно, слишком сложно в управлении для простого человека. Ничего! Медленнее, чем хотела бы, но я отлажу это барахло, и оно заработает, как и прежде!

Пульты уже работали, и я как раз отлаживала поисковый зонд, когда раздался этот странный сипящий звук — и из ниоткуда, прямо из воздуха, свалился в кресло наблюдателя отец Кевин, словно швырнул его кто. Я вздрогнула, но почти

стут же сообразила, что это не настоятель монастыря, а киборг-Наблюдатель, и невольной усмехнулась: на ловца и зверь бежит. Не надо теперь настраивать зонд: объект его поисков сам свалился на своё рабочее место!

Если б я не знала, что Наблюдателю придано внешнее сходство с настоятелем нашего монастыря, то, вероятно, очень сильно бы удивилась. Но сейчас я просто вздрогнула от неожиданности: согласитесь, не каждый день на вас прямо из воздуха киборги падают! Киборг же, кажется, просто ошалел, увидев меня.

— Герда?! — спросил он глуховато, словно ошеломлённо. — Какими судьбами?!

Бес озорства дёрнул меня.

— Во-первых, не Герда, а мифолог Станции лейтенант Лурвилль! — заметила я. — А во-вторых, я явилась по Вашу душу, Наблюдатель Кевин! Наверну считают, что Вы не справляетесь со своей задачей...

Он как-то странно, чисто по-человечески взглянул на меня и пробормотал:

— Не справляюсь?.. Выросла, округела девочка. Надо же — лейтенант, охотник за роботами... А когда-то я её еще девочкой спасал из лап инквизиторов!

— Точней — из костра...

— Так значит — ты помнишь?!

Тут уже пришёл мой черёд удивляться.

— А с чего я должна забывать?!

— Ну как же, — пожал плечами Кевин. — Просто кого-либо для ликвидации вышедшего из повиновения Наблюдателя не пошлют...

— Слушай, Кевин! — вспыхнула тут я, поняв его мысли. — Ты знаешь, чем машина отличается от человека?

— Ну, думаю, скорее всего, тем, что машина обязана подчиняться всегда, если её действия не вредят при этом человеку...

— Да нет — тем, что машина не понимает юмора!

Вдруг плечи отца Кевина задёрнулись, и он заржал, словно рыцарь в трактире, и сквозь смех произнёс:

— Так значит — меня не демонтируют?!

— Вся Станция обеспокоена исчезновением самого ценного из её Наблюдателей, и меня послали специально, чтобы разыскать тебя, а если нужно — то и спасать. А ты — «для ликвидации вышедшего из повиновения»! Болван!

— Ага, — дурашливо согласился киборг. — Электронный болван!

— Кстати, можешь не помогать настраивать этот зонд: он снаряжался, чтобы разыскивать твою священную персону!..

И тут внизу, на ступеньках, раздалось множество дробных шагов, и в зал вломилась кучка ребятишек в средневековых нарядах. Главенствовал в этой небольшой компании... Джино!

— Привет, Герда! — бросил он на ходу. — Что, сослали на планету?

— Сама ушла, — хмыкнула я. — А Коэн, когда понял, что всё равно я ухожу, то вдогонку снабдил меня заданием, чтобы не потерять авторитета!

— Ага! Он такой!.. И про меня он думал, что я не вернусь сюда!

— А ты опять угнал катер? Или нет, для прибытия с Земли тебе пришлось угонять крейсер! Угадала?..

Ребята дробно расмеялись. А Джино произнёс, присаживаясь рядом:

— Нет, теперь всё проще. Меня друзья перенесли сюда!

— Магия?! — Вид у меня был, наверное, глупый, потому что ребята опять рассмеялись. И я рассердилась: — Кстати, а что делают тут вместе с тобой эти аборигены из горожан?

И снова их смех...

— Это наши, с Земли, — Джино широким жестом указал на друзей. — Это Люси, Мишель, Натали, Натан, остальные пусть сами представятся...

— А перенос с Земли — это что, какая-то новая технология? Типа той, что меня на Станцию доставляла, только доступная всем?

— Нет. — Мишель указательным пальцем поправил очки на носу (вообще-то он не страдал близорукостью, но очки носил — исключительно для солидности) и пояснил: — Мы можем осуществлять локальный переход используя внутренние ресурсы...

— Он, как всегда, зануда, — проворковала Люси. — Особенно когда нацепит эти свои стёкла! Проще говоря, мы телепортируемся сюда силой мысли, пролистая Отражения!

— Ага, объяснила непонятное да через незнакомое! — фыркнула я. — И много вас на земле таких... попрыгунчиков?

— Да поди все, кто после 2487 года родился! Все и без исключения!

— А одежду местную пошто нацепили, неслухи! — встрял в разговор киборг.

— Да, было тут на днях приключение. С Натали. Так что решили, что лишний камуфляж лишним не будет, пардон за каламбур... А теперь, ребята, подойдите к окну, — Джино указал на башенную бойницу. — Из него открывается прекрасный вид на Лагу, в верховьях которой мы оставили позавчера благородного Бертрама де Хонка!

— Между прочим, Лагой река называется здесь и ниже по течению, а верховья её образуют две речки: Инель и... Что?! Вы сталкивались с этим олухом Бертрамом?!

— Пришлось его усыпить. На время, — прервал нежелательную беседу Мишель. — Кстати, хозяева, а что это за рыцари скачут к Вашему замку?

* * *

Веретенообразный Проникатель вынырнул из пустоты прямо под бортом Станции, и тут же его компьютер заверещал, передавая на борт запорос на посадку.

Медленно разошлись лепестки диафрагмы, открывая посадочный причал. Следящий луч упёрся в обшивку Проникателя, контролируя безопасность посадки.

Вообще-то дроммеры подобного класса мо-

гут материализовываться прямо на посадочных причалах, и опытные пилоты-асы зачастую именно так и делают, нарушая все правила техники безопасности, но, видимо, здешний экипаж решил не рисковать. Вывод напрашивался один: либо Проникатель на автопилоте, либо на его борту есть штатские, которые, как известно, не разделяют романтики военно-космического лихачества.

Оставалось дожидаться выгрузки пассажиров и экипажа. Ну вот, так и есть: штатские! Много: восемь человек. Нет — десять, вон ещё вышли двое. Стоп! Но на борту дроммера вмещаются десятеро, включая пилота и штурмана, больше на нём всё равно места нет! М-да, обе догадки оказались правильными: на борту штатские, и корабль шёл на автопилоте. И то, и другое не предвещало ничего, кроме лишних хлопот.

Адон Коэн нажал кнопку внешней связи и раздельно произнёс:

— Прибывших Проникателем пассажиров прошу подняться в центральную рубку. Следуйте за световым сигналом — он приведёт вас!

И, отключив связь, обратился к стоящему рядом офицеру:

— А ты проследи, чтобы они не залезли куда-нибудь не туда. Не хватало их потом вытягивать из реактора или складских рефрижераторов...

Новоприбывшие оказались родителями. Возмущёнными родителями детворы, ежедневно мотающейся на Риадан и устраивавшей там свои игрища. Все они были убеждены, что если Командор Станции дежурит в окрестностях этой планеты, то уж наверняка сможет как-то повлиять на их непутёвые чада. Впрочем, если раньше родители задалбывали Командора телефонными звонками по гиперсвязи да сообщениями по Космонету, то теперь, видимо, решили устроить личный рейд!..

Бедный Командор вздохнул, готовясь к отпору...

* * *

Рыцари за окном приблизились, и стало видно, что над ними развевается тёмно-синее полотно с серебряным кругом. Гордые кони важно несли своих седоков, а возглавлял шествие сам Магистр Серебряного Круга, Мастер Ночи Ирлан, восседающий на белоснежном единороге!

Отец Кевин ещё раз быстренько протестировал свои системы, но картинка не изменилась. Тогда он обратился к ребятам:

— Милостивые судари, подскажите старцу: этот конь под передним всадником действительно рогат?!

— Ага, — тут же ответил Натан. — Видимо, у него была тяжёлая семейная жизнь...

— Ну вот, пришёл поручик Натан — и всё опошлил!.. — заявила Люси.

Тем временем кавалькада остановилась, и на мост въехал один-единственный рыцарь. На копье его был повязан белый лоскут, но вёл себя всадник крайне настороженно, чтобы не сказать

– напуганно. Похоже, он не очень-то верил, что обитатели Замка признают неприкосновенность парламентаря.

Что-то в его внешности показалось отцу Кевину знакомым, но завершить свой анализ киборг не успел: всадник вскинул сигнальный рог и пронзительно задудел.

– До боли знакомая труба! – воскликнул священник. – Никак сам сэр Бертрам к нам пожаловал! Какими ветрами! – голос киборга разносился над всем двором, вылетая из репродукторов. – А Вы, Ирлан, взрослый человек, а связались с таким... С таким... В общем, стыдно, Магистр!

– Взрослый человек, а связался со шпаной! – тут же прокомментировал Натан, и его голос разнёсся вслед за кевинским.

Всадник на мосту встрепенулся. Выставил чуту вперёд копыё, помахал прикреплённой к нему тряпицей и заорал:

– Не боюсь я тебя, Двухголосый! Выходи на мост, ибо преисполнилась чаша терпения небес, и сам Магистр Ирлан поручил мне передать тебе это послание! Так что – выходи!!!

Кевин оглядел притихших ребят и задумчиво произнёс:

– Одним словом, «Леопольд, выходи!». Что ж, придётся уважить. Значит так: на время, пока я отсутствую, старшим остаётся... остаётся, – тут в его голосе появились насмешливо-мстительные нотки, – лейтенант Лурвилль! Если же возникнет нештатная ситуация – настоятельно рекомендую активировать все защитные системы и немедленно информировать о происходящем Станцию! Путь связи пока будет контролировать Джино. Приказы не обсуждать, а исполнять!

– Есть! – щёлкнули каблуками Джино и Герда, затем переглянулись и рассмеялись, залившись и'звонко.

– А я иду вниз...

И с деланным старческим кряхтением отец Кевин пошёл по ступеням башни...

Глава 13.

– И вообще, если ваших детей так тянет романтика – записали бы их в отряд «Звёздный Ветер», там сейчас Лат командорствует, дети от него без ума!

Пожилой человек, полуседой-полулысый, мечтательно вздохнул.

– Я помню ещё то время, когда там командорствовал Ли Бао-младший. Вот деньки были...

– Всё это интересно, Илья Владимирович, но воспоминания Ваши не должны мешать Вам, да и остальным тоже, угадать, что Командор детского разновозрастного отряда – это одно, а Командор исследовательской Станции при Прогрессорском Корпусе Земли – нечто совершенно другое! И я не обязан заниматься воспитанием чьих бы то ни было детей, даже если они лезут на исследуемую мною территорию! В лучшем случае, я должен просто вылавливать и отправлять их обратно, но, к сожалению, при нынешних способностях этого поколения я это сделать

просто не в силах! Они ускользают, как призраки, стоит лишь к ним приблизиться! Телепортуют, трансгрессируют, или как там это ещё называется, без малейшего применения техники! И даже следа инверсионного, по которому можно было бы вычислить их маршрут, не остаётся! Так что и не просите – на роль няньки для малолетних суперменов я не гожусь, тут уж увольте!

– Но мы и не просим этого! Дело в том, что нам просто необходимо попасть в ту точку, где они сейчас располагаются. А никто, кроме Вас, в этом нам не поможет.

– Зачем?

– Не можем сказать. Считайте это просто родительским предчувствием...

– Ладно... Если верить сведениям, которыми я располагаю, то сейчас они находятся на базе в замке Лурвиллей и ведут переговоры с какими-то залётными рыцарями из Серебряного Круга. Если есть желающие отправиться туда – милости просим на борт катера, отбытие через десять минут...

* * *

Смирный старец в опущенном на глаза капюшоне вышел из Замка.

– Эй, старик! А где тот, на драконе? – выкрикнул с высоты своего коня сэр Бертрам, но монах прошествовал мимо, не удостоив его ответом. Уже сойдя с моста, отец Кевин направился прямо к Ирлану.

– И чего нужно Магистру от престарелого киборга?

– Престарелого, говоришь?.. Ответь-ка лучше на другое: я обвиняю тебя в провоцировании налёта на мой Замок месяц назад! Что ты можешь сказать в своё оправдание?

– Для начала то, что месяц назад я ещё не догадывался о Вашем существовании, это во-первых! Единственное же известное мне нашествие, налёт, если угодно, произошло не далее, как часа два назад, когда доблестный Гуон де Бордо спас меня, запихнув в какой-то гипертоннель.

– Снова ложь! Единственный гипертоннель, находящийся на территории моей цитадели, ведёт в миры Ночи, к Цитадели Порядка и Равновесия! Нападение же, равно как и твоё исчезновение, были месяц назад! И сэр Гуон действительно докладывал мне, что видел тебя сперва на стене, где ты делал пассы руками над Чёрной Пылью, а затем ты ушёл в пристройку и там исчез!

– Позволю заметить, у Вас есть неточности и противоречия, мистер Ирлан! Во-первых, я не вижу, зачем надобно мне, киборгу, совершать пассы руками над Пылью. Или Вы верите, что киборг, машина, День, по-Вашему, может применить магию, Ночь, и она сработает, а машина не повредится? Вы видели когда-нибудь электронного мага? А во-вторых, на стене я просто брал пробу воздуха на наличие в нём токсичных веществ...

– И как твой анализ?

— Ничего подозрительного, кроме самой Пыли, являющейся мощным мутагенным средством.

— Скорее, психотропно-мутагенным. Но от себя могу добавить ещё: она живая! И только когда умирает – спрессовывается в графит... А что касается твоего исчезновения из моей Цитадели?

— Я уже говорил, что меня вывел в тоннель сэр Гуон. И я могу это легко доказать: у меня сохранился файл с записью.

Не дожидаясь, когда его попросят об этом, Кевин включил голограммный проектор в правом глазу, и в воздухе возникла цветная объёмная картинка... Стена... Бой... Тело... Тоннель... Гуон снимает противогаз...

— Это всё ложь! – выкрикнул Гуон. – При современных технологиях можно подделать не только это, три-дэ-сканинг позволяет... – тут он заткнулся, словно сообразив, что сболтнул лишнее.

— Три-дэ-сканинг, говоришь, – как-то мило, как кот на мышь, улыбнулся Гуону Ирлан. – Ладно, с тобой мы на эти темы отдельно поговорим... Потом... А пока ещё вопрос к Кевину. Знаете ли Вы, что я уже сорок лет, если не больше, вёл свои наблюдения за Заком, но ни разу так в него и не входил! И всё потому, что охранная автоматика Замка не пускает меня!

Кевин сочувственно улыбнулся.

— Похоже, что у Вас опять неладит со временем, Магистр! То Вы утверждаете, что я провёл в процессе переброски целый месяц, то говорите, что автоматика охраны не пускала Вас сорок лет, тогда как мы смонтировали её только после гибели барона Сирила Лурвилля! Как Вы это мне объясните?

— Ладно, неважно! И так, Вы утверждаете, что автоматика здесь – земная, и что Вам она полностью подчиняется, так?

— Разумеется.

— Докажите!

Отец Кевин послушно включил связь.

— Джино?

— У микрофона!

— Включи, пожалуйста, дракона.

— Активирую.

Пространство над мостом сгустилось, прорезалось молнией разряда, и на мосту возникло чудовище, на спине которого восседал призрак-скелет.

— Это он! Это он! – завопил сэр Бертрам и вместе с конём мгновенно ретировался за плотные ряды рыцарей. Кевин только хмыкнул, глядя на такую прыть.

— Отлично. А теперь пошевели его крыльями. Да не так сильно!..

Дракон на мосту хлопал крыльями, как наседка.

— Теперь пусти пламя...

Струя холодного голографического огня вырвалась из пасти дракона.

— А теперь — комбинацию «фрэндшип».

— Я не помню комбинации!

— Вперёд, вперёд, назад, назад, блок.

Дракон на мосту присел и принялся чухать

задней лапой у себя за ухом, словно дворняга, не обращая внимания на восседающего на спине всадника-призрака.

По рядам рыцарей покатился смешок.

— И этого Вы боялись? – иронично спросил отец Кевин.

— А позволю себе уточнить, – осторожно спросил вдруг Ирлан, – остальные автоматы Замка тоже подчиняются Вам?

— Ну разумеется! Как же ещё?

— Тогда... Вы не пригласите меня в Замок?

— Проезжайте! Можете вместе с рыцарями!

Первые десять рыцарей уже въехали в Замок, когда на мост ступили Кевин с Ирланом. Только что всё было тихо и мирно... Мгновение – и вода вскипела во рву. Какие-то шары, напоминающие руларов, но с лазерными лучами вместо игл, взмыли из-под воды и, зависнув на уровне моста, закружились в бешеном ритме, поливая огнём стоящих возле дракона. Первым очнулся от оцепенения Гуон. В диком прыжке он толкнул Магистра Ирлана, да так сильно, что тот влетел в распахнутые ворота Замка, целый и невредимый. Сам же Гуон, приняв на себя все лучи, предназначавшиеся Магистру, вспыхнул ярким сварочным факелом. То, что упало затем в ров, не имело с человеком ничего общего: груды оплавленного металла с запахом палёной кости.

Но что любопытно – киборга и дракона неизвестные стражи игнорировали: похоже, они не считали их вообще разумными, чётко распознав технику и отказывая ей в праве на разум.

* * *

Мишель, Джино и другие ребята не могли оторвать глаз от диковинного зрелища. Странные то ли автоматы, то ли звери обстреливали всю округу. Не перешедшие ещё мост рыцари развернули коней и галопом неслись к монастырю. И возглавлял отступление доблестный сэр Бертрам в дымящемся шлеме...

И в этот момент ожил динамик дальней связи. Сквозь шорох помех донеслись голоса:

— База Лурвилль! База Лурвилль! Говорит челнок бортовой номер 02-07-19-61. Просим обеспечить посадку! Что там у вас творится?

Автоматы Мрака тут же перенесли своё внимание с рыцарей на спускающийся челнок.

— Что это у вас там за День Независимости! – донеслось из динамика. – Сплошные фейерверки!

— Ага, – прошептал Мишель, – вот сейчас спустятся они пониже, где лучи их достанут – будет им тогда «фейерверк»!

— Так что же мы стоим?! – взвизгнула Натали.

— Руками ты их всё равно не остановишь, – пожал плечами рассудительный Тим.

— Именно руками! – блестящая идея осенила Джино.

Когда Ирлан с Кевином поднялись в зал связи, их взору предстало диковинное зрелище: детишки стали посреди свободного пространства, взявшись за руки, словно собрались водить хо-

ровод. И только Герда стояла в сторонке и знаками показывала вошедшим: «Не мешайте!».

Слабое сияние исходило от ребят, струилось, грозным облаком скапливаясь над ними. Ирлан догадался, что сейчас должно произойти – и прикрылся рукой, ожидая разряда. Но вместо этого сияние распалось на отдельные шары, они покружились разноцветной гирляндой, вновь смешались, и сфера начала раскручиваться всё быстрее и быстрее. А затем рассыпалась на отдельные шары. Одинаковые, сплясавшие маленькие солнца. Ровно столько, сколько ребят в круге.

И тогда детишки кинулись к окнам, каждый направляя свой шар. И маленькие живые звёзды ринулись вниз, выжигая чёрные шары лазерных руларов. В считанные мгновения всё было кончено, и звёздочки отлетели в сторону, образовав посадочный круг.

— Посадку разрешаю! – в микрофон произнесла Герда.

— Упс! – Натан первым разглядел, кто выходит из катера. – Ребята, нам кранты! Это почти все любого Мрака будет: родители прилетели!

Глава 14.

Посреди Гоув-Хэл стоял замок. Он был, как всегда, великолепен, даже если смотреть на него через замызанное стекло жалкого трактирчика, расположенного всего лишь в квартале от Королевского Замка. Но собравшиеся в трактире если и поглядывали на величественное сооружение, то лишь с нескрываемой ненавистью. Что поделаешь – заговорщики во все времена одинаковы... Редко когда плетушие заговор действительно пекутся о судьбах простого народа; куда чаще заботы идут о собственном кошельке, собственном тёплом местечке, собственном «ответственном посту», а то и престоле... Но на словах... На словах каждый из них готов облагодетельствовать весь мир, или, по крайней мере, его половину...

Вот и сейчас молодой парень с красивым лицом так вдохновенно говорит, что кажется, будто он сам уже верит в сказанное. А остальные – и подавно! Ну и что, что на говорящем плащ Королевского Гвардейца: разве среди Гвардии не могут найтись порядочные люди?! Ну и что, что Король в отъезде: только проще будет захватить замок! А там пусть бывший Король доказывает, что имеет право на замок и власть! А богатства Королевской Казны – беднякам! Может быть...

Острый нож со стуком вонзился в гнилое дерево стола. Голос красавчика произнёс:

— Сегодня!

Рёв толпы был ему ответом...

Шут оторвался от окна.

Со всех улиц стягивалась к замку толпа. Не праздничная: то тут, то там мелькали вилы, косы и старые боевые топоры, кое-где сверкали титановые луки дальнобойных орочьих арбалетов.

— Гарнизон всё спит и видит сны? – похожий на волынку голос Шута прозвучал в караулке.

— Гарнизон не сошёл с ума, Шут, – прозвучало в ответ. – Можешь и ты к нам присоединиться! Ты видел, сколько их? Да они нас сомнут одним лишь числом, стоит лишь начать! А если мы не выйдем, то и новая власть нас к себе на службу возьмёт, как лояльных к ней изначально!

— Или перевешает как потенциальных трусов!

— Ты обвиняешь нас в трусости?!

— Ну что вы, как можно усомниться в доблести такого славного воинства! А как оно рвётся в бой! Ну надо же, лишь неимоверные усилия мудрого стратега-командира удерживают его в тесной продымленной караулке!

— Заткнись, или я не посмотрю на твою неприкосновенность и проверю, какого цвета у тебя внутренности!

— Белого, смею Вас заверить, капитан, как раз под цвет Вашего лица...

— Выпотрошу!!! – зарычал капитан в ярости. – Выпотрошу и скормлю твоей псине!

— Ну, сударь, этого-то уж Вам никак не удастся! – Шут чуть заметно улыбнулся. – Дело в том, что мой пёсик уже дня два как куда-то сбежал.

— Умная псина, – хмыкнул капитан. – Раньше нас почуял, что запахло жареным, и пустился в бега. По крайней мере, жив останется точно...

— Ладно, капитан, если Вы не хотите выйти в сражение – то хотя бы дайте мне шпагу!

— Шпагу?! Да где ты видал?! Может, меч?

— Шпагу. Из запертого хранилища...

— Хрена тебе! Туда без разрешения Короля доступа не имеется!

— Ладно, тогда бывайте... – и Шут вышел, хлопнув дубовой дверью.

Только Королю и его приближённым может казаться, что двери в их сокровищницах неприступны. Шут же давно освоил «метод гвоздя». Вот и сейчас, позвонив длинным тонким гвоздиком в замочной скважине, он зацепил медный язычок и толкнул его. Громко щёлкнув, дужка замка располовинилась, освобождая засов. Гулко и протяжно взвыла дверь на годами не смазывавшихся петлях. Конечно, ничто этому не мешало, но старый Король был категорически против: несмазанные петли поднимали такой шум, что их скрип поднял бы на ноги половину дворцовой стражи! Кто же рассчитывал, что доблестная дворцовая стража спрячется в караулке и не рискнёт высунуть носа оттуда!

Шут вошёл внутрь. Отобранные Королём клинки валялись в беспорядке, и на многих из них уже поселилась вездесущая ржавчина – эта плесень металла... Впрочем, одна из шпаг сохранила свой блеск и сияние. Узкая и длинная, с удобно изогнутой рукоятью и сверкающей чашкой, она словно сама просилась в руки...

Правой, искривлённой давним переломом рукой Шут сжимал шпагу. Он стоял на узком мосту, на самой его середине. Снаружи бесновалась толпа. Казалось, нападающие не знали, что

делать. Если бы мост был пуст – можно было бы ворваться в замок. Если бы на мосту появилась стража – её следовало убить, а затем опять-таки ворваться внутрь. Но что делать с вышедшим на мост Шутом?! Не убивать же его, в самом деле! Ну и что, что в руке его оружие?! Слишком тонкое для меча, игрушечное какое-то. Скорей – стальная розга, а не клинок! Но в глазах у стоящего такая решимость – оторопь берёт! На что он надеется? Что пощадят дурачка? Или за ним – копыя и луки затаившейся стражи?..

Красавчик-предводитель вскочил на мост, обернулся к своим, поднимая руку в успокаивающем жесте.

— Стоп. Погодите, господа, я сам улажу. – И, повернувшись лицом к стоящему на мосту: – Пропусти нас, шут!

— Пока я здесь – никто не пройдёт в замок! – голос-волынка.

— Пока ты здесь, говоришь... Это легко исправить! – Парень без предупреждения прыгнул вперёд. Звонкая сталь столкнулась с тонким клинком, надеясь перерубить его напрочь, но Шут не блокировал. Напротив, своим клинком он подтолкнул-ускорил клинок противника, отступив при этом на полшага назад. Меч атакующего пронёсся совсем рядом и по инерции ударился в камень моста, высекая фонтан искр.

— О, отличная сталь! – притворно завосторгался Шут. – Я закажу себе брусок-другой для фейерверков!

Но нападающий не принял игры. Он выдохнул прямо в лицо Шуту:

— Именем старой дружбы – пропусти нас!

— Именем старой дружбы, – эхом отозвался Шут, парируя новый удар, – разворачивайтесь и уходите – и Король ничего не узнает!

При этом белоснежный воин в красном шутовском колпаке прижал своей шпагой меч противника к каменным точёным перильцам, и лица противников оказались напротив друг друга, глаза в глаза.

— Впервые вижу шута, охраняющего королевский замок!

— Впервые вижу дворянина, свергающего власть в её отсутствие. При Короле трусил?

— Шут!

— Изменник!

Словно плевки в лицо.

От ярости предводитель повстанцев ринулся вперёд, и Шут, явно не желающий убивать бывшего друга, со всей силы ударил нападающего чашей клинка, как кастетом. Прямо в лицо.

И тот отлетел назад. Метра на три. Не устоял и, падая на спину, наделся на острия копий первых рядов своего необученного, наспех собранного войска...

Лишившись предводителя, народные вояки не растерялись и не кинулись врассыпную. Напротив: они озверели и ринулись на Шута всей толпой. Им было теперь всё равно, с кем и за что воевать. Но, к их несчастью, мостик был узок. Слишком узок. И когда трое стояли на нём в ряд, то четвёртый мог расположиться лишь прижавшись к перилам. А уж махнуть мечом или косяк...

Сперва Шут боялся, что кто-нибудь догадается подстрелить его из арбалета. Но, похоже, никто в этой толпе не умел взводить эти смертоносные машинки. Или просто в войске не нашлось ни единого болта, а арбалеты были взяты исключительно для устрашения.

И теперь клинок Шута вершил свою работу. Он рыскал вперёд-назад, жалея врагов, и тела их преграждали путь наступающим следом.

Час, другой, третий... Солнце уже давно перевалило за Полуденную Черту, вот уже скоро оно упадёт на черту горизонта, скатится за неё. Совсем как этот, что сейчас скатился с моста в ров... Но сколько же можно ещё! Конечно, внешне не видать, но силы-то на исходе. Ещё полчаса... Ещё пять минут... Ещё минута... На что он надеется? Ведь силы сейчас иссякнут, и тело единственного защитника замка поднимут на вилы... А затем – резня в замке. Выбитые двери в комнату Принца и его брата... Детская кровь: бунтарям не нужны наследники прежней власти... И всё же – ещё на минуту отсрочу эту резню... Ещё на полминуты... Ещё на секунду...

— Рыцари! Серебряные Рыцари!!! – вопль ужаса пробежал по толпе, и войско рассеялось. Лишь сотня-другая самых озверевших и бездумных продолжала штурмовать мост, а затем, развернувшись, напала на подоспевшую к замку подмогу. Но их рассеяли, просто срубив на скаку.

Измотанный невероятным напряжением Шут присел на камень моста, прислонился к холодным шероховатым перилам. Звякнул, выпадая из рук, клинок... Покатился, очерчивая гардой круг...

Из замка выбежал Принц в сопровождении пёстрых пажей. Он кинулся к сидящему и с достоинством, стараясь подражать взрослым (а на самом деле просто скрывая за этой напускной взрослостью своё смущение), произнёс:

— Я видел. Ты спас нас. Преклони колени, ты достоин быть рыцарем!

А в мозгу Шута – вспышка-память: двое мальчишек во дворце. Двое друзей. Оба пришли издалека, с самых окраин, что возле Растер-Гоув: Города Рваного Свитка. Сотни лет назад это была столица, а теперь – провинция с деревушками да двумя уцелевшими часовенками. Вот оттуда-то и явились мальчишки. Обоим по тринадцать лет. Оба сироты. И оба твёрдо решили стать Королевскими Гвардейцами! И – слова Короля: «Вот Вы, – перст монарха указывает на одного, того, что четырнадцать лет спустя возглавит Восстание, – подходите нам, да! А Вы, молодой человек, – и палец упирается в другого мальчишку, – посмотрите на себя! Вы же сами видите, что после перелома у Вас неправильно срослась правая рука! Вы же даже оружие держать ею не сможете! Какой же из Вас Воин?! Разве что шут. Если так уж хочется остаться при дворе – оставайся Шутом!»...

И теперь, словно в насмешку, – эти слова Принца:

— Ты достоин быть рыцарем!

И – невольный сарказм в ответе:

— Да что вы говорите, Ваше Высочество?! Я же просто Шут!...

Слова брошены, как перчатка. Теперь остаётся только встать и уйти...

— Останься... Не уходи. — Принц взглянул на Шута так жалобно и с надеждой, что тот не выдержал, посадил Принца к себе на колени. Взглянул прямо в лицо мальчишке. И в самом деле: чем малец-то провинился? Дети за ошибки отцов не в ответе... Но уходить надо. Впереди — иная судьба...

— Моё время пришло. Постарайся не повторять ошибок отца...

Изогнутая рука Шута гладит принца по пониженной голове.

— Ты... куда пойдёшь? — в голосе Принца взрослое смирение с предстоящей разлукой, но вместе с тем — и детское любопытство.

— Словами это трудно объяснить... Проще спеть. Ребята, гитара найдётся?

Кто-то из подошедших с Принцем протянул Шуту гитару — новомодный инструмент, завезённый с Земли и почти вытеснивший привычные лютни.

Белоснежный Шут коснулся струн, настраивая гитару, затем взял первый аккорд, и негромко запел:

Шёпот Безлюдных Пространств стынет в душе,

Тени Кристалла проносятся по берегам,
Тех, кто хотел войны, прогнали взашей,
Тех, кто другой, здесь ещё не ступала нога.

Только звенит трель монотонных цикад,
И вездесущие дети пытаются вгльавь
Выбраться на остров игр и засад,
Прежде чем возвратиться во взрослую явь.

Здесь нет дорог, тропы травой заросли,
Здесь никогда не слышно рёва машин,
Здесь нету места отраве нашей Земли,
Здесь место для тех, кто будет другим...

Я много раз видел всё это во снах,
Мысли мои словами оттуда звенят,
Я хоть сегодня сделать готов первый шаг,
Только не знаю — примут ли там меня?

Звёзды чужих миров я видел не раз
И уж давно одной ногой на пути,
Но в моих мыслях яд земных парафраз,
Как я смогу с ними барьер перейти?

Если бы быть чистым душой, как они,
Дети, не знающие преград и замков,
Я бы играл с ними все летние дни
И засыпал рядом под трели сверчков.

Но на душе шрамом Дорога лежит,
И устремляет мысли движение вперёд...
Нет, не судьба в Пространствах свободных
мне жить,
Если Дорога туда меня не приведёт.

Плиты сменяются пылью, за пылью асфальт,
Здесь не известно понятие Ночи и Дня...

Если трава начнёт по коленям стегать,
Значит Дорога благословила меня.

Значит Дорога всё ж отпустила меня...

А когда смолк последний звон струны — Шута уже не было рядом. Он словно растаял в пространстве, и только где-то вдали стучали копыта белоснежного коня, уносящего на себе белоснежного всадника в алом шутовском колпаке. А за конём, чуть левее, бежал белый крылатый пёс, темнеющий на ходу и превращающийся в пепельно-серого колли с очерченными чёрной каймой крыльями.

Глава 15.

Глядя сквозь стёкла на город, где третьи сутки лишь стараниями Серебряных Рыцарей удавалось сохранить хоть какое-то подобие порядка, наследник Престола тяжело вздохнул.

— Это всё Мрак, — прошептал, сжимая кулаки, Принц. — Совсем как в сказках про Лордов, которые рассказывал нам Шут!

— Но то сказки, — осторожно начал старший.

— И ты веришь в эту чушь?! — глаза Принца впелись в лицо брата. — А ещё колдуном себя считает! Неужели ты не понял, что он рассказывал нам то, что было с ним когда-то! Взаправду было!

— С ним?

— Я даже думал когда-то, что он — Лорд Ночи в изгнании. Но затем понял, что ошибался... Но в этом ли дело?! Главное — что Мрак сеет безумие в нашей Столице! И если взрослые бесятся от него, как собаки, то значит нам, детям, придётся выйти на борьбу с этим Злом!

— Но как ты думаешь с ним бороться, братишка? — спросил Мерлин.

— Если Мрак пришёл — значит прибыл кто-то из его Повелителей. Найти его — и победить, изгнать!

— Ладно, допустим, что ты прав, и даже — что мы можем его победить. Но как ты найдёшь, где он скрывается?!

— О, это очень даже просто! Ты у нас Маг или где? Вот ты его своими чарами и отыщешь. В крайнем случае — через один из папочкиных Палантиров...

А часом раньше на окраине города, посреди старого кладбища, заросшего лесом, возникли ребята. Двое. В джинсах и мятых рубашках. Старший — со стареньким радиоприёмником в чехле из жёлтой кожи. Младший — с противогазной сумкой через плечо.

Они явно не спешили посетить местные достопримечательности. Похоже, что они даже не очень соображали, куда угодили. словно прыгнули наугад.

— Ну, и куда мы попали? — младший уставился на покосившийся могильный крест за спиной.

— Не «куда», а «откуда»! Подальше от полиции! Или соскучился по ней? — Старший покрутил настройку приёмника, но тот молчал, словно убитый. — Хорошо же нас занесло: тут даже радио ещё не знают! Можем спокойно потерять-

ся – и никто нас никогда не съест!

— В этих-то одеждах? – усомнился младший, теребя подол рубашки.

— Подыщем чего-нибудь...

От дальнейшей беседы их отвлек шум голов. По лесу шли двое пажей в расфуфыренных кружевами нарядах. Они болтали о чём-то своём, явно не догадываясь о близкой неприятности.

Вот кто-то свистнул, словно призывно маня к себе. Не знаю, что подумал младший паж, но, оставив старшего стоять у ограждения могилки, сам кинулся на зов.

Мальчишка промчался у дерева и... споткнулся о корень. Вернее, не о корень, а о вовремя подставленную ногу старшего брата. А младший брат привычным и не лишённым артистизма движением поймал падающего прямо в резиновый намордник противогаза. Паж дернулся и мгновенно затих. Через секунду он уже сладко сопел, не обращая ни малейшего внимания на раздающего его пацана.

Старший же брат уже спешил к оставшемуся пажу, на ходу теряя радиоприёмник. При виде незнакомца паж выхватил было свой клинок, но подошедший угомонил его одним жестом: «Спокойно!». Привычным взглядом гипнотизёра он вперился в зрачки стоящего и забубнил:

— Ты голоден. Ты хочешь есть. Ты очень хочешь есть...

При этих словах поддавшийся внушению мальчишка опустил клинок и соблазненно заоблизывался, а гипнотизёр поднял правую руку, словно поддерживая её плоскую коробку, и продолжил:

— Ты настолько сильно хочешь есть, что готов променять свою старую и ненужную одежду на эту вкусную, ароматную, сочную пиццу!

Паж, начавший было уже расстёгивать свой камзолчик, вдруг встрепенулся и вновь вскинул клинок.

И туго пришлось бы мальчишке, если б на помощь ему не успел младший брат, вырядившийся уже в розовые кружева и лосины. Он оглушил пажа, а затем прижал к его лицу свой противогаз, не забыв при этом съехидничать старшему:

— Дурак! Они же не знают тут, что такое пицца! Пообещал бы ему лучше пирог!

— Я балдею, как ты их обоих ловко усмирил, – вместо «спасибо» ответил старший, расстёгивая одеяния пажа.

— А что, несложно, если вместо фильтра баллон со снотворным газом прикрутить...

И вскоре уже двое братьев вступали в город, неотличимые от большинства горожан. Впрочем, обилие земных одежд навело их на мысль, что не так уж далёк этот мир от досягаемости КосмоПола, да и возня с пажами оказалась напрасной, но... Во всём есть и свои плюсы: по крайней мере, в этой одежде они не просто сливаются с горожанами, они сливаются с МЕСТНЫМИ горожанами. А это, согласитесь, не одно и то же...

Жизнь в Гоув-Хэл шла своим чередом. Сно-

вали вездесущие мальчишки, цокали копытами кони, зазывалы пытались заманить потенциальных покупателей в свои лавки... Порой откуда-то сверху выплёскивались помои, но наученные опытом горожане всегда успевали отшатнуться от опасного места, сохраняя в неприкосновенности свои одежды.

Вот только драк на улицах стало в последние дни не в пример больше. Но вновь прибывшим братьям сравнивать было не с чем, а потому они списали драки на естественную озлоблённость столицы. Впрочем, они видали миры и поагрессивней. Чего стоил один только Дэсхорд с его тоталитарным режимом! А та всегалактическая помойка, на которой три вполне нормальные на вид цивилизации ведут многовековую войну за право обладать испражнениями местных червей! Или Риан с его чёрномагическими загибами и кланом правящих ведьм!..

Так что можно было чуть-чуть расслабиться. Жаль только, что «расслабились» братья по-разному. И, пока младший отошёл куда-то в уголок «на минуточку, ну надо очень», старший подошёл к ближайшему вознице. Конечно, просто так стоять и смотреть на лошадь – мало толку, но если при этом незаметно просыпать на брусчатку красного перца...

Первые признаки беспокойства лошадь проявила через пару минут. Но зато как потом понесла! Птица, а не лошадь! Пожалуй, не догонит её даже проехавший на земном мотоцикле какой-то расфуфыренный франт-дворянин...

Младший тем временем брёл по двору герцогского замка, куда его вывела тропинка. На возвышении стояли три чана, прикрытые тяжёлыми крышками. Стоило заглянуть. М-да! Запах, исходивший от первого чана, мог бы сбить на лету дракона. Если тот не страдал насморком, разумеется. «Возможно – это новое средство от тараканов», – ухмыльнулся мальчишка, засовывая в ноздри портативные фильтры. Затем поднял вторую крышку. К его сожалению, бак оказался совершенно пустым. В третьем на дне слегка покачивалась вода с ржавой плёнкой...

Делать тут явно было нечего. Стоило подойти к парадным дверям и легонечко постучать.

Дверь открыл пожилой мужчина в полудоспехе и шлеме.

— Чего надобно!

— Сантехника вызывали? – невинным голосом спросил мальчишка. А затем, уцепившись своим сознанием за сознание герцога, принял ся внушать: — У Вас в доме есть сокровища!

— Хм, ну разумеется – есть.

— Вам они не нужны!

— И действительно – зачем они мне?...

— А поэтому Вы желаете отдать их сейчас мне!..

— Сейчас принесу... – Герцог нетрезвой походочкой зомби отправился вглубь своего жилища. Минут через пять он явился, одной рукой опираясь на меч, а второй сжимая полотняный мешочек ярко-оранжевого цвета.

Малыш протянул руку:

— Давай их сюда!..

— Слушай, пацан, а с чего я тебе должен отдавать мои сбережения?! – вдруг спросил герцог, потеряв за время похода до тайника и обратно гипнотическую установку. Но завершить он не успел: газовая гранатка, брошенная мальчишкой, разорвалась у него под ногами, и облако снотворного газа взметнулось в поднебесье, по ходу даровав мирный сон обитателю замка...

Старший проводил глазами мотоцикл и повернулся к подбежавшему братишке.

— Где ты столько времени пропадал?!

— В туалет ходил! А потом ко мне привязались некоторые неприятности.

— Эти вот, что ли? – и старший указал на арбалетчиков, окружающих пацанов. Младший вздрогнул, но затем выпрямился и лениво спросил:

— И что же вам надо?

Вперёд вышел уже знакомый ему герцог, и протянул руку:

— Отдай то, что взял у меня, и я дарюю вам жизнь. Иначе мои лучники превратят вас в ёжиков!

— Они не смогут этого сделать, ПОТОМУ ЧТО У НИХ ОЧЕНЬ БОЛЯТ ЖИВОТЫ!..

Внушение помогло: вояки застонали, некоторые из них левой рукой прижимали свои животы, но арбалеты в правой были неумолимы. И тогда начал старший. Он сладко и долго зевнул, после чего самым невинным образом произнёс:

— Спать-то как хочется! Мы засыпаем, засыпаем...

Два арбалетчика с грохотом и храпом свалились на землю.

— ...засыпаем...

Ещё три тела...

— ...засыпаем... — и последние тела грохнулись рядом.

Младший, который внушил сперва боль в желудке, принюхался к лежащим, затем мрачно прокомментировал:

— Чан номер один!..

И братья отошли в сторонку. А потом старший повернулся к младшему.

— В туалет, значит, сходил!.. – ухмылка старшего не предвещала ничего хорошего.

— Ну и что! – огрызнулся меньшой. – Зато не в каждом унитазе такие сокровища валяются! – и он покачал на руке оранжевый шёлковый мешочек с алмазами.

Кто же знал, что игры в догонялки с герцогом продлятся ещё целых три дня. Пока старший не догадается, что предпринять...

— Когда я стану Королём – в первую очередь уравнию в правах людей и нечисть! Подумайте сами: разве гоблин или вампир не имеет права на жизнь, если никому не мешает?.. Не спорю, голодный вампир может и укусить человека, но зачем же доводить бедолагу до голодного полуобморока? И простой человек в голодном безумии не менее опасен... А уж гоблины – и говорить не следует: разве не нынешний Король озлобил их, вырезав весь обоз их мирных переселенцев?.. То-то же... – Принц втолковывал

свои идеи собравшимся ребятам, когда к нему подошёл старший из братьев-авантюристов.

— Ваше Высочество, Вам нужны деньги, чтобы собрать армию, нам же нужно, чтобы Вы защитили нас от этого взбалмошного герцога, удерживающего, что наши бриллианты мы взяли у него! Надеюсь, мы сможем договориться, – и с этими словами Андрэ – старший из братьев – положил в руку Принца увесистый оранжевый мешочек.

Глава 16.

— Вам знаком этот человек? – спросил Козн. Последний Гоблин пригляделся к экрану.

— О, да это же Принц, сын того самого Короля! Как вырос парнишка!

— Так вы встречались... раньше?..

— Было дело! Ему тогда годков пять-шесть было, когда мы похитили его. Думали использовать как заложника, чтобы свобод да прав себе добиться. Но не тут-то было... Впрочем, можете посмотреть сами...

И гоблин привычным движением напялил переносный мнемощлем на голову.

...Мальчишка сидел, съевшись, под деревом и затравленно озирался. По-видимому, он был наслышан во дворце про орочь нравы, и ожидал, когда с него начнут живьём снимать кожу. Вёл он себя храбро, и это вызывало уважение, но снимать из-за этого верёвки с рук и ног пацана никто не спешил. Как, впрочем, никого не интересовала и его кожа...

— Эй, малец, жрать хошь? – окликнул Принца сидевший у костра молодой гоблин.

— Нет, воздержусь, – ответил малыш, но лицо его на миг исказила гримаса отвращения, смешанного с ужасом. К счастью, гоблин правильно понял этот жест и добродушно пояснил:

— Да ты не бойсь, это не человечина и даже не орчатина! Мы, понимаешь ли, разумными не питаемся! Нам вполне оленины хватает!..

Мальчишка нерешительно взял кусок мяса, попробовал...

— А когда вы меня убивать будете? – спросил он после еды с чисто детской непосредственностью.

— Убивать?! А зачем?.. – послышались удивлённые орочь голоса.

— Ну как же? – настал черёд удивляться мальчишке. – Ведь вы же Орки, а Орки всегда убивают своих пленников, сперва сдирая с них кожу живьём, а затем обрубая...

— Хм! – перебил его самый старый из гоблинов. – И кто же Вам, молодой человек, сообщил такую галиматью?!

— Мне папа рассказывал...

— А, ну тогда не удивительно: он про нас много лжи по свету-то распустил... Не угомонится никак... А про то, как он вырезал наш обоз, он не хвастался?

— Вы про Северное Сражение?

— Про него, миленькай! Про него...

АЭЛИТА

— Так он же сражался там с вашими солдатами...

— Солдатами?! Да он вырезал обоз, большинство которого составляли дети, старики и женщины!

— Я не верю! Вы лжёте! Мой отец не мог поступить так!.. От вас всегда ложь!..

И в этот момент грохнуло. Гоблины подпрыгнули от неожиданности, а из дыма уже вынырнули силуэты ведунов. И предводитель их прижал серебряный клинок к горлу бывшего Правителя Гоблинов. Остальные прижимали других гоблинов.

— Ведун?! – гoblin криво ухмыльнулся. – Кто же заплатил тебе за меня?

— Дура-ак! – нараспев протянул старший ведун. – Да если бы мне за тебя заплатили, ты бы уже пять минут как покойником был! А пока что – живи! А мальчишка пойдёт со мной: мне за него заплатили! За живого!.. Развяжи его!

— Тебе заплатили – сам его и развязывай! – огрызнулся гoblin.

— Ы-ы-ы! – в ярости протянул ведун, но – делать нечего, отпустил своего пленника и взмахом клинка рассёк верёвки на руках Принца. Затем так же освободил ноги...

— А вы знаете, – начал без предисловия Принц, – эти, ну, гоблины, вралли мне про Северный Поход! Говорили, что там был обоз, а не армия!

— Да, знатное было дело! – ухмыльнулся воспоминаниям ведун. – Я тоже в том походе участвовал, так никто не ушёл, от мала до велика!

— Так это... Правда?!.. – глаза Принца расширились от ужаса...

— А что он сейчас натворил? – с любопытством спросил гoblin, стаскивая шлем, зацепившийся за надорванное правое ухо.

— Пока ещё ничего, – хмыкнул Коэн. – Но в ближайшем будущем, чувствую, натворит и добавит нам седых волос... Этот... молокосос... возглавил Детский Поход против Мрака, видите ли! А Цитаделью Мрака объявил нашу базу в замке Лурвиллей!

— Но ведь там, под фундаментом – действительно база Мрака! – чуть удивлённо хмыкнул гoblin. – «Огненное Сердце» называется... Она ещё при нашей столице была, мы её всегда стороной обходили...

— База Мрака прямо под нашей информоточкой – и Вы молчали?!

— А Вы не спрашивали, господин Командор!

— Немедленно приступить к подготовке станции к эвакуации! – это уже в микрофоны. – И ещё – подготовить десант в замок Четырнадцатого: надо эвакуировать оттуда Соронсонов, Герду и прочия!... Второй пункт исполнять НЕМЕДЛЕННО!

Глава 17.

Всё это было похоже на плохой сон. Внезапный поток, низринувшийся, казалось бы, ниот-

куда, – и люди бегут. Бегут Соронсоны – и старший, и младший, бежит с отцом Натали, вперемешку несутся к выходу дети и рыцари, и даже гoblin, прибывший со Станции с экспедицией, тоже бежит, на ходу обгоняя Ирлана. А вокруг всё гудит, словно весь Замок собрался обрушиться в бездну.

И только Герда не спешит к выходу. Она ударила по камню возле факела, открывая потайную дверцу, и кинулась в раскрывающийся проём. Ступени, ступени, ступени... Они ведут вниз, в никуда, к самому фундаменту Замка. К Огненному Сердцу, если верить Последнему Гоблину.

Вот и последний поворот. А за ним, словно в наваждении – новый проход, которого не было тут никогда! Кирпичные стены сужаются, выщербленные каменные плиты сменяются кирпичными ступенями, а по стенам волнами бежит сияние, словно накатывающее из неведомого далаёка, из недр коридора.

Первые шаги дались легко, как обычно. Но затем – словно чья-то ярость решила вытолкнуть девчонку обратно. Герда выхватила из ножен старую шпагу, прихваченную со станции, и клинок моментально затрещал от коронного разряда, сорвавшегося с острия. Но от давящей силы это не помогло. Каждый шаг давался всё труднее и труднее. Неимоверно болела голова. Хотелось упасть на колени – и больше не двигаться.

Со звоном упала шпага. Руки раскинулись в стороны, чтоб зацепиться за стены...

Острая боль прошлась от руки к руке. Через всё тело. Разряды сияния больше не мчались по стенам: они вонзились в девчонку, закоротившую их руками, и тело её вспыхнуло, превращаясь в пепел. Но вместе с её жизнью угасло и сияние Коридора-Тоннеля. Ведущий в Замок из неведомых глубин мироздания Тоннель теперь рассасывался, исчезал, чтобы никогда не возродиться бы вновь. Огненное Сердце сковал спазм...

Отец Кевин остался один в зале связи. И в этот момент протяжный стон сотряс Замок, и пол задрожал под ногами сильнее прежнего. А те, кто был снаружи, увидели с ужасом, как возносится Замок в небо. А из холма появляются и растут чёрные стены, гладкие и блестящие, словно не лежали они сотни лет в земле. Прежний Замок, увенчанный, как короной, Замком нынешним, поднимался из недр холма. Не бойницы, но пушечные порты, ракетные шахты и надпространственные радары украшали его.

Вода испарилась во рву, и сквозь облако пара было видно, как уходит дно рва в глубину, а стены его становятся совершенно отвесными, с металлическим блеском.

И в этот момент из тени в углу зала шагнул к отцу Кевину сэр Гуон де Бордо. Живой и невредимый.

— Ты хотел когда-то выслушать противоположную сторону, – без предисловия начал он. – Ну что же, радуйся: тебе представилась эта возможность! – Тут его лик на мгновение затуманился, и Гуон превратился в очень бледного мо-

лодого человека с серебристым отблеском кожи.
— Я — Абадонна, сын Лорда Мрака!

За окном мелькнула ослепительная вспышка: это древняя автоматика сбила спускавшийся на подмогу землянам десантный катер Станции.

После тщетных попыток прорваться внутрь Ирлан скомандовал отступление. Печальные, отступали земляне и рыцари в монастырь, что на другом берегу Лаги. Отсюда когда-то Магистр Ирлан, скрывавшийся тогда под именем настоятеля Кевина, наблюдал за Цитаделью, пытаясь предугадать, проснётся ли она когда-нибудь, и строит планы, как воспрепятствовать этому. Отсюда же наблюдал он теперь за проснувшейся Твердыней Мрака...

* * *

— Ты хотел услышать другую сторону, — Абадонна чуть заметно улыбнулся, самым краешком губ. — А ты уверен, что готов выслушать это? Что ты **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** хочешь услышать НАШУ правду?..

— Теперь не знаю. Я видел, как бежали люди при одном только твоём появлении...

— Человеческие нервы слабы, и тела гуманоидного типа очень чувствительны к низким частотам... Разве я виноват, что при Переходе выделяется инфразвук?

— Ты на всё найдёшь оправдание... Однако, похоже, что времени появилось у нас предостаточно, так почему бы не восстановить прерванную беседу?

— Извольте.. — Абадонна присел на подкожник и посмотрел в окно: — Но как бегут!.. Красиво... А насчёт свободного времени — это Вы правы: конец света назначен на послезавтра, и поэтому у нас есть целых два дня на разговоры...

— А Вы чрезмерно циничны, — отозвался священник.

— Циничен?! Да что Вы, Господь с Вами! Я просто рационален. И если до конца света на этой отдельно взятой планетке осталось всего два дня — почему бы не провести их в приятной беседе...

— Вы так говорите, словно не Вы собираетесь этот конец света устроить!

— А разве Вы сердитесь на молнию за то, что она ударила в землю? Разве у Вас вызывает гнев Солнце за то, что оно обжигает? Или гневит ветер за то, что он сдувает с Вас шляпу? Так почему Вы не признаёте за Смертью право уводить с собой жизни?..

— Смерть — в смысле старуха с косой?..

— Не иронизируйте. «Юноша бледный со взором горящим» — это тоже один из ликов Смерти. Вы Булгакова перечитайте, Михаила Афанасьевича, он ведь там меня правильно описал... Да-да, он знал больше правды, чем писал в своих книгах... И ещё древние народы твёрдо знали, что огнеглазый Абадонн в непроницаемых очках — это Ангел Смерти... Так что я здесь, чтобы пожать свою жатву... Вы подготовили мне замечательный, богатый урожай!..

— Мы?

— Вы, люди... Люди обоих миров: и Земли, и Рокласа. Или Вы не осознаёте этого сами? Войны, восстания, смуты... Все они справедливы, все Во-Имя-Чего-то-Там!.. И когда вы торжествуете в своей победе над Злом — торжествую с вами и я: Зло не искоренить Злом, вы лишь множите его своими методами установления справедливости.

— Но мы творим это ради того Добра, которое победит!

— Пока побеждает лишь Зло. Больше или меньше — какая, в принципе, разница?.. И то, и другое — лишь социальный заказ. Вопрос лишь в том, чья сторона удачнее совершит своё Зло... Следовательно, борясь со злом или совершая зло, человек остается винтиком в машине социума. Не является ли данная дилемма неким абстрактным злом? — Абадонна улыбнулся и сам же ответил: — Нет, так как человек может выбрать третью возможность...

— Третью?!

— Третью. **НЕ ЖЕЛАТЬ ЗЛА!** Но, правда, это трудно. Это очень трудно... Трудно никому не пожелать никакого зла, когда зло желают, да и творят, тебе самому! Когда в лучшем случае — непонимание, а в худшем — агрессивное неприятие... А потом вы изобретаете сатанизм, придумываете себе Князя Тьмы — и всё для того, чтобы было на кого списать собственную злобу и подлость... Чтобы можно было сказать: «А это не я так поступил, это меня Нечистый заставил!..»

Из окна дохнуло ледяным предзимним ветром, и Абадонна по-человечески сжал крестнакрест руки, как простой озябший человек. Проговорил:

— Эх, господа, как же надоела зима! С её холодами. Зима, парализующая землю. Зима в душе... Оледеневшее от мороза сердце застыло в нетерпеливом ожидании весны... Хочу ощутить её приход, хочу ощутить её безумно нежные ароматы и увидеть зарождение, пробуждение новой жизни. Жажду ощутить на себе божественно прекрасный солнечный свет, обжечься им, сгореть в нём навсегда... И знаю, что ничего этого не будет... Что планета исчезнет раньше, чем дни вновь начнут удлиняться, а льды растопятся от другого огня, и сгорю не я!.. Боюсь, что, обитая здесь, я успел привязаться к этому миру... Очеловечиться, что ли?.. Тяжело будет от себя отрезать этот кусок жизни... Но это будет послезавтра... А пока я просто живу и радуюсь. Кроме того, сегодня примечательно тем, что у меня — день рождения. И от этого становится ещё веселей. А если не хочется идти на улицу, где можно нарваться на рыцарей, которые обязательно испортят праздник, то можно переждать непогоду у камина. Создадим камин, Кевин? Только скажите...

— У Вас день рождения?!

— Да, и притом — вашими земными годами будет круглая дата: пять миллиардов лет.

— Принимаете поздравления?

— К чему, отец Кевин! Они ж будут неискренними! Вы же всей душой ненавидите меня,

считая Вселенским Злом. Хотя на самом деле вокруг нас кипит нормальная жизнь, просто жизнь, если хотите. Всё-таки умирают слабаки.

— Согласен, но не полностью. Согласитесь, ситуации бывают разные. Никто не застрахован от нервного срыва. Вот в этот момент надежду следует возлагать не только на характер и силу воли, но и на поддержку со стороны. Если человек, оказавшийся в подобной ситуации, будет копить всё в себе, то ничем хорошим это не кончится. Другое дело, если у него есть друг, которому можно довериться, который поддержит в трудную минуту.

— Возможно, Вы и правы, — пожал плечами Абадонна. — Но Вы вряд ли станете претендовать на роль моего друга!

— И не скрываю этого...

— А как же тогда Вселенская Любовь?!

— Во всём должны быть ограничения и разумные пределы! — вскинулся Кевин.

— Вот-вот-вот! — насмешливо протянул Абадонна. — Типично человеческое решение... А ничего, что ограниченная Любовь — это уже не Вселенская, да и вообще не любовь, а так, имитация?..

— А Вы, похоже, за свои миллиарды лет так разобрались в Любви?..

— И не только в любви, почтеннейший! Мне вообще остаётся лишь удивляться, как вы, люди — однодневки, а вместе с тем поддерживаете какой-никакой, но уровень культуры. Вы ведь не можете накопить достаточно опыта, чтобы сделать правильные выводы из него! Порой то, что вы постигаете всю жизнь — лишь поверхность, верхушка... А остальное сокрыто, и чтоб постичь его, нужно прожить не одну тысячу лет... Даже эльфы, которых вы считаете бессмертными — для меня просто долгоживущие. Точнее — немного дольше живущие, дольше, чем люди... Вы любуетесь радужной поверхностью мыльного пузыря — и не успеваете за всю свою жизнь заметить то, что ВОКРУГ вас!.. А в полном мире всё гармонично, и всё на своих местах, даже Зло имеет свой рациональный смысл: не распяли бы Христа — никто не поверил бы, что он Бог, пусть и младший... Не губил бы я миллионы — и миллиарды уничтожили бы свои планеты в куда более изощрённых войнах!..

Кевин пожал плечами, а затем потрянул головой, словно отгоняя наваждение.

— Мне хотелось бы обратить внимание на одну немаловажную деталь. Последние часа два просто происходит переливание из пустого в порожнее. На самом деле напоминает камин, рядом лорды в креслах-качалках, которым не о чём поговорить. Они сидят и придумывают себе темы для разговора, хотя сразу знают, чем может завершиться дискуссия. А именно — ничем. Так стоит ли придумывать темы только ради того, чтобы поддержать разговор? Если у Вас назрели какие-то идеи, то милости просим, но зачем стараться искусственно поднять уровень интеллектуального шума?

— Лорды... Воистину — Лорды перед каминном... Был бы жив мой отец — позабавил бы его этим... этой картинкой... — улыбнулся серебрянокожий. — Но почему бы и просто не побол-

тать? Ведь смысла будет не больше: через полтора суток мир этот будет сметён, и Вы, Кевин, погибнете, так и не сумев воспользоваться полученными знаниями. Так зачем же тогда они? А темы для пустопорожних бесед я могу предложить и ещё. Например, если Вы хотите выяснить, можно ли Вас записать на дискетку и сколько дискеток понадобится — Вам придётся, по крайней мере, определиться с тем, где кончае-тесь Вы и начинае-тесь Не-Вы... Если Вы хотите разобраться, может ли машина думать, и если может, то как человек или по-другому — Вам придётся давать точные определения почти всем терминам и затем в этих терминах выяснять, как думает человек... Если Вы хотите узнать, может ли программа любить — Вы догадываетесь, что Вам придётся сделать... В моей терминологии машина не думает. Думает человек, когда пишет программу для машины. И у этого человека тоже есть чувства и интуиция. И при написании программ они используются ничуть не меньше, чем при любом другом занятии. Ну, если уж быть совсем точным, то человек пытается копировать или совершенствовать некоторые свои функции при помощи машины. Мысля при этом, как человек.

— Это камешек в мой огород, любезнейший?

— Ой, ну что Вы, я даже забыл, что мой собеседник — машина... Нечеловеческое существо, так сказать...

— Забыли!.. — фыркнул Кевин. — С каких это пор Вы стали что-либо вообще забывать... Тут скорее другое... Хотя мышью быть и не очень приятно...

Глава 18.

— Я никогда не думал, что предводитель и идейный вдохновитель Серебряного Круга — трус и предатель! — голос мальчишки дрожал от негодования.

— Бросать такое обвинение — тяжко. — Магистр казался постаревшим на тысячи лет. — Но самое обидное — что мы действительно бежим, уходим... Я не желаю, чтобы мы оставались: битва здесь проиграна, но мы можем сохранить наши жизни, они ещё пригодятся в новых битвах в иных мирах. И я могу подарить ту же возможность вам: Вы, Принц, и Ваша свита можете присоединиться к нам и уйти по Дороге в миры, недоступные Мраку.

— Битва проиграна?! — Принц вскипел. — Да Вы и не начинали её!!! Вы бежите, даже не попробовав сразиться по-настоящему! Подумаешь — Замок они потеряли! Да в наших войнах теряли республики, но затем — отвоёвывали назад! И злодеи-тираны были поопаснее нынешнего чернокнижника!

— Чернокнижника?! Мальчик мой, Принц Мрака является единственным родным сыном Лорда Мрака, повелителя всего Вселенского Зла!

— Да хоть самим этим Злом! И если взрослые бегут с поля боя до начала битвы — то я скажу, что прав был Ингвальд Соронсон: мы, дети,

защитим этот мир! А если мы проиграем – то хотя бы будем уверены, что сделали всё, что смогли!..

* * *

К Замку, так внезапно потерянному, начали стягиваться войска. И впервые за столько десятков лет он вновь оказался в осаде. Но странной была эта осада: несколько сотен рыцарей, множество подростков-землян, целая толпа местных, и среди них возвышающаяся фигура Магистра Ирлана – с одной стороны, снаружи, и всего лишь одно живое существо внутри, в осаждённой цитадели. Правда, этот один стоил сотни, но всё же...

— Пора... – Магистр кивнул рыцарям, и на мост вышел сэр Энглион де Батарди. Он поднял боевой рог и протрубил сигнал.

— Могли бы и словами сказать, я не глухой, – пророкотало в ответ пространство над Замком, и над главным шпилем сгустился туман. Чёрный. Смятение пронеслось по рядам рыцарей, а голос продолжил: — Не дёргайтесь, благородные воспитанники Ирлана, забывшие дома противогазы. Это не Чёрная пыль, это я сам... И не советую стрелять в облака, стрелы и болты вам ещё понадобятся, может быть... А Вы не глупы. У Вас были сотни путей выбора, но лишь два из них правильные. И вы выбрали один из них... Я одобряю ваш выбор и думаю принять вызов...

И тут произошло непредвиденное: на мост перед Энглионом, отталкивая его, выскочил десятилетний мальчишка. И многие в толпе почтительно склонились: на мосту стоял их Принц.

— А это – второй вариант правильного выбора, – пророкотала туча у башни и спустилась метров на пять.

Мальчишка поправил сбившийся аксельбант, тряхнул волосами, стянутыми узкой золотой короной с эмалевым рисунком, плавным, но быстрым движением выхватил из-за спины катану и, став в боевую стойку, выкрикнул прямо в тучу:

— Я, принц королевства Риадан, вызываю на бой тебя, Принц Мрака!

Туча спустилась на мост, мгновенно превратившись в высокого юношу с неестественно бледным серебристым лицом в обрамлении чёрной шапки волос. Одет он был в чёрный камзол, и кисти рук, чуть приотведённых в стороны, блестели металлом, как и лицо. Но ярче металла кожи сверкали зеркальные очки, закрывающие глаза. Металлические губы чуть шевельнулись:

— Я, Абадонна, Принц Мрака, принимаю твой вызов, Принц Человеческий, и предстаю в своём истинном обличи. Оружие выбрал ты...

В серебристых руках демона из ниоткуда возникли две тонкие сверкающие шпаги. Невольно вспомнились Принцу другие руки – руки странного монаха, взявшие из ниоткуда и швырнувшие к ногам наследника престола два невиданных клинка – шпагу и катану. ЭТИ ЖЕ РУКИ!!! Размеренный же голос Абадонны тем временем продолжал:

— А ты хочешь увидеть своё будущее? Перед началом боя я могу даровать тебе это...

— Ты думаешь – я испугаюсь и откажусь?!
— Не думаю... Потому и предлагаю... Смотри, Принц Человеческий!

Что-то изменилось вокруг. И Принц вдруг понял, что прошло два с половиной года. И теперь он не Принц, а Король, потому что отец его погиб в очередной несправедливой войне, а старший брат от престола отказался. «Мне не надо власти над людьми, когда я ищу власти над Богом, – сказал он тогда. – Я буду совершенствовать свои знания в магии...»

И Принц стал Королём. Но сейчас это всё уже не важно. Ведь нету ни Королевства Западный Риадан, ни дворянства... Есть лишь законы землян, узурпировавших власть, да Судебного Компьютера, не столько учащего жить, сколько изобретающего наказания за неповиновение ему. Да Патрули Лояльности, подавившие всю самобытную культуру Риадана и насаждающие земные каноны и стереотипы.

А ещё есть бетонный мост автостреды, под которым, словно бомжи, живут двое мальчишек: Король-Без-Королевства и его старший брат-Маг.

Маг – в одежде землян, такой же, как все. Он с грустью смотрит на младшего брата, чей дворянский камзол с золотыми аксельбантами и лосины так контрастируют с техногенным миром вокруг.

— Ты опять надел свой мундир... Зачем? Пора всё забыть...

— Нет.

— Надень земную одежду. Когда-то она так нравилась тебе...

— А теперь я её ненавижу! Они лишили меня всего: власти, дома, моего мира! Это, – младший злобно кивнул на переплетение бетонных мостов и пылающих выхлопами автострэд, – на месте моего дворца!.. Нашего дворца! – поправился он, увидев взметнувшуюся бровь старшего брата.

— Прошлого не вернёшь...

— Ты уже сдался?!

— Нет, просто не безумствую. Смени костюм...

— Это последнее, что осталось от НАШЕГО Риадана! Они даже шпагу забрали! «Для музея»! И корону.

— Тогда решай сам, подумай, что лучше: быть королём в одежде землянина или трупом в одежде короля...

Ругаясь и ворча под нос, юный Король сбросил свой средневековый мундир, под которым оказались коротенькие потрёпанные джинсовые шортики и фиолетовая футболка...

Видение плавно угасло, и Принц ошалело мотнул головой, отгоняя наваждение, затем выкрикнул:

— Я тебе не верю!!! Ты это нарочно, чтобы подавить меня перед поединком!

— Сломать перед боем – это уже на восемьдесят процентов победить... – Казалось, серебряное лицо должно сейчас улыбнуться, коротко и надменно, но оно осталось бесстрастным, как маска.

И то ли эта неподвижность и холодность взбесила Принца, то ли неверие в предсказанное будущее, желание отринуть, уничтожить его, но мальчишка метнулся вперёд, в длинном выпаде направляя катану в грудь противника. Словно могла смерть предсказателя изменить предсказанное.

Абадонна скрестил клинки, поймав в перекрестье стали катану и рывком отбросив её вверх. И тут же одной из своих шпаг нанёс хлёсткий удар. В последний момент Принц пригнулся, и сталь свистнула над головой. И в тот же миг катана мальчишки отбила второй клинок, направленный в грудь. И – снова рискнула вперёд. Противник отшатнулся, отступил на шаг – и на шаг приблизился к замку мальчишка-Принц.

Катана завертелась в веерной защите, грозной на вид, но совершенно безопасной и бесполезной. Впрочем, когда противник – человек, то не такой уж и бесполезной: даже самому храброму из людей станет не по себе, когда перед ним возникает слепящий круг сияющей и свистящей стали. И неважно, что ты знаешь, что он не опасен, – то звериное чутьё, что живёт в нас, всё равно заставит отшатнуться, отступить. Но Абадонна не был человеком. Никогда. И людскими эмоциями он не обладал тоже... А поэтому он машинально вставил свой правый клинок во вращающийся сияющий круг и со звоном столкновения остановил вращение катаны. Шагнул вперёд, «стригнул» клинками, сведя и разведя их, словно гигантские ножницы, заставил отступить Принца. Отступил на шаг назад сам. На второй, третий... Он словно приглашал, заманивал в какую-то ловушку. И Принц попался. Он метнулся вперёд, воздух заполнился плотным звоном стали: противники атаковали невероятно быстро, нападая и едва успевая отбивать атаки друг друга.

И вот они уже достигли середины моста. Абадонна продолжал отступать, и вдруг как-то невероятно легко вогнал клинок в грудь Принцу, отодвинув его катану левым клинком.

Казалось – замер не только Принц. Весь мир замер на долгое мгновение. А затем Абадонна выдернул окровавленную сталь, и хрупкое мальчишеское тело, изломившись, полетело с моста.

Гулкий удар тускло прозвучал снизу, и тут же в мост врезался истошный вопль бруксы. Вопль отчаяния, от которого дерево обратилось в щепу, а каменное основание – в крошево. Но Абадонна словно не заметил этого, оставшись стоять в воздухе, словно на тверди, и его взгляд словно говорил бруксе: «Я понимаю Ваше отчаяние, а потому и не виню Вас за Ваш Крик. У меня нет зла на Вас...»

Принц Мрака шагнул вперёд, сошёл на уцелевший край моста и повернулся к толпе. Медленно обвёл её взором – и каждый вспомнил: их Принц проиграл в честном бою, и теперь по законам рыцарской чести все они – пленники победившего Мрака. Пленники – во всех случаях, кроме одного: если победитель их отпустит. Но разве Мрак отпустил хоть кого-то живым?! Холодное дыхание смерти коснулось людей.

Абадонна медленно окидывал взглядом стоящих. Не снимая своих зеркальных очков, словно вросших в серебро лица. Люди, рыцари, дети, шут, вампир-брукса, гоблин-подросток, Магистр Ирлан, эльф...

Руки Принца Мрака опустили клинки – и те растворились в теле, слившись с его серебром. Губы медленно разлепились, чуть тронувшись усмешкой:

– Ребята, а вы проиграли... Ступайте по домам...

«Дайте мне наконец-то покой», – хотел добавить он, но передумал.

Тень за плечами сгустилась в длинный, до земли, чёрный плащ. Густо чёрный, без единой тени или блика.

Происходило невероятное: Враг отпускал их! Вселенский Враг отправлял их домой, не убивая и не превращая в рабов!

Но ещё невероятнее прозвучал выкрик из толпы пришедших с Принцем людей:

– Да что вы смотрите! Бейте его!

Кажется, кричал Бронеслав.

И толпа, мгновенно забыв и о рыцарской чести, и об элементарных приличиях и правилах боя, рванулась вперёд, извиваясь шупальцами рук и когтями мечей. Эльф изумлённо взглянул на сотоварищей, словно желая напомнить о законах чести, но промолчал.

И тогда Принц Мрака не выдержал. Со стоном: «О, как же вы мне все надоели!!!» – он сорвал с лица свои зеркальные очки.

Глаза его оказались на удивление жёлтыми, светящимися. И лучи света ударили в подбегающую толпу. Лишь долю секунды касались эти лучи каждого – и те исчезали, рассыпаясь кучками праха, которые тут же подхватывал порывистый горячий ветер. Не-Бытие смотрело на них, и жёлтые лучи выпивали не просто жизнь, а саму суть её.

А затем взгляд коснулся земли. И она вспучилась в агонии, умирая и рассыпаясь, ринулась сквозь неё лава.

Плащ за спиной Абадонны распахнулся угольно-чёрными перепончатыми крыльями, и Принц Мрака взмыл в небеса, не отводя от земли жёлтого своего взгляда...

Завершался Армагеддон.

Глава 19.

Чёрная птица парила над миром, и шарик планеты сжимался, сгорая и теряя свою суть. А Ангел Смерти взирал на деяния рук своих слепящим жёлтым взором.

И тут что-то всколыхнуло силовые линии пространства. Какой-то еле различимый всплеск гравитации. Абадонна оторвался от созерцания планеты, бросив взгляд на источник дискомфорта – но так и не успел разглядеть в подробностях вынырнувшие из гиперпространства двадцать кораблей Космофлота Земли: они обратились в прах раньше, чем успели произвести хоть один выстрел. И вновь никто не мешал Принцу Мрака наслаждаться победой.

Надев очки, он на бреющем полёте пронёсся над стерилизованным миром. Теперь этот островок посреди космоса не принадлежал ни Дню, ни Ночи, и на нём можно было лепить всё, что угодно. И – стоило попробовать.

Абадонна помнил слова своего отца, Лорда Мрака:

— Этот мир – лишь жалкая подделка под Изначальную Вселенную, откуда я родом, и он не достоин жизни! Сломать его, чтобы на его руинах возродить наш подлинный мир, мир гармонии и совершенства – вот в чём наша задача. Самозванные Лорды разделили мир на День и Ночь, кастрировали его, сделали ущербным и дефективным, неполноценным! А когда я попытался возмутиться против этого – просто не слушали меня, проигнорировали! Видишь ли, им не нужен мир, напоминающий их собственный!

То, что родилось под руками Абадонны, было само совершенство. Правильность и симметрия повышали гармонию, а все энергии находили свой резонанс, возрождая Песнь Миров, из которой родилась когда-то Изначальная Вселенная. Мир смотрел на своего Бога и подчинялся каждому его движению, знаку, слову, порыву души... Но отчего же в сердце такая тоска и грусть? Отчего перед глазами – удивление в расширившихся глазах Принца Риадана, когда тот ощутил в себе клинок Абадонны?.. Отчего до сих пор в ушах – звук, с которым тело этого храброго мальчишки ударилось о дно рва?.. Почему в совершенном сиянии поселилась тоска по простым риаданским рассветам и закатам с их ватными кучами облаков, обогранными солнцем?.. Почему такая грусть по ушедшим людям, от которых кроме нервоотрёпки ничего и не ждал!.. Почему...

Всплыв осколок разговора, принявший теперь совершенно иной смысл:

— Неужели ты хочешь простить, Гуон? Все наши жертвы, всех погибших за миллионы лет, всех, кто погибнет ещё...

— Простить? Не знаю, не задумывался о ТАКОЙ возможности, но можно попробовать...

Не только звездолёты землян могут прыгать сквозь гиперпространство. Демонам и Ангелам тоже открыт этот путь. Но земляне, прорываясь сквозь эти барьеры, не видят ничего и не помнят ни секунды из своего пребывания в этом мире-без-времени, но иные сущности знают: в том, что люди называют гиперпространством, проходит Дорога. Тот самый путь, что пронзает миры – и не принадлежит ни одному из них. Тот самый мир-путь, где реализуются отражения многих событий, родившихся в том или ином мире... То самое место, куда удалились после Войны Оракулов последние представители этого племени. И где хранилась их святыня – Изначальное Зеркало, или, как его называли представители Света – Истинное или Настоящее Зеркало. Впрочем, Настоящих зеркал расплодилось немерянно, а вот Истинное, Изначальное оставалось по-прежнему одно, и охранялось оно двумя братьями-Оракулами.

Выйти на Дорогу было для Абадонны плёвым

делом, но вот как найти теперь Зеркало?..

Блуждания, блуждания, блуждания... Дорога словно издевалась над вломившимся на неё Принцем Мрака. Впрочем, раньше она Мрачников вообще не пускала на себя... Что же случилось?..

Нечто пепельно-серое пронеслось над самой головой низко летящего Абадонны, спустилось на занесённые просёлочной пылью шестигранные плиты Дороги и грациозно сложило крылья. Пепельно-серый колли насмешливо взглянул на демона и рыкнул-тявкнул:

— Без меня ты и собственных кр-р-рыльев не отыщешь! Мр-р-рачный ангел! Стар-р-рые стихи помнишь? Нет?! Напоминаю:

Догорает факел
В сумраке ночном...
То ли Воланд спят,
Крикнув о земном,
То ли Бог свихнулся,
Сотворяя мир...
Мрак перевернулся.
Свет! Безумный пир!

Всадник-Абадонна,
Сын владыки Тьмы...
Старше, чем Создатель,
Холодней зимы...

Взгляд его бездонный
Зеркало хранит.
Всадник Абадонна -
Сон, туман, гранит.

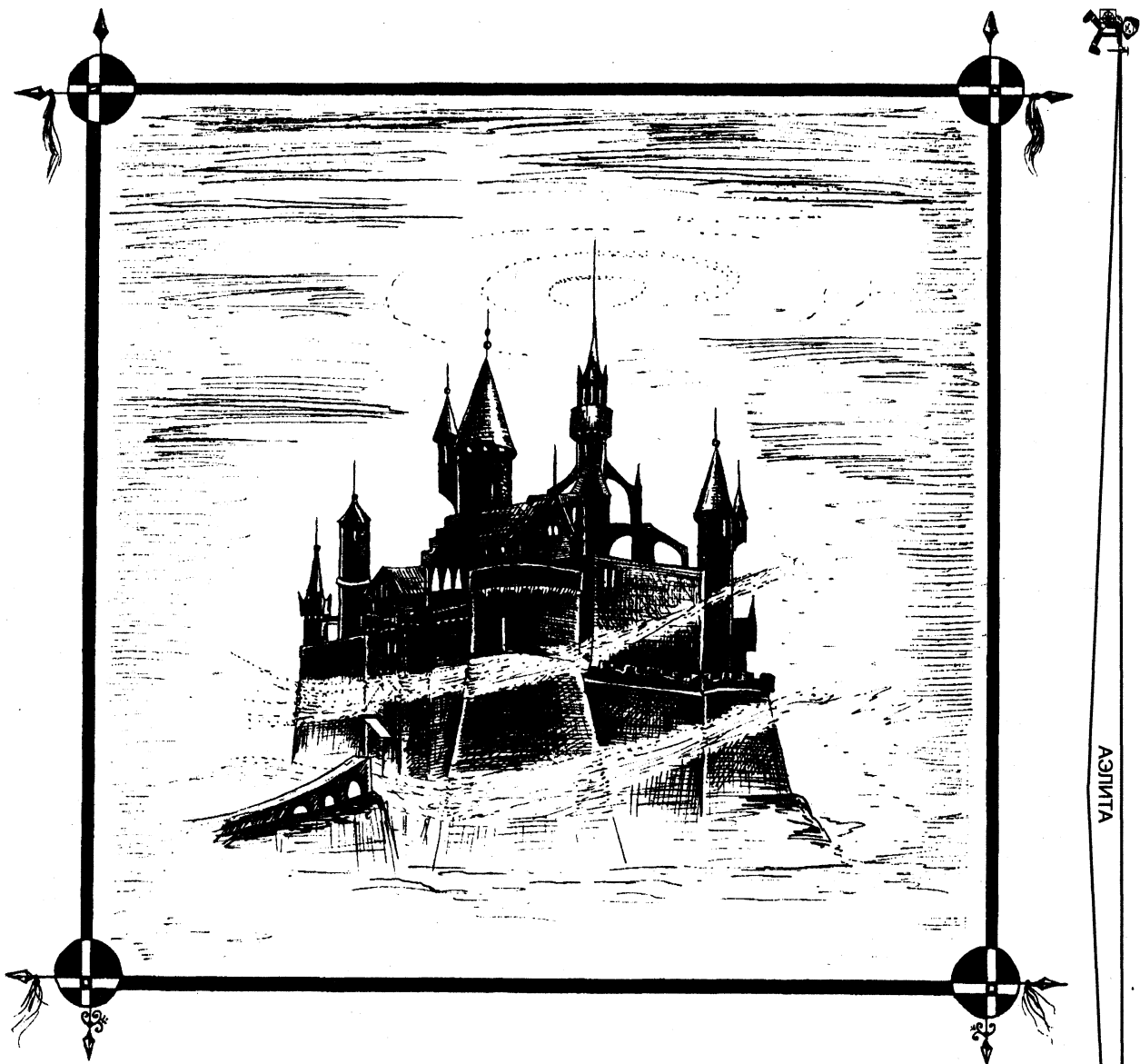
Сын давно стал старше
Своего отца,
Пережив на марше
Дождик из свинца.

Капли – словно пули
По туману звёзд...
Кто давно заснули -
Тех уж не вернёшь.

Семеро когда-то
Спорили с судьбой...
Вырастают травы,
Не проходит боль...

Сын Владыки Мрака,
Принц иных миров,
Взглядом в кучку шлака
Стёрший пульс веков.

На руинах чёрных
Ты – крыло, гроза...
Почему ж – на нервах?..
Отчего – слеза
На щеке сверкает
Светом от звезды...
Кто очки снимает
У чужой воды,
Чтобы отразиться
В ужасе своём.
Чтобы раствориться
В холоде родном.

сверкающий огненный клинок у атакующего Энглиона. Звон стали разбил на осколки тишину, и от звона этого очнулось от спазма, пробудилось Огненное Сердце. И Замок вновь стал видеть вокруг и осознавать себя.

Замок:

Они сражались на моём мосту, и бой этот был странен. Я видел множество боёв, когда по приставным лестницам орды варваров карабкались на мои стены, когда ошалевшие рыцари кидались на фантом дракона, рождённый грудой кварца и железа внутри меня, когда крестьяне с вилами отбивались от налетевших горгулий (кстати, последних горгулий на этой планетке...). Но никогда не было такого: целая толпа с одной стороны – и воин-одиночка с другой. Впрочем, сражалась не толпа, а самый массивный и мощный рыцарь из неё, словно светящийся изнутри Светом Созидания, но Свет этот омрачался жаждой убить противника, убить любой ценой. Не-

избежно... Да и толпа кипела тем же: если ставленник победит – они взорвутся рёвом радости и поздравлений, если же проиграет – то вопль «Да что же вы смотрите, бейте его!» разобьёт каноны дворянского приличия, и вся эта толпа ринется на противника-одиночку. На противника, чей металлический блеск стального лица с зеркалами очков оттеняется чернотой камзола, чьи жизненные силы заведомо больше, чем у людей, но тают с каждой секундой, словно он отдаёт их кому-то невидимому здесь...

И тут я узнал его: Абадонна. Принц, пришедший сюда из Внешних Миров. Именно он построил здесь когда-то Огненное Сердце, а затем уснул в нём на тысячелетия. Века умеют хоронить одинокие здания, даже если те строятся Внешними. И когда сюда пришли первые люди – они увидели лишь холм, поглотивший Огненное Сердце. И построили на вершине холма, прямо на крыше Замка Мрака, новый замок –

Бэтлгантлет Кэстл. И замки срóслись воедино, и так родился я – Замок.

А сейчас мой первосоздатель сражался с прямым потомком создателей Второго Яруса. И что самое странное – я видел, что он не желает убивать своего рослого противника, не применяет магию, но самое главное – Абадонна хотел умереть! Он сражался и только и ждал, как бы подставиться под удар, но сделать это правдоподобно, не оскорбив этим Воина Света.

Меч рослого рванулся вперёд...

Энглион де Батарди:

Вообще-то нас учили никогда этого не делать: меч – не шпага, и прямой выпад сделает вас на несколько секунд абсолютно беззащитным. Но интуиция подсказала мне: сейчас. Зеркальноглазый качнул мечами, разводя их, чтобы ударить меня сразу с двух сторон. Логично, чёрт побори! С двух сторон сразу не уклонишься и не отобьёшься, а падать и перекатываться на узеньком мостике – сущее самоубийство! Оставалось рискнуть. Сейчас. Сейчас...

Мой клинок молнией рванулся вперёд. Конечно, я понимаю, что незащищённость моего врага – сущий мираж! Под камзолем у него как минимум стальной панцирь. Или заклинание защитное. Ибо если уж Ингвальд, младший брат мой, защиту вокруг себя держать может, то что ж говорить о таком могучем колдуне, как Принц Мрака. Эх, скользнёт сейчас мой меч в сторону...

Что это?! Клинок ворвался в грудь врагу, как раскалённый нож в масло! Вошёл на половину длины! И тут же волна сияния рванулась от рукояти в грудь Абадонны, и сияющая сталь мгновенно обратилась в прах.

Теперь я безоружен!

Но Принц Мрака покачнулся, его руки разжались, и оба тусклых клинка с глухим стуком воткнулись в тёмное дерево моста. Шаг, другой – и безжизненное тело полетело в бездонный ров, забывший, когда в нём была вода.

Глухой стук разбившегося тела. Я невольно усмехаюсь – «бездонный», ну надо же, на романтические фразы потянуло!.. Просто жутко глубокои...

Кевин, даром что священник, приладил ручную лебёдку и спускается уже вниз, чтобы поднять тело. Оно и верно, враг или не враг – а бросать на растерзание воронам негоже, погребение надобно... А то – как с теми последними гоблинами там, у деревни...

А вот и наш Святой Отец! Осторожно кладет на мост изувеченное и изломанное тело в чёрном камзоле. Осматривает, проводя рукой над головой, сердцем... Как же он называл этот способ осматривания? Слово такое мудрёное было... А, вспомнил – сканирование!

Кевин опустил руки. Произнёс лишь одно слово: «Мёртв!».

Ну, это и так видно. Мертвее только каменные истуканы бывают...

Рёв толпы давит на уши. Кажется, это радуются моей победе. Славят Воина Света. Хм, прилепится теперь ещё это прозвище-звание!..

А из толпы несётся ко мне, рассыпаясь в комплиментах и поздравлениях, сэр Бертрам из Хонка... О боги, только не это! Не-е-ет!

На небе среди тускнеющих созвездий ослепительной свечой вспыхнула новая Звезда, заливая своим светом встрепенувшийся дремотный и беззаботный мир. Говорят, в этот миг и родился вновь Возлюбивший Мир.

Звезда Рождения зажглась на том же самом месте, что и сотни лет назад.

Эпилог

Вопрос чёрного колдуна

На одном из обитаемых миров человечества, на окраине большого города жил-был отшельник. Дом его ничем не отличался от тысяч других домов, и город был как город. Никто не знал возраста отшельника, потому что в ту пору каждый был волен принимать тот облик, какой пожелается, а сам отшельник не считал ни дней своих, ни даже лет. Друзей у него было немного, да и те не могли поручиться, что хоть что-то знают о нём наверняка. Сколько времени жил он такой жизнью – никому не известно, и каждый новый день в этой жизни, как две капли воды, походил на предыдущий.

Однажды утром к отшельнику пожаловал гость – необычный гость, потому что он был первым, кто постучал в дверь, а не позвонил. Тёмно-серая мантия была на нём, похожая на одеяние странствующего монаха; в руке он сжимал большой – в человеческий рост – посох, увитый сложным узором.

– Я ишу Ингвальда де Соронса, – сказал он вместо приветствия, и голос его, не тихий и не громкий, завораживал слушателя. – Дорога довела меня сюда.

– Меня зовут Ингвальд. Ингвальд Соронсон, – помедлив, ответил отшельник. – Только один человек звал меня Ингвальдом де Соронса, и это...

– И это Рыцарь Серебряного Круга Энглион де Батарди.

– Но вы – не он.

– Нет. Человеку не дано летать меж звёзд. Это можете только вы, боги, да мы, призраки.

– Я не бог, я землянин...

– Но ведь не риаданец... Вот это я и имею в виду.

– И что же нужно от меня странствующему духу?

– Я здесь, ибо послан Серебряным Кругом. Послан за тобой. Беда пришла в Риадан, и рыцарю скоро потребуются его оруженосец.

– Сколько времени уткло...

– Полтора года прошло в Риадане. Сейчас там начало лета, и если сил Круга не хватит, то новую весну встречать будет некому.

– Но почему ты решил, что я поверю твоим словам и последую за тобой?

Скрытое вечной тенью лицо чуть усмехнулось, и в тишине замершего на миг города оглушительным громом прозвучал шёпот Странника:

— Готов ли ты по первому зову спешить на борьбу со Злом, в каком бы обличье оно ни выступало?

— Да, — ответил отшельник.

Никто не видел, когда и куда они ушли. А если бы кто-то заглянул в комнату отшельника, он заметил бы, что со стены исчезли лук, колчан со стрелами и короткий меч в простых ножнах.

* * *

Сидя за столом, Энглион машинально царапал столешницу кончиком охотничьего ножа, зажатого в кулаке. Судя по количеству царапин на дубовой доске, занимался он этим с самого утра. Энглиону было не по себе — впервые на его памяти Магистр Ирлан отдавал такой туманный приказ: «Сиди дома. Жди». И всё! И вот он ждёт уже полдня, и сколько ещё ждать — непонятно. Есть, правда, смутное подозрение, что приказ этот как-то связан с проклятием Мальдена. Тоже не бог весть что. Весь последний месяц Магистры Круга только о нём и говорят, и ведь не зря говорят...

Началось всё... да, где-то полтора года назад. Тогда полчища странных тварей наводнили Риадан, вооружённые непонятным, но смертельно опасным оружием. Их можно было бы принять за орков, если бы последний из гоблинов не погиб бы ещё год назад, во время Армагеддона. С гор спускались тролли, ведомые не только обычным голодом, но и жадной разрушения. Мороки сделали практически непроходимыми заболоченные местности к северу от столицы, отрезав друг от друга деревни и мелкие городки. Даже горные драконы, обычно равнодушные к делам людей, начали оставлять свои сокровищницы ради воздушных рейдов на посёлки. После таких налётов не оставалось ничего, кроме пепла и спёкшейся земли, на которой и по сей день ничего не росло. Усилия Рыцарей Круга только тормозили продвижение врага, но не могли его остановить. В городах собиралось ополчение, кузнецы ковали только оружие. Этого тоже не хватало.

Тогда пришло известие от Гильдии Магов, подтвердившее подозрения многих: враги действуют сообща, объединённые твёрдым руководством. Нашлись очевидцы, говорившие, что на захваченных землях видели странного человека лет сорока, одетого в чёрную кожаную одежду. Оружия у него не было, но такая власть ощущалась в нём, что ни у кого не хватало смелости выпустить стрелу или приблизиться для удара мечом.

И ещё месяц Круг собирал силы, прежде чем объединённое войско Риадана смогло навязать противнику решающую битву — и победить. Мир и спокойствие вернулись на израненные земли, но не в души Магистров Круга, потому что никто не видел смерти чёрного колдуна, — в том, что это колдун, сомнений не было, — и тело его не было найдено на поле битвы.

Почти год всё было тихо, пока месяц назад не обрушилось проклятие Мальдена. В тот день небо затянуло мрачными грозowymi тучами, к

полудню сложившимися в рисунок человеческого лица — печально известного лица чёрного колдуна. Хотя тучи висели низко, лицо видели во всём Риадане, в правильном ракурсе, независимо от того, как стоял смотревший. Сверкая молниями, лицо усмехнулось, и громом прокатились сказанные им слова: «Вы оказались сильнее, чем я думал. Но какая польза от вашей силы? Что толку в вашей жизни? Кому вы нужны, кроме таких же бесполезных людишек?» Слова эти слышали даже глухие, и запомнили их даже страдающие склерозом старцы. И все запомнили то, что было сказано после: «А кто найдёт ответ — пусть приходит в мой замок, Кэр Мальден, что стоит на поле последней битвы. Я подожду». Тучи рассеялись, но не рассеялась тяжесть вопроса.

С того дня жизнь замерла в Риадане. Проклятый вопрос — проклятие Мальдена, как его назвали — жил своей жизнью в уме каждого человека, и его нельзя было прогнать, как обычных приступ тоски, нельзя было утопить в вине или заглушить музыкой. Никто не грабил и не жёг города, но торговля и ремёсла замерли, потому что немногим хватало силы воли, чтобы продолжать повседневные дела, и даже у них всё получалось кое-как. А те, чья воля была слабее, искали покоя в смерти, но кто знает, что они там нашли? И некому было прийти с ответом в Кэр Мальден, потому что никто из людей не нашёл ответа.

Была слабая надежда, что проклятие рассеется со смертью колдуна — мало кто называл его Мальденом, боясь накликасть беду, хотя что могло быть хуже проклятия? Многие Рыцари Круга отправились в Кэр Мальден, и никто не вернулся назад, потому что врагов замок встречал многочисленными ловушками, и не все можно было заметить заранее. До центрального зала, где сидел колдун, не добрался ещё никто, но каждый Рыцарь, прежде чем погибнуть, разведывал очередной участок пути; и теперь у Круга почти не было Рыцарей, но был план замка, на котором не доставало только последнего перехода к залу. Следующим должен был идти Энглион, но вдруг пришёл приказ ждать... Так он и ждал неизвестно чего, царапая стол кончиком охотничьего ножа.

От размышлений его отвлек скрип двери. На пороге стоял юноша, на полголовы выше Энглиона; его тёмные прямые волосы были схвачены кожаным ремешком, на поясе висел короткий меч, а из-за плеча выглядывал лук.

— Что вам угодно, сударь? — спросил Энглион, приподнимаясь из-за стола — и замер на полпути, встретив взгляд ясных, странно знакомых глаз.

— Я вернулся, Старший, — тихо сказал юноша.

— Джино...

— Да, Старший.

На рассвете двое всадников покинули город, направляясь к месту последней битвы.

* * *

— А теперь объясни толком, как тебе удалось так вырасти за полтора года, — сказал Энглион, взглянув на едущего рядом Джино. — Ты же мне по пояс был, я точно помню. Или секрет?

День клонился к закату, первый день их путешествия. Уставшие кони шли шагом, и всадники их не торопили — до цели было три дня пути, а к прибытию ещё нужно было подготовиться. Заходящее солнце подсвечивало оранжевым цветом белые кучевые облака на горизонте; дорога, спускаясь с холма, огибала мелкое озеро, кусочек чистого неба среди зелёных лугов. Было тихо. Слишком тихо. Ни одного человека на невозделанных полях, посёлок вдали будто вымер... Джино качнул головой, отгоняя назойливую мысль, и ответил:

— Да нет, какой тут секрет... Просто в разных мирах время идёт по-разному, здесь — медленнее, там — быстрее, а где-то и вовсе вбок. Так что для меня не полтора года прошло, а все шесть. Ну, примерно, точно я не считал.

— Невестой, небось, обзавёлся.

Ингвальд вспомнил горящие обломки транслайнера, на котором летела Натали. Сколько случайностей, нелепых и непоправимых: полетела с ним вместе на лайнере, потому что он так и не научился прыгать в пространстве; безотказная навигационная система вдруг отказала над самой посадочной полосой; врождённая защита, стальным коконом полей окружающая человека, исчезла именно в этот момент, и у неё одной; «Скорая» опоздала на считанные минуты... Натали умирала на руках Джино, а он не в силах был ничем ей помочь... И осталось уединиться со своей печалью. Видимо — на роду написано ему терять: сперва — Герда, затем — Натали... Но стоит ли выливать эти несчастья на бедную голову Энглиона? Ему и так нелегко. И поэтому Ингвальд лишь чуть улыбнулся рыцарю и ответил:

— Не успел обзавестись. Не сложилось... Да ты не волнуйся, Старший, я даром время не терял. И фехтовать теперь умею, и ещё много чего...

Энглион поймал себя на том, что слушает не столько слова Джино, сколько его голос. Да, подросток братишка, возмужал... Как же теперь к нему относиться? Как в сказке, право слово — пригрел оборванца, а он принцем оказался, из далёкого королевства, из богатого королевства... Счастливого королевства... А характер всё такой же. И фехтовать выучился, не забывал, значит. Прямо на душе легче, не так давит тоска эта чёрная... Стоп. Кто это там, впереди, на дороге?

— Видишь его, Джино?

— Вижу, Старший, — Джино прищурился. — Только не его, а её. Одежда, вроде, крестьянская, а точнее не разглядеть — далеко. Навстречу идёт.

— Навстречу? С чего бы... До города день езды, а она одна и пешком. А через час совсем стемнеет. Неладно это.

И, пришпорив коней, они устремились вниз по склону холма, навстречу тёмной фигурке, бредущей по дороге.

Джину не ошибся — это была девушка. Судя по виду, в пути она была давным-давно. Длинные рыжие волосы спутались и закрывали лицо, босые ноги в пыли, следы пота на спине; покляжи с ней не было. Вряд ли она осознавала, где находится, и едва ли заметила двоих всадников, спешившихся в пяти шагах перед ней — так бы и прошла мимо, если бы Энглион не коснулся её плеча.

— Герда! — не веря своим глазам, выкрикнул Джино.

Сбившись с шага, девушка начала падать, и рыцарь еле успел подхватить её.

— Что с ней? — спросил Джино.

— Спит, — ответил Энглион, прислушавшись к дыханию девушки. — Ну что ты будешь делать... Привал, братишка, ночуем здесь.

Сойдя с дороги, они развели костёр и принялись устраиваться на ночлег. Еду готовить не стали, обойдясь сухим пайком; девушке же сон был явно нужнее еды: когда ей к губам поднесли флягу с водой, она сделала несколько глотков, но так и не проснулась.

Ночь прошла тихо. Слишком тихо...

* * *

Менестрелю было, как всегда, скучно. И виной тут не проклятье Мальдена. Не менее скучно было и на родной Земле. Там, в прилизанном мире-цветнике, так похожем на клумбу, его точил дух бунтарства, а здесь, на диком ещё Риадане... Сперва было даже чуть-чуть интересно, но затем... Местные обычаи, хоть и более дикие, нежели земные, оказались не менее скучными, а возня земных детишек в этом рыцарском мире всё более и более смахивала на традиционные для его родины Хоббитские Игрища.

Но оставалась ещё природа. Дикая, почти нетронутая, не осквернённая ещё дыханием прогресса. Вот здесь жило истинное наслаждение. Из самых потаённых уголков души рождалась мелодия, распирала лёгкие, мчалась ввысь горлом и вырывалась под высокий шатёр леса сквозь отверстие бамбуковой флейты, прижатой к губам. Пальцы ласкали отверстие полированного годами инструмента, и птицы вторили отроку в чёрном пажеском одеянии с кружевами широкого воротника.

Так было всегда.

Но сегодня скука прорвалась и в песню. Или — тоска ожидания, предчувствие чего-то, что неизбежно случится, хотя — ещё и не началось...

Флейта пела, и в мозгу в такт мелодии рождались слова:

В сердце нет тоски по Валинору,

И души не надрывает чаек стон...

Без смятенья я смотрю на волны моря.

Но откуда же безумный этот сон?

Зелен сумрак Золотого леса,

И о чём-то вновь грустит свирель.

Снова слышу нелюдскую песню,

Снова птицы леса вторят ей.

Эльфы, эльфы – воины и дети...
На делонях – песни, шутки, смех...
Только я – чужой на этом свете,
Что за дело мне до них до всех.

Моя песня – это стон назгала,
Света в сердце нет – и не ищи...
Но опять – шелка рассвета алы,
Голос эльфа вновь в лесной тиши.

Голос эльфа вновь в лесной тиши.
Те же песни слышу от друзей я...
Не свирель – гитара здесь звучит.
Век тревожный, нашей грани эльфы.

Я болею Средиземьем... В чём тут дело?
Почему зовёт куда-то голос флейты?
Боль в душе – гитара только зазвенела...
Может, просто неродившийся я эльф?
Видно, просто неродившийся я эльф...

Словно отзвуком на слова песни, из сумрака
листвы возникли двое большеглазых обитате-
лей леса и замерли в паре шагов от валяющего-
ся на траве флейтиста.

Старший – на вид лет двенадцати, но Мене-
стрель знал, как обманчива внешность этого на-
родца. Тот поправил свою медно-рыжую при-
чёску и обратился к лежащему:

— Встань! Очнись от музыки! Мы идём в за-
мок Мальдена и зовём тебя с собою!

— Интересно! – Менестрель вложил в свой
голос весь сарказм, на который только был спо-
собен. – С какой это стати ты, бессмертный
эльф, зовёшь с собою меня, простого смертно-
го, человека?!

Однако столь спесивый ранее советник Ко-
роля ответил вдруг с какой-то непонятной доса-
дой:

— А что ж поделать, если среди музыкантов
не осталось больше эльфов?

— А что поделать, – в тон ему прозвучал и
ответ, – если среди добровольцев, желающих
отправиться в замок Мальдена, не осталось
меня?

— Как жаль...

Менестрель ещё раз внимательно с ног до
головы оглядел посланцев, и взгляд его задер-
жался на сверкающих широких шпажных клин-
ках с витыми узорами чаш. В бою, пожалуй, та-
кое оружие может спасти жизнь своему владель-
цу. Разумеется, если тот не станет размахивать
им, словно мечом. Но против колдуна...

— Вы идёте воевать с Мальденом?

* – Тогда бы мы искали воинов, а не музы-
кантов. Мы несём ему ответ!

— И что же, вы решили идти к нему с этими
зубочистками?

В гневе оба эльфа схватились за рукояти
клинков, но почти тут же ярость сменилась ка-
ким-то тупым безразличием, словно новая вол-
на Проклятия настигла их. И советник только
буркнул в ответ:

— С оружием нам спокойнее. Надёжнее.

— Совсем ещё дети! Я бы на вашем месте
аккуратно оставил бы это оружие здесь, на трав-

ке... И шёл бы без него.

— Мы-то оставим, – подчиняясь силе слов
землянина, ответил молчавший до этого
черноволосый эльф. – А вот Король наш вряд
ли захочет расстаться с оружием.

Менестрель только неопределённо пожал
плечами:

— Жаль... Но это – его беда.

— А ты...

— С вами не иду. Мне и тут неплохо...

— Жаль, – эхом вернулись слова. И два клин-
ка, звякнув, упали в высокую траву поляны. Ко-
лыхнулась трава – и оба посланца исчезли, слов-
но растаяли.

Менестрель задумчиво глядел вслед ушед-
шим, затем медленно поднёс к губам флейту. И
в тот же момент что-то с силой швырнуло его на
землю и зажало рот горячей ладонью.

— Спокойно! – послышался детский голосок.
– Сейчас я медленно разожму пальцы, а ты без
криков, внятно скажешь мне, куда пошли эти
двое...

Рука ослабила свою хватку, и повернувший-
ся Менестрель увидел прямо перед собой ух-
мыляющуюся физиономию Бронеслава, маль-
чишки из числа недавно явившихся на Риадан
любителей рыцарской старины и искателей при-
ключений.

— Куда-куда! В замок к Мальдену! И мог бы
не наскакивать, как Тарзан!

Даже не поблагодарив, пацан скрылся в лесу.

— Всё-то для него приключения... – скорбо-
но вздохнул Менестрель, вновь укладываясь на
траву. Холодная выпуклая чаша эльфийского
клинка попала под голову, и отрок отбросил её
от себя, прежде чем поднести к губам инстру-
мент...

Тем временем двое эльфов шли по лесу. Они
прекрасно слышали, как ломился вслед за ними
человеческий детёныш, но считали ниже своего
достоинства хоть как-то реагировать на этого ис-
кателя собственных неприятностей. Так что бе-
седа не прерывалась.

— Оружие-то мы оставили, – бурчал черно-
волосый, – а вот теперь я думаю – не напрасно
ли? Зачем?

— Кажется, я понял его: Мальден волшеб-
ник, и он совладеет с любым нашим оружием...
А вот без оружия у нас, кажется, появляется
шанс...

— И всё равно без оружия страшно...

— Страх – не лучший помощник... при про-
гулке к Мальдену... Трусишь – можешь оста-
ться.

— Ещё никто не смел упрекнуть меня в тру-
сости! – вскипел черноволосый. – За те пятьсот
лет, что я...

Голоса их терялись среди шума листвы, и
вскоре только кукушка отмеряла кому-то неспро-
шенные года...

* * *

Новый день принёс новые надежды. Вчераш-
ние заботы и тягостные мысли, навеянные уста-

лостью, остались по ту сторону сна; утро выдалось безоблачным. Девушка проснулась, когда первые лучи солнца добрались до её лица. Поморгав, она откинула лёгкое одеяло и осторожно села, глядя то на Джино, готовящего завтрак на костре, то на Энглиона, разминающего с двумя мечами, то на рассёдланных коней, пасущихся неподалёку, то опять на Джино... Она явно не помнила, как оказалась здесь, но восприняла случившееся спокойно; у Энглиона отлегло от сердца – он на всякий случай готовился к худшему, вроде истерики или холодной апатии.

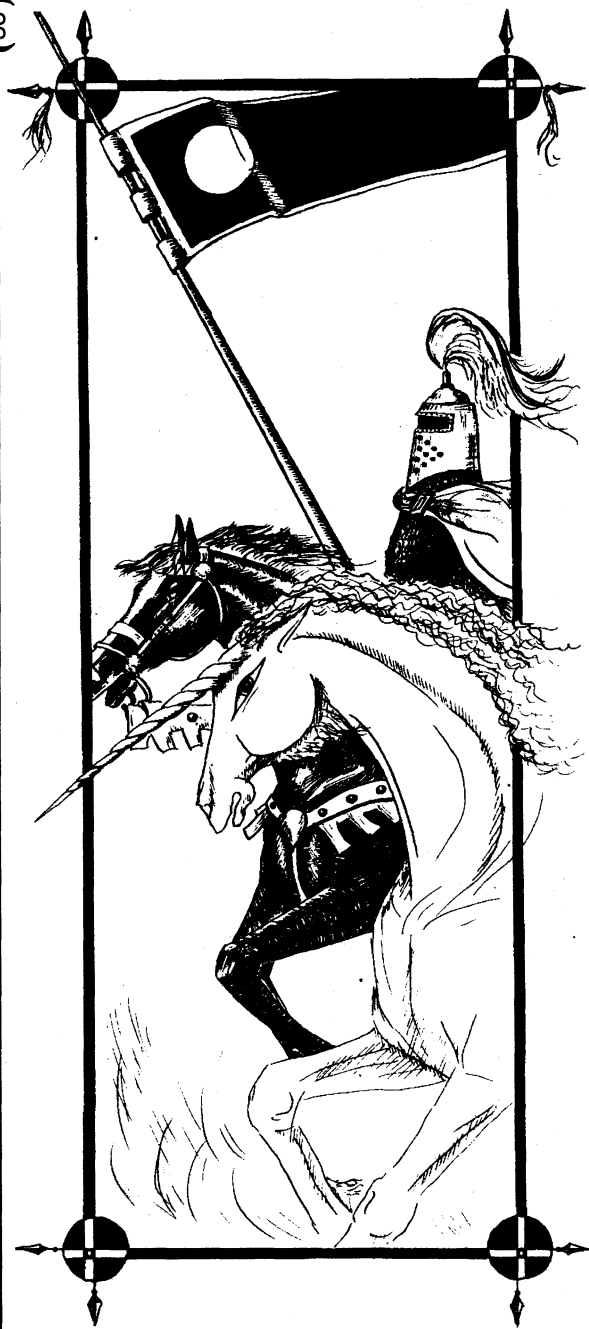
Умывшись и причесавшись, Рийни – именно так звали девушку, столь похожую на погибшую в Замке Герду – помолодела на несколько лет и оказалась ровесницей Джино. Энглион, за последний месяц привыкший к печальным и мрачным лицам, воспринял как должное её молчаливость и замкнутость, но Джино, всё утро шутивший и валявший дурака, сумел-таки разрядить обстановку и втянуть Рийни в разговор. Смеясь вместе со всеми над очередной историей из цикла «а вот однажды...» – Рийни знала их ещё больше, чем Джино, – Энглион поразился, насколько легко и много им удалось узнать о прошлом девушки.

Как они и предполагали, Рийни была из крестьянской семьи. Единственная дочь, она жила со своими родителями на ферме, занимаясь обычными домашними делами и время от времени выезжая с отцом или матерью на ярмарки. Размеренная и спокойная жизнь, скучноватая для многих горожан, её вполне устраивала. Слушая в детстве сказки, она, как и все девочки, любила представлять себя принцессой, ожидающей своего прекрасного принца – который, конечно, обязательно находил её и увозил в свой замок; или ученицей лесной волшебницы, однажды находящей в лесу израненного богатыря, или... А больше всего ей нравилось, что все сказки кончались хорошо, и целевшие после всех приключений главные герои принимались жить-поживать да добра наживать.

Но её сказка началась без предупреждения и совсем невесело. Избежав набегов тварей и троллей, ферма её родителей не избежала проклятия Мальдена. В одну ненастную ночь все ездовые драконы, которых с недавних пор стали разводить на ферме, снялись со своих мест и, как один, улетели неведомо куда. Затем разбежались куры и гуси. А на следующую ночь так же бесследно исчезли родители Рийни: погибли или пропали – это осталось неясным, да и было неважно, – а ещё спустя неделю Рийни, чувствуя, что начинает сходить с ума от тоски и непривычного одиночества, вышла на дорогу и отправилась куда глаза глядят. Она не помнила толком, куда шла, где ночевала и что ела – пока не проснулась этим утром в лагере рыцаря и его оруженосца.

После завтрака Джино уговорил Рийни взять его запасную одежду, и она отправилась к озеру искупаться. Джино и Энглион остались у догорающего костра.

— По-моему, Старший, нам придётся взять её с собой, – первым нарушил молчание Джино, задумчиво глядя на язычки пламени, почти

незаметные в солнечном свете.

— Куда – с собой? В Кэр Мальден? Да я бы и тебя туда не взял, и сам не поехал, если бы другой выход был...

— Так ведь и сейчас выхода нет. Пригрели, накормили, а дальше что? Иди, милая, дальше по дорогам бродить? И кто мы будем после этого?

Энглион ответил не сразу; поднявшись, он принялся седлать коней.

— Знаешь, братишка, – заметил он, глядя на Джино поверх седла, – ты сейчас говоришь, как один мой давний знакомый. Как-нибудь расскажем подробнее, если выберемся из этой пере-

дрыги. А пока учти – ты теперь за неё в ответе; если какая беда случится, сначала её выручай, а потом уже обо мне думай. Я-то и сам справлюсь. Понял, оруженосец?

— Понял, рыцарь, – ответил заметно повелевший Джино.

Поклажу переложили, и Рийни с Джино разместились на одном коне. В одинаковой одежде они были похожи, как брат и сестра, даже волосы уложили одинаково; только Рийни не носила сапог – босиком ей было удобнее.

Так прошли два дня. Погода была хорошая, никаких неприятностей не случилось, и никого больше путники не повстречали. За время путешествия они привыкли друг к другу – без Рийни с её лёгким весёлым характером это вряд ли удалось бы – и Энглиона оставили беспокойные мысли о том, как лучше вести себя с Джино. Всё шло само собой, и шло великолепно – словно какой-то магический щит хранил их. Впервые за последний месяц тяжесть проклятия исчезла, и на душе было легко, несмотря на предстоящее тяжёлое задание.

Это чувство не рассеялось даже тогда, когда они въехали на поле последней битвы. Когда Энглион видел его в прошлый раз, оно было вытоптано, залито кровью и завалено телами убитых; от дыма было трудно дышать. Но дожди смыли кровь и грязь, павших воинов сожгли на кострах и похоронили в братских могилах, а поле зеленело от молодой травы. Из общей картины выбивалась только чёрная приземистая громада замка Мальдена; в лиге от неё путники остановились и разбили лагерь, чтобы наутро отправиться в гости к чёрному колдуну.

* * *

За день до этого к чёрной громаде Замка явилась иная процессия. Группа эльфов, единственным оружием которых были гитара и две флейты. Впрочем, идущий во главе Король в сверкающем венке-короне из искусно кованых серебряных дубовых листиков не пожелал расстаться со своим арбалетом, и нервно сжимал в правой руке пучок тяжёлых остро заточенных болтов. За Королём безмолвной тенью следовал медноволосый Советник. Впрочем – не такой уж и безмолвный: глядя то на молчаливую громаду Замка, то на своего повелителя, он чуть ли не умоляюще шептал:

— Ваше Величество, прошу Вас, оставьте арбалет!

— Я Король! – последовал надменный ответ. – И я пришёл воевать с Мальденом, а не просить милостыню.

— Я прошу Вас, оставьте...

— Нет! – он с силой оттолкнул своего верного адъютанта и советника, рывком взвёл арбалет и положил кованый болт под пружину фиксатора. Затем, гордо вскинув голову, заорал, обращаясь к громаде стен:

— Мальден! Если ты не трус – выходи биться один на один!

Лишь молчание да вой ветра были ему ответом.

Тогда Король горделиво шагнул под арку входа и угрожающе повёл из стороны в сторону своим грозным оружием, пробивающим навывлет рыцарские доспехи со ста шагов.

Никто не успел понять, что случилось. Просто откуда-то из тьмы коридоров вырвался навстречу эльфийскому владыке рваный бело-голубой луч, словно язык пламени. На секунду холодное пламя с головы до ног охватило дерзнувшего и с треском разлетелось в стороны двумя шипящими шаровыми молниями, мячиками засакававшими среди обломков камней.

На совсем ещё детском лице Короля застыло крайнее удивление. Он словно хотел сказать: «Не понял...» Но – не сказал. Вместо этого ноги владыки эльфов подкосились, он упал лицом вниз. Звякнув, спустилась от удара о землю тетица, и смертельная стрелка унеслась во тьму прохода. Ни стоны, ни звука удара стального болта о камень...

А Король вдруг начал таять, словно испарялся. И вскоре на камнях под аркой лежали только корона из дубовых листьев, чёрная, с белыми кружевами рубашка с коричневым кожаным пояском, ярко-голубые лосины да остроносые сапоги. Да пустая перчатка сжимала разряженный уже арбалет.

С яростью глянул медноволосый на тьму пролома, но не склонился к арбалету, лишь крепче сжал гриф гитары. Да проходя мимо останков своего Владыки во главе отряда, шепнул:

— Я вернусь!..

* * *

Они предстали пред взором Мальдена – кучка взьерошенных эльфов, все, кто шёл в колдуну. Все – кроме их Короля. И стоящий впереди медноволосый адъютант ударил по серебряным струнам гитары и выкрикнул, словно выдохнул, прямо в лицо хозяину замка:

— Мальден! Я пришёл петь, как поют менеджеры Риадана!!!

И песня сорвалась с его опалённых жаром потери губ:

Я видел созвездия, плавил руду,
Рассудок и руки привыкли к труду,
И всё-таки места себе не найду:
Кому и зачем это надо?

Алхимик смотрел на меня свысока:

— Мне тоже знакома такая тоска.

Твой путь – в пустоту, и минуют века,
А ты не узнаешь отрады.

— А ты?

— Доверял золотому лучу.

Сейчас квинтэссенцию я получу,
Смотри, вот рецепты! И мне по плечу
Окажется всякое дело.

Мальден со странной какой-то надеждой взглянул на поющего эльфа, вслушиваясь в каждое произнесённое слово. А песня тем временем продолжалась:

Входи, я таить ничего не хочу. —

Алхимик зажѣг восковую свечу,
Железных опилок насыпал в мочу,
Добавил толчёного мела.

Тела саламандр тигелѣк оплели,
И музыка сфер зазвучала вдали:
«Как ярко, как жаростно месяцы шли,
Пока ты меня не оставил!
Любили в огне, танцевали в огне...»
А истина всё же была в стороне,
И череп козла на восточной стене
Насмешливо зубы оскалил.

Пока кипятился в реторте сульфид,
Я мчался сквозь воздух за роем сильфид:
Превыше привычек, превыше обид
Свой храм возводила наука.
Изящных теорий готический свод,
Витражных узоров свинцовый кроссворд...
Но как ни прекрасен органнй аккорд -
Об истине не было звука.
Алхимик огонь в очаге потушил.
...А я над собой хохотал от души:
Когда-то в деревню бежать я решил,
Я думал, что жизнь моя будет
Простой и полезной, как хлеб на столе.
Всѣ бросить – и попросту жить на земле...
Но не было золота в серой золе,
А истины – в серости буден.

Алхимик в котле кипячёной воды
Промыл опалённые комья руды.
Так горечь ошибок, прозрений следы
Смывала холодная Лета.
Металл драгоценный явился на дне,
Алхимик остался довольным вполне.
А истина всё же была в стороне,
Как будто к ней подступа нету.

...А жизнь продолжалась – как вечный вопрос,
Всѣ тот же вопрос без ответа.

И эхо переливчатым голосом пересыпало по залу осколки:

— А жизнь продолжалась, как вечный вопрос...

Всѣ тот же вопрос без ответа...

И вновь угас взор Мальдена. И тяжѣлые складки морщин легли на чело. И голос, полный боли и скорби, проскрежетал:

— Это – не ответ! Убирайтесь вон!

* * *

Не все покинули замок Мальдена. Навеки остался под аркою входа упокоившийся Король, да адъютант Короля не покинул стен Замка. Гитару его нѣс к недалёкому уже лесу черноволосый полуэльф, задумчиво пощипывающий струны небесного серебра...

* * *

— Безопасный путь отмечен красной линией, – наверно, в двадцатый раз за время путешествия сказал Энглион, разворачивая план замка.

Замок выглядел тем, чем и был на самом деле – одной большой ловушкой, напичканной сотнями маленьких. Странный вкус архитектора спроектировал его так, что на плане сеть коридоров и переходов сплеталась всё в то же изображение лица Мальдена; цель путешествия – главный зал находился на месте левого глаза. Красная линия, начинаясь от ворот замка, петляла по коридорам, спускалась в подвальный этаж, выходила обратно и обрывалась неподалёку от пустой глазницы, белым пятном выделявшейся на плане.

Джино уже помнил этот план наизусть, но всё равно внимательно смотрел и слушал, пока Энглион вѣл пальцем вдоль красной линии, объясняя по пути смысл условных значков, которыми были отмечены ловушки. Весь план был усыпан этими значками, отчего лицо колдуна казалось покрытым оспой. То ли Мальдену были присущи некоторые представления о чести, то ли он считал это забавной игрой, но новых ловушек на разведанном пути он не ставил. И на том спасибо.

— Это всё вступление, а настоящая работа начнѣтся вот здесь, – закончил Энглион, дойдя до конца красной линии. Как и Джино, он был в кольчуге, шлеме и при полном вооружении, кроме щита – щит, как и тяжѣлые доспехи, в узких коридорах только мешал бы. – Осталось разведать всего ничего, так что у нас есть верный шанс пройти к колдуну. А если нет... ну что ж, Магистры будут следить за нами и нанесут новый утенок на план.

— Лучше возвращайтесь, – тихо сказала Рийни, остающаяся в лагере присматривать за лошадьми. Она не продолжила, но продолжение было понятно и так: «...потому что как мне жить дальше, если вы не вернѣтесь?»

— Мы вернѣмся. Обязательно, – уверенно ответил Джино, взяв Рийни за плечи и заглянув ей в глаза. – Даю тебе слово. Веришь?

Рийни молча кивнула, и добавила совсем тихо:

— Я буду ждать вас. Берегите себя...

Перед входом в чёрный замок рыцарь и его оруженосец в последний раз оглянулись. Всѣ, что они увидели – это светлое небо над бескрайним зелёным лугом да дымок костра вдали. Джино показалось, что у костра стоит маленькая стройная фигурка, но наверняка сказать было нельзя – уж очень далеко...

* * *

На самом входе Энглион замер: в проходе сидел человек. Мальчик. Он склонился над лежащей на полу одеждой, напоминающей упавшего человека, и замер, словно окаменел. Не окликнулся он и на слова Джино. Рыцарь осторожно приподнял голову мальчугана – и чуть не отшатнулся: глаза его были пусты, ни единой мысли не светилось в этих зеленоватых озѣрах с расширенными зрачками. И стоило лишь убрать руку, как мальчишка вновь опустил голову, качнув копной медных волос.

Пожалуй, стоило оглядеться. И тут взор Энг-

лиона упал на тяжёлый боевой арбалет, лежащий у вытянутого вперёд рукава. Такое оружие люди Риадана ещё не делали сами, хотя и покупали его нередко у заезжих купцов Лесного Народа. Пожалуй, в битве с колдуном такая игрушка будет знатным подспорьем. А вон сбоку ещё и пара болтов валяется.

Рыцарь склонился и осторожно поднял с земли стрелки и арбалет. Последний при этом зацепился за лёгкую ажурную корону, и та тихо и мелодично звякнула о пыльные камни.

Мальчишка словно очнулся. Он вскинул голову и злобно оскалится, зарывав, словно религиозный фанатик, на глазах у которого надругались над святыней. Не говоря ни слова, он подпрыгнул и мёртвой хваткой вцепился в глотку сэра де Батарди. И никакие силы не могли оторвать его. Сэр Энглион отступил к стене, но добился лишь того, что здорово треснулся мотающейся из стороны в сторону головой о каменную кладку.

Ингвальд ринулся на помощь Старшему. Обхватив голову нападавшего с двух сторон, он постарался направить сквозь свои пальцы поток миролюбия и спокойствия, как учили его дома. Звериный оскал медленно сменился расслабленностью, но безумие в глазах не угасло, оно лишь укрылось за стеной безразличия и усталости. Медноволосый адъютант и Советник Короля вновь безучастно склонился над останками своего бездыханного Владыки.

И когда Ингвальд отпустил руки, Старший вопросительно взглянул в глаза своему оруженосцу. Но тот лишь отрицательно покачал головой:

— Безнадёжен!..

Но Энглион, кажется, понял, что именно здесь случилось прежде, чем безумие охватило эльфа. И теперь, крепко сжимая арбалет, он сказал:

— Я верну эти вещи твоего владыки. Клянусь! Вот только стрелы... Постараюсь их оставить там... В Мальдене...

* * *

Путешествие по коридорам не сохранилось в памяти одной слитной картиной – так, цепочка несвязных обрывков. Осторожно пройти мимо опасного участка, где из пола может вылететь частокोल лезвий; проползти под безобидным лучиком света – а если зацепишь, то тяжёлый каменный блок обрушится сверху; мимо тупика, в котором, скорчившись, лежит обгоревший труп в серебряной кольчуге; на перекрёстке ещё раз свериться с планом. Несколько раз Джино срысывался в открывающиеся под ногой люки, и Энглион едва успевал подхватывать его; а однажды Джино пришлось бегом спасаться от мелкого камнепада с потолка, неся на себе неподъёмное тело Энглиона, оглушённого ударом булыжника.

— А ведь если мы справимся, то об этом походе будут легенды слагать, – заметил Энглион, когда они отдыхали в тупичке перед неизвестным участком пути.

— И наверняка всё расскажут не так. Мы там будем выглядеть сказочными героями, играючи вошедшими в замок и избавившими мир от колдуна. О десятках Рыцарей, разведавших путь, упомянут парой строк, а о нашем путешествии к замку скажут только «и ехали они три дня»...

— Начал, братишка, так договаривай, – улыбнулся Энглион. – А о Рийни вообще ничего не скажут. Несмотря на все твои чувства к ней.

— А что, Старший, так заметно? – хитро прищурился Джино.

— Слепой бы заметил, а я, как-никак, зрячий... Вот выберемся, да и свадьбу справим... Ну, брось краснеть. До свадьбы ещё дожить надо, а чтобы дожить, смотреть нужно в оба. Пойдём так: я впереди, ты на два шага сзади, след в след. Устану – поменяемся.

* * *

Кони беспокойно заржали, и Рийни в тревоге обернулась. Но – всё было тихо, даже птицы не нарушали тревожный покой.

Не в силах томиться ожиданием, девушка осторожно, крадущимся шагом двинулась к такой недалёкой громаде замка.

Издали чёрный и неприступный, он оказался вблизи грязно-кирпичного цвета, весь в прозелени от увившего стены плюща и дикого винограда. Огромная подкова крепостной стены подслеповато глядела пустующими бойницами на подходящую девушку. Слева стена завершалась готической аркой, за которой темнел знакомый по карте проход. На каменных плитах двора вперемешку с мусором и прошлогодними листьями валялось ржавеющее оружие. Выщербленные от ударов о сталь двуручные мечи, кривые ятаганы тварей, тонкие клинки эльфийской работы. И среди этого разнообразия служителей смерти мастодонтом выделялся огромный тролльский топор, чуть ли не по самую рукоять вогнанный в камень стены и выкрошивший целый холмик обломков.

Рийни склонилась над боевой сталью. Двуручник оказался тяжёл не только на вид. Поднять его ещё можно было, собрав все силы, но размахивать им?.. Ну уж...

Откуда-то из глубины памяти всплыло: «Если вы не умеете пользоваться двуручником, то просто поднимите его над головой, а затем роняйте на противника режущей кромкой! Остальное он делает сам!..»

Меч звякнул по железу, перерубив ятаган, половинки которого брызнули в разные стороны. Что-то зашевелилось в кустах.

Вздрыгнула, но когда утих первый страх, то лишь улыбнулась: обломок ятагана на лету зацепил торчащую из земли тонкую рапиру.

Рийни осторожно подошла к клинку и сомкнула пальцы на рукояти. Клинок легко выскользнул из земли, удобно улёгся в руке, словно был подогнан под тонкую девичью кисть. Взмах, другой, третий. Тонкий стон стали, рассекающей упрямый воздух, что-то смутно напоминал. Что-то давно и прочно забытое, что никак не могло выбраться из подсознания, достучаться до своей владелицы.

И словно отзвуком на песню клинка со стены сорвалось дикое переплетение лоз. И в правом торце стены, похожей на карте на воротник в портрете колдуна, появилась вторая арка. Неизвестный проход. Что там? Короткий путь или новые ловушки? Осторожно, каждую секунду ожидая подвоха, Рийни двинулась к новому входу. Пройти! Защитить! Защитить Сандро от Мальдена! От безумного колдовства!

Вспомнился старый сон, раз за разом повторяющийся каждое новолуние: она бежит по коридору, а навстречу ей по древним стенам летит, плывёт, ползёт колдовское сияние. Коридор со ступеньками, он всё выше и выше, идти всё трудней, что-то давит, отбрасывает назад. Сил всё меньше. И вот уже падает со звоном на серые ступени рапира, руки, словно крылья, метнулись в стороны – и боль. Боль от молний, пронзивших всё тело. А затем – вспышка – и забытьё, от которого в ужасе подскакивешь в постели, не сразу осознавая, что это всего только сон...

Уж не пророчеством ли являлись ночные видения?..

Из боковой пристройки навстречу девушке метнулся низкорослый воин с боевым палахом. И не успела Рийни испугаться, как рука её сама метнулась вверх, парируя удар, а затем хитрым финтом отвела оружие противника и со всей силы рубанула атакующего. Рапира – оружие колющее, боковые грани его, как правило, не заточены, но тут вдруг тонкая сталь рассекла неизвестного воина пополам. Разваливаясь, он рухнул на землю, но, не долетев до серых плит, истаял, развеялся в пустоте.

Видимо, не зря защищается этот проход...

Арка нависала уже над самой головой, когда из тьмы прохода за нею материализовался новый воин, вертящий со свистом два острых сверкающих ятагана. Молнией метнулась в сторону Рийни, и сознание девушки запоздало успело вновь удивиться, что тело в минуты опасности живёт словно своей жизнью, своими инстинктивными действиями вновь спасая жизнь, а рапира тем временем уже проткнула горло атакующего. Тот, хрипя, уронил ятаганы и рухнул на неровные камни прохода. И – словно разлился, впитавшись между камней. Даже его ятаганы заструились сверкающими ручейками, просачиваясь в мельчайшие щели.

Коридор почти не освещался, но появившийся впереди гoblin с огромной шипастой булавой вырисовался очень ясно. Свирепо рыча и немилосердно воняя, он раскрутил своё орудие над головой и танком ринулся на вторгшуюся в его владение девицу. С треском он зацепил булавой стену, и та взорвалась фейерверком каменной пыли и искр. Рийни уклонилась в сторону, резко отпрыгнула, изготовившись к контра-таке и ожидая, когда булава пойдёт на следующий круг. Но и гoblin оказался проворным: уклонившись от прямого выпада, он снова ринулся на чужанку. Понятия рыцарства вряд ли были знакомы этому монстру, поэтому он только обрадованно взвыл, когда Рийни оступилась, и с треском обрушил тяжёлую булаву на её незащищённую голову.

Всё замерло в предсмертной судороге. Долгое-долгое мгновение Рийни ожидала вспышки неистовой боли. Но – ни звука не вторгалось извне. «Я уже мертва?» – подумалось ей. Осторожно подняв левую руку, она коснулась своей головы. На удивление, та оказалась целой и невредимой. Цел был и сжатый мёртвой хваткой клинок в правой руке. «Мёртвая хватка бьёт лишь у живых», – некстати вспомнила Рийни и, чуть улыбнувшись, открыла глаза. Всё тот же затемнённый коридор. Тот же пакостный выщербленный пол. Болит ушибленная в падении нога. И – никаких следов гоблина. Даже стена, по которой пришёлся удар булавой, снова цела. «Это мираж! Колдовское наваждение! Иллюзия!» – сознание Рийни начало проясняться, и тут в нём всплыла какая-то чужая, словно из иной жизни, фраза: «Вы даже не знаете, что такое хорошо наведённая галлюцинация!»

Откуда эти воспоминания? И тогда, посреди боя, она словно слышала голос отца:

— Оружие держи прямо, атакуй сухими резкими движениями – и сразу в основную стойку! Будь внимательна, Герда! А теперь – третья защита...

Отца?! Но отец её – фермер, сам ни разу не державший в руках иного оружия, нежели вилы или цеп для обмолота зерна. Да и зовут её Рийни! Рийни, а не Герда!..

Сознание не успело погрязнуть в самоанализе, как навстречу рванулись трое. Их шпаги отнюдь не казались иллюзией. И тогда до Рийни дошёл этот дьявольский план: сперва напустить призраков, а затем, когда идущий уверует, что он в полной безопасности, выпустить против него настоящих гвардейцев! Не мешкая ни секунды, девушка перешла в атаку. Крутя веерную защиту, абсолютно безопасную, но действующую на психику противника, она ринулась на троицу... и проскочила сквозь них! Обернувшись, она успела увидеть, как тают в воздухе силуэты.

Следующие двести метров дались с трудом. Пришлось прорываться через латников. И хотя на проверку они оказались не прочнее своих предшественников – нервы они попортили изрядно.

Вслед за ними из бокового ответвления просунулась оскаленная пасть дракона. Чудище сосило на девушку огромный лиловый глаз и смачно плюнуло пламенем. Любой простой человек кинулся бы наутёк от подобного монстра, но тут у Рийни сработал фермерский рефлекс: пригнувшись, она проскочила под опаляющим пламенем и со всей силой вцепилась дракону в короткий отросток под рыжеватой бородкой. Если сильно ухватиться там – самый свирепый дракон становится послушным и кротким, словно котёнок. А имея спутником подобное чудище, можно не боясь продвигаться вперёд.

Рука проскочила сквозь отросток тающего уже дракона, и он исчез. Рийни повернулась к проходу, охраняемому «драконом», справедливо полагая, что там и есть нужный путь, но проход исчез вместе с драконом, и рука нащупала только холодный влажный камень.

Монстры, вояки, гвардейцы... Иллюзии начали совсем уж надоедать, когда вместо них на-

встречу Рийни шагнул старичок с длиннющим, выше себя, посохом и буднично так произнёс:

— Брысь отсюда! А то испепелю. — Он пожевал губами и задумчиво добавил: — Или в жабу обращаю. Тебе что больше нравится?

Так хотелось верить, что престарелый волшебник тоже только мираж. И Рийни уже почти поверила в это, когда старичок громко и отчётливо пукнул.

Звук и последовавший за ним запах убедили девушку в реальности происходящего. А, собственно, чего она ждала? Вот он, волшебник. Колдун. Мальден. Цель её путешествия. Не дав колдуну опустить его магический посох, Рийни прыгнула, выставив вперёд остриё рапиры и целясь им прямо в сердце злодея. И — пролетела сквозь мираж колдуна прямо в зал. Замерев на входе, она уставилась на восседающего на троне Мальдена, с ужасом понимая, что не сможет больше сделать вперёд ни шагу. Потому что — она была уверена в этом — стоит ей только шагнуть к колдуну, как тот окажется очередным призраком, а за ним будет ещё и ещё... Дорога Иллюзий...

* * *

Последний участок пути оказался на диво спокойным. Несколько простых ловушек были замечены вовремя, а хитро спрятанных не было вовсе, но Эглион, резонно ожидавший подвоха, не расслаблялся сам и Джино не давал. Главный зал обнаружился неожиданно — просто за очередным поворотом стены раздались в стороны, а потолок взмыл вверх. Эглион осторожно повёл перед собой мечом — здесь, на входе, было самое подходящее место для пакостной ловушки — и, ничего не обнаружив, шагнул вперёд...

...и рухнул на колени. Тяжесть навалилась такая, что он не сразу понял — это не потолок обрушился на него, а всё то же проклятие Мальдена, но насколько оно было сильнее здесь, чем за стенами замка! Мир потемнел перед его глазами, бесполезный мир, и он сам — бесполезный человечико, одинокий, никому не нужный... Зачем куда-то идти, что-то делать, ради чего-то стараться? «Хоть ты-то принёс ответ?» — эхом раскатился по залу голос колдуна, и тоска Эглиона была лишь отражением прозвучавшей в нём тоски. Так значит Мальден сам страдает от своего проклятия? Так значит его слова о том, что он ожидает ответа, не были жестокой насмешкой? Но у рыцаря не было ответа, даже на это он не был годе... Эглион ничком упал на пол. О-о-о, как тяжела эта бессмысленная жизнь; что толку в ней... Достать кинжал, и...

Эта мысль остановилась в его сознании. Он гнал её прочь, но она возвращалась. Потом к ней присоединилось смутное воспоминание... что-то он должен был сделать, зачем-то пришёл сюда... Ещё долго Эглион лежал бы на полу, путаясь в своём сознании, но сработал один из боевых рефлексов — одна рука, выпустив рукоять меча, потянула из-за спины эльфийский ар-

балет, другая нащупала рычаг... Взвести, послать стрелу в грудь... а там будь что будет. Почти ничего не видя, Эглион полз туда, откуда доносились голоса... голоса? Мальден здесь не один? Одним рывком Эглион высунулся из-за колонны — какая-то часть сознания настойчиво повторяла ему, что он действует слишком рискованно, но это не имело значения, ничего не имело значения — и увидел их.

Мальден, точно такой, как его описывали, сидел на массивном чёрном троне, высеченном из одного куска камня. Волны тоски и отчаяния расходились от него по залу, и зрение Эглиона опять помутилось... но он увидел — перед чёрным тронном стоит Джино, опираясь на длинный меч в ножнах, как на посох, сгибаясь под той же тяжестью, что придавила к полу Эглиона — но стоит! И даже ведёт беседу с Мальденом! Правильно, братишка, держись, отвлеки его, я сейчас... Эглиону казалось, что он шепчет, но на самом деле он лишь беззвучно шевелил губами, пытаясь наощупь наложить короткую тяжёлую стрелу с серебряным наконечником, и никак не попадая в желобок.

Он слышал голоса, но не вникал в смысл слов... какие-то обрывки доходили до сознания, но они не имели значения... всё было неважно... только наложить стрелу да поднять арбалет для выстрела...

— ...это не ответ.

— Ответ. Только не тот, которого ты ждал.

— Почему ты так уверен в этом?..

Только поднять арбалет да прицелиться...

— ...только не говори, что тебя этому не учили.

— Учили. Но что толку с того?

— Толк есть. Если бы ты понял это, Риадан не лежал бы в руинах...

Только прицелиться да положить палец на крючок...

— И ты так ждал ответа, что возжелал истребить входящих...

— Ловушки Дороги Ловушек включаются лишь на оружие, это — разумная мера безопасности. Да и никто не звал вас на этот путь. Есть ещё Дорога Иллюзий...

Кто-то мелькнул за спиной Мальдена, и Джино с новой силой вскинул голову.

— ...Эльфы не принесли ответа, только душу разбередили своими песнями.

— И всё же никогда не поздно...

Только прицелиться...

— ...поздно. Для меня слишком поздно.

— Ещё нет. Ты неопытен, но опыт придёт...

О чём они говорят? Неважно... только положить палец да плавно нажать...

— ...тебе снился страшный сон. Пора просыпаться. Проснись, Мальден...

Лицо восседавшего на троне колдуна вдруг дрогнуло, на мгновение потеряло очертания, и вновь обрело стабильность, помолодев мигом лет на двадцать. Эглион так и не понял, привиделось это ему или нет, потому что в следующий момент Мальден просиял, словно сквозь черноту его одежды прорвался рассветный лучик — и исчез.

И тут же давящая сила, не дававшая даже приподнять арбалет, мгновенно исчезла. Рывком взметнулось оружие, щёлкнул затвор, звонко свистнула тетива. Тяжёлая стрела вспорола воздух и с хрустом вонзилась в спинку опустевшего чёрного трона. По камню разбежались трещины.

* * *

Герда – или Рийни? – возвращалась к на удивление не погасшему ещё костру на поляне, а в памяти переплетались в странный узор слова, услышанные в зале Замка Мальдена. Спор Джино с Мальденом, понятный лишь наполовину, вдруг превратился в мозгу девушки в песню, и она улыбнулась её ясности, повторяя вновь и вновь, чтобы не забыть и спеть её затем людям. Не только Джино и Энглиону, и даже не столько им, сколько тем, кто по-прежнему ищет ответ. Ведь разве не для этого бродят по свету менестрели?..

— Рубите канаты! Поднять паруса!
Швырните ненужное за борт!
Подземным огнём сожжены небеса,
И звёзды упали на запад.

Четыре скитальца взошли на корабль,
Пригнулись подводные скалы,
И море, шершавое, словно кора,
На время штормить перестало.
Им ведомы были законы стихий,
Понятны людские секреты,
Они о прекрасном писали стихи -
Прекраснее, чем самоцветы.

Не видя, что крысы на берег бегут,
Не веря в плохие приметы,
На запад они направленья берут —
За тайнами Нового Света.

Но шторм раскидал их на клочьях снастей
И бросил на берег, играя.
Напрасно они дожидались вестей -
Им выпала участь иная.

Один себе новую жизнь сочинил,
Предстал в ореоле геройском,
Чужому закону себя подчинил -
И вскоре командовал войском.
Он выстроил крепость на чёрной скале
В краю вековых морозов;
Не смели при нём подниматься с колен
Вожди сопредельных народов.
Он в зеркале видел звериный оскал,
Но только смеялся надменно.
Он больше прекрасных стихов не писал -
Он стал властелином ВСЕЛЕННОЙ.

Другой, презирая пути большинства,
Искал в неизвестном дорогу.
Бестрепетно встретил он взгляд божества
И сам одобрился богу.
Невидящий взгляд устремив к небесам,
Застыл он скульптурой нетленной.
Он больше прекрасных стихов не писал -
Он стал ВЛАСТЕЛИНОМ вселенной.

Любовь, как известно, творит чудеса.
И, чтобы не видели люди,
Отправился третий в седые леса
В обнимку с девчонкой и лютней.
Ходил на охоту и брёвна тесал,
И падал пред ней на колена...
Он больше прекрасных стихов не писал -
Он СТАЛ властелином вселенной.

Четвёртый успел разобраться во лжи.
О нём говорили в селеньях:
«Он жил, как безумец. Он умер, как жил».
...Он стал властелином вселенной.

* * *

Назад выбираться было гораздо легче. В скрытых нишах обнаруживались выключатели, а некоторые ловушки просто беспрепятственно выпускали уходящих. Рыцарь и его оруженосец приближались к выходу из замка.

— Так о чём ты с ним говорил, Джино? Я слышал несколько фраз, но ничего не понял. Ты уже знал его?

— И да, и нет, Старший.

— То есть?..

— Мальден пришёл из моего мира. Но лично я его не знал, и ничего о нём не слышал.

— Однако отчитал его, как мальчишку... Его, чуть было не погубившего весь Риадан!

— А он и вправду младше меня, хотя по виду не скажешь. Хотел бы я знать, кто его воспитывал и как... Понимаешь, Старший, мы медленно взрослеем. Нас долго и тщательно учат пользоваться нашей силой. Но, бывает, серьёзные испытания приходят раньше срока, и не все их выдерживают.

— Я почувствовал – ему было очень худо.

— Да. Такое случается иногда – оказаться в пустоте, без близких друзей, без интересного дела... без смысла в жизни. Так случилось и с Мальденом. Несколько месяцев он искал выход. А когда не нашёл — не стал просить помощи, а погрузился в отчаяние, граничащее с безумием, и ушёл из дома. И, на беду, пришёл в Риадан.

— Всего лишь затянувшаяся депрессия... и он чуть не уничтожил целый мир!

— А мог бы и совсем уничтожить. И не один этот мир. Но теперь всё позади. Я убедил его вернуться. Он силён, просто слишком рано сдался. Болезни роста, Старший.

— Не слишком ли высока цена излечения?

— Нужно только не запускать болезнь. Для этого ведь и существует Круг, не так ли?

В тишине вышли они на зелёный луг. Солнце заходило за горизонт, и полоска дыма от костра впереди выделялась розовым цветом на глубоком синем небе, где уже выступили первые звёзды.

— А вообще-то, Старший, я чуть было не погиб, столкнувшись с его волей. Чувству собственной бесполезности нелегко противостоять.

— Но ты выстоял.

— Потому что у меня было, что противопос-

тавить ему. Я ведь обещал Рийни, что вернусь... и она обещала ждать. – Джино чуть замаялся.

— Ты что-то недоговариваешь...

— Мне показалось, что она возникла там, за спиной Мальдена. И это добавило мне новых сил в споре...

— Так спроси её.

— И ты думаешь, что в ответ я услышу что-нибудь, кроме: «Я была у костра весь этот день!»...

— Пожалуй, ты прав...

* * *

По чёрному залу замка Мальдена шёл человек. Никто и никогда не видел его раньше на Риадане. Человек осторожно оглядывался по сторонам, шаги его едва слышным шёпотом

разносились вокруг.

Подойдя вплотную к массивному каменному трону, он медленно, словно сомнамбула, протянул вперёд руку и опустил тонкие, дрожащие от волнения пальцы на маленький, в пол-ладони размером, медальон из чёрного металла, лежащий на троне. Рывком пальцы сомкнулись. Звякнула грубая серебряная цепочка, вросшая в медальон. Рука резко подняла древний талисман на уровень глаз. А на среднем пальце руки блеснул знак ещё более древних эпох: широкое кольцо в виде клыкастого черепа, проткнутого сверху вниз чёрным мечом, опоясывало палец. Символ Древнего Мрака спал на руке, сжимавшей частицу Лестницы Демиургов.

Над Риаданом догорал очередной день.

Сгущалась тьма...

© В тексте использованы песни Антона Эррандала, Владимира Талалаева, Юлии Лунг и Элмера Ричарда Транка.

На этом и завершается Книга Первая новейшей истории Рокласа, именуемого у нас – Риадан.

Книга Вторая расскажет Вам о тех временах, когда старшее поколение землян переселится на Риадан в поисках тишины и спокойствия, а правовые и прочие вопросы перепоручат решать компьютеру, и о том, как Принц лишится своей власти, и Шут вновь придёт на помощь.

Третья Книга повествует о времени возвратившихся Владык и Создателей Риадана, едва не завершившемся Рагнарёком.

Книга Четвёртая поведает Вам о том, как высвободился из миллиардолетнего заточения народ Южных, и как поиски неугомонной ребятни привели их к Чёрному Солнцу.

Ведущий рубрики Сергей КАЗАНЦЕВ

Евгений ХАРИТОНОВ

БУДУЩЕГО НЕТ!

(Еще о вариантах «запланированного» будущего)

В 90-е годы вернулась мода на романы о Будущем. Развал СССР сыграл в этом процессе далеко не последнюю роль. И не только в нашей литературе.

В 1994 году в России был издан двухтомный роман «Война 2020 года» некоего Ральфа Питерса. Если в двух словах, то это книга о политике, войне и сексуальных проблемах цивилизации, оказавшейся на краю тотальной гибели.

Роман Ральфа Питерса (имени этого автора я не обнаружил ни в одной из существующих энциклопедий НФ) продолжает, по существу, давнюю традицию американской НФ — моделирование последовательной, хронологически выверенной Истории Будущего. Автор предпринял попытку проэкстраполировать политико-экономическую эволюцию человечества от наших дней и до 2020 года.

Ничего хорошего Питерс нам не сулит. Человечество планомерно продолжает самоуничтожаться, практикуясь во всепланетном хаосе. Сначала очередная ядерная война, стершая с лица Земли целое государство — Израиль; затем новая напасть — неведомая страшная болезнь, обескровившая население планеты. И снова человечество втянуто в беспощадную мировую войну. На этот раз основную партию на шахматной доске Земли разыгрывают два могучих претендента на мировое господство —

США и Япония. И как в старые «добрые» времена, лучшими аргументами в споре политических гегемонов остаются оружие и кровь врага. Правда, ритуал жертвоприношения чаще совершается за счет государств-пешек. Все по законам шахматной игры: нападение — защита, нападение — защита.

Роль одной из пешек, кстати, автор отводит Советскому Союзу (чем и привлек нас этот роман), разваливающемуся на как бы суверенные части, пораженному эпидемией чумы, отчаянно обороняющемуся от нашествия азиатских орд некогда братских республик, а теперь объединившихся с Японией (японо-исламская ось). «Развивающиеся — а точнее, безнадежно неразвитые — страны «третьего мира» поддерживали право среднеазиатских республик на независимость, мстя обанкротившемуся Советскому Союзу за то, что он давно уже перестал снабжать их товарами и оружием».

История повторяется: в который раз Россия осталась одна перед лицом опасности, ведь даже восточноевропейские страны, «давно порвавшие связи с Россией, с удовольствием и даже злорадством наблюдали за наступившим некогда могуществом русских возмездием».

Похоже, Р. Питерс решил блеснуть перед читателем своими познаниями в истории и реалиях России: более половины романа посвящена

нашей стране, да и в ряду наиболее удачных, ярко выписанных характеров — русские: девушка Валентина, тщетно пытающаяся обрести простое человеческое счастье (правда, чаще путем реализации своего либидо как с нашими парнями, так и с американскими), командир танковой бригады Бабрышкин, осознающий бессмысленность гражданской бойни, но с отчаянием обреченного продолжающий исполнять свой последний долг перед машиной Государства...

Земля превратилась в мясорубку, и даже финальное объединение США и России для решительного сражения против нашествия с Востока — оптимизма не придает. Синдром «Футурошока» непоколебим. У нас с вами, друзья, будущего нет. Как ни пытался автор спрятать эту мысль за пафосом братания русских и американцев, плавного переходящего в интернациональный секс (в прямом и переносном смысле), она остается главной в романе.

Ральф Питерс боится придуманного им (или срисованного с реальности?) Будущего. Говорят, вместе бояться веселее. Давайте бояться вместе! Пока не наступит утро...

Если когда-нибудь появятся романы о Будущем, в котором хотелось бы жить, значит утро не за горами. Но на рубеже веков таких романов не бывает.

Евгений ГАРКУШЕВ

ДРЕВНИЕ И НОВЫЕ ПРЕДАНИЯ ОБ АВАЛОНЕ

Прежде всего стоит заметить, что в разных источниках дивное место, называемое Авалоном, выступает в роли разных географических объектов: острова, долины, города. Но в первую очередь господствует все-таки представление об Авалоне как об острове. В кельтской мифологии этот «остров блаженных» помещается где-то в западных землях, что для Англии и Ирландии до открытия Америки звучало как «в недостижимой дали», потому что дальше на запад от Ирландии известных земель не было.

Слово «Авалон» может происходить от ирландского «abal» или валлийского «afal», что значит «яблоко». А яблоки, как символ бессмертия, встречаются во многих мифологиях. Вспомним, например, молодильные яблоки в русских народных сказках.

Из всех старых преданий об Авалоне читателю, несомненно, наиболее известна легенда о том, как смертельно раненого короля Артура его сестра, Фея Моргана, перенесла на чудесный остров, чтобы он мог излечиться от ран. Случилось это после того, как сэр Бедивер по просьбе Артура бросил легендарный волшебный меч короля Экскалибур в озеро, что вызвало появление многих прекрасных дам в барке, приплывших за умирающим королем.

Сам Артур, в трактовке Мэлори, отплывая в неведомые края, сказал Бедиверу следующие слова: «Не убивайся понапрасну и позаботься о себе сам, ибо на меня теперь тебе не в чем полагаться и надеяться. Я должен поспешать в долину Авалона, дабы залечить там мою жестокую рану. И если ты никогда более обо мне не услышишь, то молись за мою душу!»

Далее у Мэлори говорится, что Бедивер нашел могилу короля у отшельника, бывшего прежде епископом Кентерберийским. Но чуть позже Мэлори приводит еще одну обнадеживающую версию:

«Однако многие люди во всех краях земли Английской полагают, что король Артур не умер, но был по воле Господа нашего Иисуса перенесен отсюда в другие места; и говорят, что он еще вернется и завоеует Святой Крест. Я, однако, не стану так утверждать и скажу: в этом мире он расстался с жизнью. Но многие рассказывают, будто на его могиле написано так: «*Nic jacet Arthurus rex quon dam gehque futurus*», «Здесь лежит Артур, король былого и грядущего».

Согласно старым английским преданиям, когда-нибудь король Артур возвратится и станет править своей страной, и тогда в ней наступит мир и благоденствие. Пока же он покоится в Хрустальном чер-

тоге на вершине горы, что на острове Авалон.

Мифологический сюжет Авалона был использован и более близкими нам по времени авторами. Довольно подробно рассказал об Одинокое Острове и гавани Аваллонэ Д.Р.П. Толкиен в своей «сумме мифологий» — «Сильмариллионе».

Когда тэлери, третьи из великих племен эльфов, после ваниаров и нолдоров отправились через море в Валинор, Оссэ остановил остров, на котором везли эльфов, неподалеку от Амана, Блаженной Земли, по просьбе самих тэлери, не желавших расставаться с морем. Так появился Тол Эрессэа, Одинокий Остров, и на нем поселение эльфов, Лебязья Гавань, Альквалондэ, или Аваллонэ. Вообще говоря, тождественность названий спорна, так как об Альквалондэ как гавани тэлери говорится в «Айдулиндалэ», и слово «Аваллонэ» там не употребляется. Зато в «Акаллабет» для гавани тэлери есть только название «Аваллонэ». Скорее всего, мы имеем дело с названиями на языках нолдоров и нуменорцев, соответственно. Земля Одинокое Острова и Аваллонэ не была в полной мере Благословенной, так как появилась после других земель Валинора, но Тол Эрессэа не принадлежит к Средиземью, а обитатели его видели свет Древ Валинора, который касался Одинокое Острова, падая в море через Калакирию, ущелье в горах Амана.

Тэлери, живущие в Аваллонэ, «разрывались между любовью к музыке волн и желанием увидеть своих родичей и узреть величие Валинора; и в конце концов жажда света победила. Поэтому Оссэ обучил их искусству кораблестроения, и когда корабли были построены, Оссэ принес им, как прощальный дар, множество лебедей. Те лебеди повлекли белые корабли тэлери через волнистое море — и так, последними пришли они в Аман, к берегам Эльдамара».

У Толкиена Аваллонэ имеет предвечный характер. Это — самая близкая людям часть Бессмертных Земель. Говорили, что маяк Аваллонэ можно было уви-

деть с Мэнэлтармы, поднебесной Колонны Нуменора, или с самой высокой мачты корабля, отплывшего от Нуменора на запад на дозволенное расстояние.

А после падения Нуменора дундандцы говорили: «Аваллонэ исчез с лица Земли, и Амана более нет, и во мраке нынешнего мира их не сыскать. Но они были и есть в истинном бгтии и в том облике мира, каким он был изначально задуман».

«Акаллабет», или «Падение Нуменора» заканчивается так: «И рассказывали на побережье предания о мореходах, сплывших в пучине, что по милости судьбы или благословию валаров взошли на Прямой Путь и узрели, как под ними умалется лик Земли, и пришли к озерным огнями пристаням Аваллонэ, а быть может, и к последним отмелям на краю Амана и, прежде чем умереть, узрели Белую Гору, дивную и грозную». Так у Толкиена Аваллонэ переходит из быденного мира в мир трансцендентный.

Есть город Авалон и у Роджера Желязного в его «Хрониках Амбера». Это самый любимый, после Амбера, город принца Корвина, взлеянный им и разрушенный его врагами за столетия до описываемых в «Хрониках» событий. Словами барда Корвин говорит о нем:

«На берегу реки благословенной сидели мы и, вспомнив Авалон, заплакали. В руках остались сломанные шпаги, щиты развесили мы по деревьям. Разрушены серебряные башни, утоплены в потоках крови. Так сколько миль до Авалона? И все, и ни одной».

У Желязного Авалон тоже легендарен. Правда, в эгоцентрическом мире Корвина бессмертный Авалон разрушают, но принц Амбера может найти его отражение вновь. И среди других отражений Авалон все же выделяется: ведь именно отсюда был вывезен порох, который мог гореть в Амбере, что решило судьбу Бессмертного Города.

Многие произведения в жанре «фэнтези» упоминают чудесный остров, и, если автор хорошо знаком с предметом, Авалон оказывается в потустороннем мире или на его грани. Ведь в исторических хрониках остров не описан, простые люди там никогда не бывали. Только в монастырских легендах XII века местоположение острова связывалось с Гластонберийским монастырем в Англии, где якобы была обнаружена могила короля Артура. Но все-таки гораздо приятнее думать, что король Артур все же ждет своего часа на «Острове Яблок», и что есть «Прямой Путь», пусть и закрытый для людей, в гавань Аваллонэ. Что бы ни думали по этому поводу скептики.

Рубрику ведет Алексей КРАПИВИН

Скажите нам, пожалуйста...

(Разговор с читателями)

Встреча в районной библиотеке на Уралмаше. Серьезная семиклассница (пошептавшись с подругой):

— **Владислав Петрович, не могли бы вы объяснить, каким образом рождаются литературные сюжеты?**

— Я постараюсь, хотя объяснять это не просто. Дело в том, что каждый раз это случается по-разному...

В шестьдесят третьем году я был в гостях у ребят пионерского лагеря «Искорка». Жил там несколько дней, катался с мальчишками и девочками на лодке, ходил в поход, сидел у вечерних костров. И, конечно, «наблюдал жизнь». Не специально, а по привычке. И видел все эти дни, как за мальчиком-шестиклассником ходит пятам робкий пацаненок лет семи — очень мечтает подружиться с большим мальчишкой. Не знаю уж, чем этот шестиклассник Вовка притягивал к себе малыша... Сначала отношения у них не клеились, но перед самым своим отъездом я вдруг увидел, как эти двое идут рядышком, старший по-дружески обнимает маленького за плечо, что-то рассказывает ему, а малыш смеется, как совершенно счастливый человек...

Так появилась мысль о повести «Оруженосец Кашка». И очень многое из того, что я видел в «Искорке» вошло в нее. Видимо, неплохой получился сюжет, раз повесть переиздают до сих пор, уже больше тридцати лет и перевели на несколько иностранных языков...

А вот другой пример. Однажды приснился мне удивительный, космический сон. Будто я один в звездолете. В общем-то само это обстоятельство не казалось мне во сне странным, хотя был я в тысячах парсеков не только от Земли, но и от всех обитаемых и необитаемых миров. Поразило другое: вдруг в рубке появился мальчишка лет десяти — совершенно земной, очень похожий на приятелей моего детства... Этот сон и стал толчком для работы над трилогией «Го-

лубятня на желтой поляне». Первый эпизод притягивал к себе потом разные случаи — и те, которые я наблюдал в жизни, и те, которые придумывал...

Вообще же можно сказать так: сюжет складывается из первоначального эпизода, многих наблюдений и фантазии автора...

В той же библиотеке. Следующий вопрос (от быстроглазого, непоседливого пятиклассника, которого девочки называют почему-то Бубликом):

— **А у вас есть книжки про животных?**

— Одна из первых моих повестей называется «Белый щенок ищет хозяина». Речь там идет о приключениях щенка-лайки, который отстал от хозяина-охотника и нашел друзей среди ребят городской окраины... Больше я не делал животных главными героями своих книг. Но все же писал о них немало. О козе Липе, которая разогнала компанию вредных мальчишек; о петухе Кригере, умеющем путешествовать в космосе; о замечательном псе Султানে, возившем на лыжах своего хозяина Толика; о большущем морском крабе, который подарил ребятам волшебную жемчужину; о коте по имени Кыс — он был верным другом мальчика Петьки Викулова из романа «Кораблики»...

— **А у вас дома есть какие-нибудь звери?**

— Есть два кота: Макс и Тяпа. Макс — пожилой, добрый, очень любит сидеть у меня на руках. А Тяпа — хулиган и проныра, везде сует свой нос. О них я тоже писал в своих повестях.

Севастополь, встреча с ребятами местного КЛФ. Строгая, молчаливая в течение всей встречи девушка «под завязку» задает вопрос:

— **Вы столько написали про разные далекие миры, про параллельные пространства. А вы верите, что они существуют на самом деле:**

— Да, верю. На сто процентов.

Кратокрафан

К

Кап. Юное существо-капелька, житель далекой планеты Ллиму-зины. Попав на Землю, Кап с помощью друзей на время превращается в мальчика (см. *Антошка*). (*Серебристое дерево с поющим котом*).

Капельки. Разумные обитатели планеты Ллиму-зины, имеющие форму крошечных жидких прозрачных шариков. Создали высокоразвитую цивилизацию. (*Серебристое дерево с поющим котом*).

Кимыч (Илья Кимович). *Корректор, помощник Гурского.* (*Лето кончится не скоро*).

Клоун. Злобное создание, одно из воплощений *манекенов*. Пыталось овладеть волшебной искоркой, которую хранил у себя *Гелька Травишкин*. (*Голубятня на желтой поляне*).

Койво. Люди (чаще всего дети), обладающие аномальными, необъяснимыми с точки зрения современной науки свойствами (умение проникать в параллельные пространства, создавать сильнейшие энергетические поля, мгновенно перемещаться на дальние расстояния, зажигать предметы своим тепловым излучением и т. п.). Часто случается, что эти свойства не доставляют их обладателям радостей, а наоборот, делают их жертвами современного общества с его жестокостью, прагматизмом и предрассудками. Особенно это касается детей. Поэтому среди некоторых жителей Земли возникло движение к о м а н д о р с т в а, призванное защитить юных койво от попыток уничтожить их или использовать для зла. (*Цикл «В глубине Великого Кристалла» и др.*).

Козимода. Говорящая коза, живущая в поселке Утятино, пригороде промышленного центра Белорыбинска. Свои способности никогда не афишировала и использовала их только для добрых дел. (*«Я больше не буду» или Пистолет капитана Сундуккера*).

Кони, знающие дорогу между Марсом и Землей. Лошади из марсианских табунов, обладающие умением сокращать в пути пространство и время. С их помощью мальчик Фаддейка Сеткин оказывается то на одной, то на другой из этих планет. (*Оранжевый портрет с крапинками*).

Конус. Могучий искусственный разум, головная часть межпространственного корабля «Игла». (*Помоги мне в пути*).

Корабельные гномы. Вид гномов, в прежние времена обитавших во трюмах многих парусных судов. Выполняли примерно ту же роль, что домовые в сухопутных жилых постройках. По мере того, как парусный флот уступал свою роль флоту с механическими двигателями, вид «корабельные гномы» значительно сократился. Многие его представители мигрировали на сушу и адаптировались к земным условиям, а некоторые приспособились к жизни на моторных судах или продолжают обитать на сохранившихся парусниках. В связи с вновь растущим интересом к строительству парусных судов появилась надежда на рост популяции корабельных гномов. Подробнее на эту тему см. в статье «История корабельных гномов — легенды и действительность» автора А.А. (журнал «Морская жизнь», № 4, 1974 г., изд-во «Наша природа», г. Ветрогорск). (*Возвращение клипера «Креchet»*).

Корова глиняная. Существо с внешностью пестро раскрашенной коровы, но величиной с кошку. Сделана первоклассником *Лешей* для колдовства. (*«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота*).

В оформлении словаря использованы иллюстрации и эскизы художников Е. Стерлиговой, Е. Медведева, Е. Пинаева и рисунки автора.

Корректоры. Представители внеземной цивилизации, пытавшиеся «откорректировать» развитие человеческого общества (см. *Гурский* и *Кимыч*). (*Лето кончится не скоро*).

Кот черный, говорящий. Мечтал обзавестись сапогами, чтобы стать Котом в сапогах и таким образом найти своего маркиза Карабаса, друга на всю жизнь. (*Летчик для Особых Поручений*).

Краб. Разумный морской житель, подаривший ребятам капельку вечного жемчуга. (*Вечный жемчуг, трилогия «В ночь большого прилива»*).

Краб маленький. Крабий детеныш, предпринявший далекое и опасное путешествие вместе со сказочным месяцем, который в течение суток совершал свой путь по небу и морским глубинам. После возвращения был подвергнут воспитательным мерам со стороны пожилого папы. (*Взрыв Генерального штаба*).

Красные шапочки. Сказочные персонажи, которых наблюдал мальчик Алешка во время полета на аэроплане «ОСА» над заповедным лесом. (*Летчик для Особых Поручений*).

Красный шар. Разумная звезда. Один из примемных родственников и воспитателей *Белого шарика* (см. *Шары*). (*Белый шарик матроса Вильсона*).

Кригер. Петух, одно время живший в обсерватории Сфера. Умел преодолевать межпространственные барьеры и путешествовать по разным мирам Великого Кристалла. Друг третьеклассника Филиппа Кукушкина (см. *Филя*).

Отличался неровным характером. (*Крик петуха, цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

Крокопудра. Вредное, но не лишенное юмора чудовище, житель придуманной ребятами страны Антарктиды. (*Летчик для особых поручений*).

Кузя. Дрессированный желтый кузнечик обычных размеров, вылупившийся из теннисного шарика. (*Дырчатая Луна*).

Куркурузо, дон (Гран-Палтус дон Куркурузо, он же Авдей Казимирович Белуга). Главный маг королевства Астралии. В силу некоторых сказочных обстоятельств остался за пределами своей страны, которая оказалась отрезанной от остального мира. Вместе с Лёшей Пеночкиным приложил немало усилий, чтобы разблокировать королевство, и в конце концов добился своего. (**«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота**).

Кукунда, Джон, эсквайр. Он же профессор *Башкампудри*, он же *угу*, он же Иеккокнан ибн Коканд. (**Портфель капитана Румба**).

Кустик (Костик, Константин). Мальчишка с «пегими» клочкастыми волосами (отсюда и прозвище), отчаянно боявшийся щекотки. Своей чувствительной кожей мог прямо из космоса впитывать обрывки всякой внеземной информации. На основе этих отрывочных сведений сочинял фантастические истории, которые любил рассказывать друзьям. (**Лето кончится не скоро**).

Л

Лесь. Четвероклассник, живущий в южном городе у моря. Обладает «родственной» связью с Солнцем, потому что родился на более близком от него расстоянии, чем другие дети (в самолете). Создал несколько хитроумных приборов. Способствовал появлению на свет необычных *желтых кузнечиков* нормального размера и кузнечика-великана *Вельки*. (**Дырчатая Луна**).

Летающие мешки. Злобные твари, похожие на тяжелые кожаные мешки с хищными лицами и перепончатыми крыльями, растущими на месте ушей. Жили на заброшенном маяке Желтого острова. (**Вечный жемчуг, трилогия «В ночь большого прилива»**).

Лён (Леонтий Альберт Бельский). Тринадцатилетний сирота, сын погибшего имерского офицера, бывший курсант гвардейской школы в г. Ато-Карне. Обладал теми же «компьютерными» способностями, что и *Зорко*. Был отправлен в Лъчевск с аналогичным поручением, но по заданию другой воюющей стороны. Вместе с *Зорко* и *Ермилкой* взорвал Генеральный штаб, провоцирующий крупномасштабные войны. (**Взрыв Генерального штаба**).

Лёша (Алеша Пеночкин), первоклассник (потом второклассник), сын художника. С помощью заклинания, начинавшегося словами «Чоки-чок...», творил многие колдовские дела. Способствовал многим преобразованиям в королевстве Астралия и прилегающих к нему областях. (**«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота**).

Лошади говорящие. Паслись на старом стадионе, через который в начале своего путешествия с Зеленым билетом шел мальчик Алешка. (**Летчик для особых Поручений**).

Лоцман. См. *Сашка Крюк*.

Лунная танцовщица. Балерина, прибывшая с гастролями в королевство Астралия с Луны. В дальнейшем — супруга Респектабо Первого, короля Астралии. (**«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота**).

Лунчик Луняшкин. Маленький сказочный месяц, сын рыбы-луны *Ихтилены*. Озорная личность, склонная к рифмоплетству. Летал на настоящую Луну вместе с *Ыхалом*. Утверждал, что Луна — его родная бабушка. (**«Чоки-чок» или Рыцарь прозрачного кота**).

Людоедов, Пурген Аграфенович. Людоед, едва не съевший *Лёшу*). Сам факты каннибализма в своей биографии отрицал, признаваясь лишь, что съел только атамана пиратов, который оказался роботом. Некоторое время был министром при дворе Респектабо Первого под именем *Его Етугоро*.

М

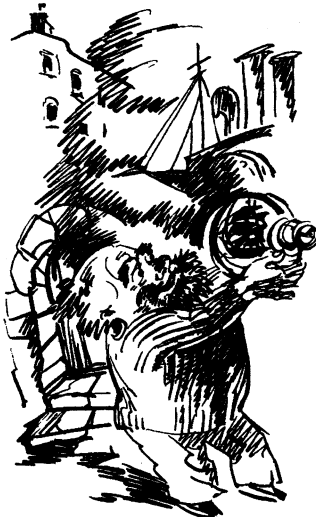
Магистр. Один из *манекенов* высокого ранга. (*Голубятня на желтой поляне*).

Манекены. Представители чуждой землянам цивилизации, одержимые идеей создать мыслящую галактику и готовые ради этой идеи пожертвовать судьбами многих обитаемых миров. Холодные рационалисты, паразитирующие на достижениях других цивилизаций. (*Голубятня на желтой поляне*).

Мастер. Старый ученый-маг, веривший в незыбленность системы предопределенного будущего, изложенной в Книгах Белого Кристалла. (*В ночь большого прилива*).

Медведь. Обитатель сказочного леса, нашедший там уснувшую Золушку и доставивший ее к тетушке *Розе*. (*Журавленок и молнии*).

Месяц. Живое сказочное светило в небе города Подгорье. (*Лоцман*).

Митя. Корабельный гном, сделавший модель корабля в бутылке. Жил на старом пароходе, служившем корабельным гномам общежитием и стоявшим у берега в Синемакменной бухте. (*Возвращение клипера «Кречет»*).

Митя де Филаретто. Котенок. Юный герцог. Сын кота *Филарета*, получившего герцогский титул в королевстве Австралии. Эпизодический персонаж. (*«Чоки-чок» или Рыцарь прозрачного кота*).

Мотя (Модест Мокроступович). Корабельный гном, помогавший ребятам освоить морское дело. (*Фрегат «Звенящий»*).

Н

Наблюдатель (прозвище). *Манекен*. Зловещая фигура в витрине магазина «Спорттовары» в городе Нейске. Пытался преследовать и погубить главных героев романа и был уничтожен прямым попаданием резинового мячика. (*Голубятня на желтой поляне*).

Настя. Самая молодая из *ржавых ведьм*, живших в старой баньке на краю тюменского лога. После освобождения из «ржавого» плена торговала мороженым. (*Тополиная рубашка*).

Нямма-лопау. Гигантская травоядная рептилия, обитавшая в джунглях острова Нуканука. (*Портфель капитана Румба*).

О

Одиссей. Мальчик, житель древнего Херсонаса. Персонаж из сказки-игры, придуманной юным севастопольцем Саней Дальченко. (*Сандалик или Путь к Девятому бастиону*).

Орест. Маленький гимназист, придумавший сказочное королевство Астралю с такими подробностями, что для многих оно стало реальным. В дальнейшем — известный художник О.М. Редькин. (*«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота*).

И

Пантелей Осминогович. Окунь, речной житель. Склочник. Скончался от разрыва плавательного пузыря в результате сильного испуга. (*Баркентина с именем звезды*).

Пим-Копытыч. Представитель одной из разновидностей домовых. Жил на Ямском пустыре в городе Ново-Калошине. Дружил с местными ребятами и котенком *Потапом*. В дальнейшем трансформировался в дерево с серебристыми листьями. (*Серебристое дерево с поющим котом*).

Пограничники. Дети, относящиеся к категории *койво*. Вначале это была группа ребят из поселка Лугового: девочка Лис, мальчики Рэм и Фля. Затем к ним примкнули многие юные герои повестей о Кристалле: *Витька Мохов, Ёжик, Юр-Танка, Люся, Ярик, Цезарь и другие*. Всех Пограничников объединяла способность преодолевать барьеры между разными гранями Великого Кристалла, хотя владели этим талантом они

в разной степени. (*Цикл «В глубине Великого Кристалла»*).

Полоз, Феликс Антуан. Стопроцентный мерзавец, маньяк и убийца. Изобретатель с изощренными способностями. Судя по всему, порождение дьявола. Был привлечен преступными политиками Объединенной Республики Северо-Восточных Областей (придуманная страна) для тайной операции по кардинальному сокращению числа беспризорных детей, которых в стране развелось слишком много. Едва не преуспел в выполнении этого задания... (*Помоги мне в пути*).

Потап. Котенок, случайно улетевший в космос и выловленный там *Капом* и его друзьями. В дальнейшем — поющий кот на серебристом дереве. (*Серебристое дерево с поющим котом*).

Проша. Заяц, уроженец острова Мудрые Зайцы. Служил на ст. Пристань сначала агентом по снабжению, потом помощником начальника станции. (*«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота*).

Птенец синего фламинго. Большой, но беспомощный детеныш птицы-великана, довольно капризное создание, которого спас на острове Двид мальчик Женя Ушаков. (*Дети синего фламинго*).

Пяткин, Лев Эдуардович. Представитель той же нечистой силы, что и *ржавые ведьмы*. Называть его ведьмой нелогично, поскольку он мужчина. Весьма непорядочный человек, пьяница. Бывший музыкант. (*Тополиная рубашка*).

(продолжение следует)

КАПИТАН ЛУХМАНОВ, РОБИНЗОН И ВОВА

(РАССКАЗЫВАЕТ КОМАНДОР)

Тем, кто интересуется историей российского флота, известно имя капитана Лухманова. Многие знают, что в давние двадцатые годы Дмитрий Афанасьевич командовал парусником «Товарищ». Не нынешним трехмачтовым учебным барком, а старым, четырехмачтовым, который во время войны погиб в Мариуполе.

Известно и то, что знаменитый капитан писал книги о своей полной приключений жизни. Но далеко не все знают, что Д.А. Лухманов сочинял не только воспоминания и стихи о море, но и рассказы на разные темы, и был даже автором драмы «Ломаюсь, но не гнусь», полной жестоких переживаний.

Я тоже этого не знал. Пока не купил в букинистической лавке на Арбате книжку — Дмитрий Лухмановъ, «Морские рассказы».

Книга похожа на дамский альбом для стихов: необычный длинный формат; название отгиснуто витиеватыми буквами по диагонали на переплете из искусственной кожи (типичный для того времени модерн). Прекрасная бумага, четкий шрифт, хотя издана книжка далеко от Петербурга и Москвы. На титуле указано: «Паровая Типо-Литография А.М.Михайлова в Петровскѣ, Дагест. обл.»

Петровск — это, как известно, нынешняя Махачкала. Лухманов служил тогда в Петровске помощником начальника морского порта. Видимо, жалование было «не очень» и литературный заработок — тоже, а надо было семью кормить, двое ребятишек родились в ту пору. И капитан не терял возможности подзаработать на стороне. Принимал заказы «на исполнение проектов, чертежей и спецификаций: яхтъ, рыбачьихъ, лоцманскихъ и спасательныхъ судовъ и всякаго рода шлюпокъ». Строил также «модели всякаго рода судовъ: строевыя, учебныя (для мореходныхъ училищъ) и самыя изящныя, в мелком масштабѣ, могущія служить украшеніемъ».

Все это сообщение — реклама, напечатанная в

конце книжки — ну, прямо как в наши дни!

И строил он кораблики мастерски. Получил большую серебряную медаль за проект паровой яхты на Всероссийской выставке спорта в 1902 году.

Да, не попадись мне эта редкая книжка, не знал бы я таких деталей из жизни знаменитого моряка-писателя.

Но главная ценность книжки для меня в том, что на ней собственноручная надпись автора:

«Владимиру Андреевичу Шателенъ въ знакъ глубокаго уваженія отъ автора. 23 августа 1903 г. Петровскъ Даг. обл.»

Кто он такой, этот Владимир Андреевич? Вообще-то «Шателен» — достаточно известная дворянская фамилия в России. Но у каждого в памяти свои «полочки» — я вспоминаю, что во время войны 1853-1855 годов был поручик Шателен, отважно сражавшийся с английским и французским десантом на Балтике. Он командовал башней на острове Прест-Э, рядом с крепостью Бомарзунд. Может быть, Владимир Андреевич — его сын или родственник?

Война на Балтике шла тогда же, когда под командованием адмирала Нахимова героически оборонялся Севастополь. Старых книг про Севастопольскую оборону у меня целая полка. Я не раз обращался к ним, когда писал роман «Острова и капитаны». А за год до знаменитой обороны адмирал Нахимов разгромил в Синопской бухте турецкий флот.

Я беру с полки книжку «Синоп» Е.В. Богдановича. Напечатана она в 78-м году прошлого века. Карты, гравюры... На титульном листе сообщение:

«Въ пользу вдовъ и сиротъ матросовъ, убитыхъ въ русско-турецкую войну 1877 г.»

В наши дни я что-то не видел таких сообщений на книжках про войну, хотя вдов и сирот по-прежнему немало...

На обороте форзаца — надпись:

«Николаю Карловичу Вейсу — въ знакъ

уважения от автора».

Как раз в те годы старый адмирал Вейс был градоначальником Керчи. Однажды он посетил мореходные классы, где обучались мальчишки, решившие выбрать флотскую профессию. Среди них — Митя Лухманов, будущий капитан. Адмирал был так восхищен бойкими ответами Мити по морской практике, что пригласил мальчика к себе на рождественскую елку. «Честь немислимая для пролетария-морехода», — вспоминает Дмитрий Афанасьевич в книге «Путь моряка».

А в год Синопского сражения была очередной раз напечатана замечательная книга «Робинзон младший». Это пересказ романа Дефо, сделанный известным в восемнадцатом веке немецким писателем Иоахимом Генрихом Кампе. Такой «робинзоновский» вариант был очень популярен много лет подряд. У меня, кстати, есть и более раннее издание этой книги, напечатанное в университетской типографии Москвы в 1792 году. Только тогда Робинзон назывался не «младшим», а «новым». «Новой Робинзонъ, служащій къ увеселенію и наставленію дѣтей, сочиненный Гм. Кампе». Кстати, не мешало бы г-ну Кампе упомянуть первоисточник. Ну да ладно, пусть он и Дефо разбираются с авторскими правами сами...

Вообще же всяких «Робинзонов» у меня много — от самого подробного, академического, до ярких детских изданий прошлого и нынешнего века. Потому что я сам в детстве «увлекался и наставлялся» этой книгой и навсегда полюбил ее. А самое любимое издание у меня то, о котором упомянул в начале — книжка 1853 года. Там чудесные рисунки. А под ними — рукописные пояснения. Одни сделаны полустершимся карандашом, другие — черными чернилами, тонким старинным пером, с хитрыми завитушками и детской корявостью. Видно, что у книги было немало читателей. Открываешь переплет, и они, эти читатели, будто

дышат у тебя за плечом... А тут еще напоминает о себе «синопская» дата. Ведь вполне может быть, что какой-нибудь мальчишка читал эту книгу — тогда еще совсем новенькую — в осажденном Севастополе. Так мне, по крайней мере, кажется иногда.

И вполне возможно, я вставлю эту деталь в новую повесть, где будут севастопольские эпизоды...

Смотрю, на полки и думаю: как же я должен быть благодарен старым книгам! Они — мои вдохновители и помощники.

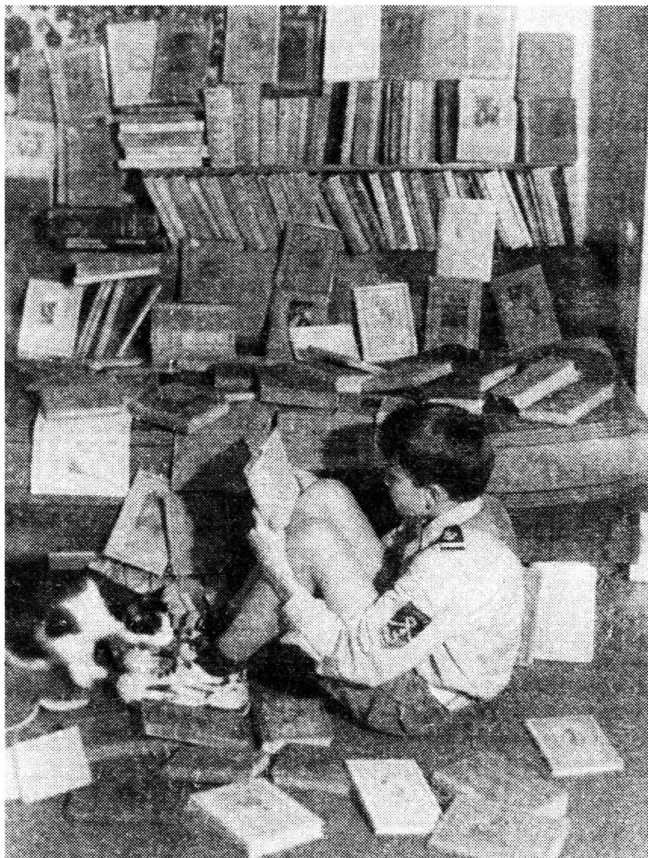
Никогда не написал бы я романа «Бронзовый мальчик», если бы в букинистической лавке на Невском проспекте не наткнулся на первое издание «Устава морского», напечатанное при Петре Великом. Историю этой находки я почти документально изложил в «Бронзовом мальчике».

Не было бы романа «Острова и капитаны», если бы не купил однажды старинный трехтомник И.Ф. Крузенштерна «Путешествие вокруг света». Не было бы книги «Журавленок и молнии», не оказался на моей полке «Сочинение об описи морских берегов Г. Мекензия».

Но дело даже не в том, что эти книги — помощники. Они просто друзья. Я люблю листать потемневшие страницы, разглядывать форзацы с витиеватыми автографами, экслибрисами, пометка-

ми, росчерками гусиных перьев, штемпелями давно несуществующих библиотек. Люблю уходить в плавание с капитаном Головинным, адмиралом Ансоном, Григорием Шелеховым, русским морским офицером Г.К. Блоком... Люблю перелистывать «Вечера на хуторе близ Диканьки» в черном томике, когда-то стоявшем — если верить полустертой надписи — на полке библиотеки И.С.Тургенева в Спасском-Лутовинове...

За этими книгами — люди. Флотские офицеры в просоленных океанскими ветрами плащах. Мальчишки-гимназисты, листавшие перепачканными в

чернилах пальцами страницы многих «Приключений» и «Путешествий» и грезившие тайнами тропических и полярных «Островов». Барышни, ронявшие слезу над томиком стихов графини Ростопчиной — это она написала пронзительные строки после гибели Лермонтова:

Не просто, не в тиши, не мирною кончиной, —
Но преждевременно, противника рукой —
Поэты русские свершают жребий свой,
Не кончив песни лебединой!..

А еще — мальчик Вова из города Симбирска (не думайте, не тот), — ему любимый дядя Коля подарил роскошно изданную книгу К. Станюковича «Севастопольский мальчик» 27 августа 1914 года. Возможно, перед уходом на фронт Первой мировой войны. Уцелел ли дядя Коля во всех войнах? Что стало с его племянником Вовой? Теперь не узнать. Но все же, мне кажется, какая-то ниточка связывает меня с ними, когда я открываю «Севастопольского мальчика» и вижу четкий, не потускневший дяди-Колин автограф...

А еще мне представляется «Командирь подводной лодки «Окунь», который на той же Первой мировой водил свою крошечную субмарину по Балтике и оставил свой штамп-экслибрис на старой «Лоци Балтийского моря»...

Я верю, что все это были хорошие люди...

О всех таких книгах, о всех людях, которые за ними, не расскажешь. Но еще о ряде книжек я должен упомянуть обязательно. Они — друзья моего детства. Не такие старинные, как дореволюционные тома, но все равно дорогие мне.

Это издания в так называемой «рамке». В узорчатом орнаменте по краям обложки. Приключенческая серия. Ее начал печатать «Детиздат» в 1936 году. Сначала серия называлась «Библиотека романов и повестей», вскоре ее переименовали в «Библиотеку приключений», а в пятидесятых годах — в «Библиотеку приключений и научной фантастики».

Помню, что в школьные годы я просто млею, когда видел обложку с такой «рамкой». Да и в зрелые годы не был равнодушен. И даже собрал приличное количество таких изданий. Нельзя сказать, что все, но... почти.

А потом половину раздарил друзьям. Стало не хватать места на стеллажах. Но самые интересные, самые близкие книги оставил. Разве можно отдать, например, «Обитаемый остров» братьев Стругацких с дарственной надписью Аркадия Натановича Или «Пятнадцатилетнего капитана», которого по-

дарил мне Виталий Иванович Бугров...

Четыре метровых полки по-прежнему заняты у меня «рамкой», и одна из них — самая любимая. Это «малая серия», книжки небольшого формата. Они выходили с тридцать шестого года до начала пятидесятых. Некоторые из этих томиков я читал еще дошкольником, в военные годы, у самодельной коптилки или у печурки, растопленной газетой и стружкой.

На самых старых таких книжках, изданных до войны, — марка «Детиздата»: сидит на траве мальчик, подтянул коленки, держит над ними развернутую книжку, склонил голову... Мне казалось, что этот пацаненок похож на меня — такого же «отчаянного книгоглотателя». Это был мой молчаливый другок. Мы вдвоем уходили в мир Майн-Рида и Стивенсона.

...Когда я заканчивал писать этот очерк о книжках, ко мне в гости пришел мой друг Володя Дмитриев, юный подшкипер из флотилии «Каравелла». Глядя на него, я вспоминаю себя — такого, каким был в одиннадцать лет. Володя — «несовременный ребенок». В том смысле, что очень любит читать и равнодушен к компьютерным играм. Впрочем, таких «несовременных» я встречаю довольно часто. По-моему, взрослые просто придумали, что «компьютер и телевизор отучили всех детей от книги».

У Володи, кстати, тоже немало книг в «рамке».

— Вова, — сказал я, — давай сделаем иллюстрацию к моему материалу! Оживим эмблему «Детиздата»!

На диване и на полу мы расставили, раскидали книжки в «рамочных» обложках. Володя взял наугад одну, уселся в позе детиздатовского мальчика. Я начал щелкать затвором «Зенита». Было тихо, только страницы шелестели, да кот Тяпа шуршал лапами, подбираясь и принюхиваясь к новым Володиным кроссовкам. Я сделал десяток (с запасом!) кадров. А Володя не шевелился.

— Все готово. Вставай... Ты что, не слышишь?

А он и правда не сразу услышал. Так зачитался.

— Что там у тебя?

— «Из пушки на Луну».

Вот ведь как! Уже давно мы знаем про Луну в сто раз больше, чем читатели девятнадцатого века. И люди на ней побывали не раз! А старый роман все равно притягивает к себе. Тех, кто любит читать.

Что ж, читатель есть читатель, даже в наш компьютерный век. А Жюль Верн есть Жюль Верн — на все времена.

* * *

Открытие профессора Аргона

Есть на свете страна — Страна Синей Чайки. Мало кто знает о ней. Она лежит на юге, на полуострове, который очертаниями напоминает голову чайки. А воздух там всегда синий-синий...

От материка полуостров отделяют горы Гранитного Ожерелья. Они совершенно непроходимы, и поэтому в Страну Синей Чайки можно попасть лишь по морю.

Весь год согревает Страну тепле южное солнце. От мыса Белый Зуб и до Зеленых Отрогов Гранитного Ожерелья покрыли ее густые заросли и темные южные леса...

Страна Синей Чайки — страна моряков. Днем и ночью приходят в ее порты и уходят из них в океан гиганты-теплоходы и маленькие парусные шхуны.

Самый большой порт и столица Страны — Город Острых Крыш. Он называется так потому, что прежде всего в нем бросаются в глаза разноцветные острые крыши старинных домов, их жестяные флюгера и кружевные блестящие флажки. Но это лишь в старой части города, в той, что лежит у самого моря, на перешейке, который соединяет небольшой полуостров Нижней Губы с сушей. С одной стороны Старый Город выходит своими улицами к бухте Чайкин Зоб, с другой — к скалистому берегу океана.

А в новой части города совсем другая картина: там нет ни старых домов, ни узких запутанных переулков, где между плитами мостовой буйно растет трава; улицы там широкие, а дома настолько высоки, что крыш и не видно...

Здесь, в Городе Острых Крыш, и начались события, о которых я хочу рассказать. А события эти были тревожны, потому что не все благополучно в Стране Синей Чайки. Чудесна эта земля, но по-разному живут здесь люди.

И даже в ранний час, когда город еще спит, а на море ложится первый отблеск розового утра, когда от тишины стоит в ушах тонкий звон, кажется, что это — отголосок тревожных сигналов.

Тревожно в Стране синей Чайки...

Темная южная ночь нависла над Городом Острых Крыш. Флюгера и шпили уже не вырисовываются в небе, потому что ночь чернее их. Светятся в темноте желтые квадраты окон с кружевными переплетами.

Вдали горят огни и рекламы Нового Города. И еще — в глубоком необъятном небе горят яркие звезды.

Звезды больше всего интересуют сейчас профессора Бенэма Аргона, доктора физических, астрономических, химических, математических и многих других наук. Он то смотрит в окуляр небольшого телескопа, то что-то записывает в клеенчатую тетрадь.

Профессор Аргон — замечательный ученый, известный как многими научными открытиями, так и странным характером. Все знают, что, когда профессор чем-нибудь раздражен, он бьет стеклянную посуду, но когда ему везет в работе — не найти в Городе Острых Крыш человека добрее и веселее Бенэма Аргона.

Профессор живет один со своей десятилетней племянницей Нэви. Но сейчас Нэви гостит у друга профессора, художника Веста. Это очень опасно, потому что в случае

какой-нибудь неудачи профессор перебьет в доме всю посуду. Но у девочки каникулы, и ей нужно отдохнуть.

Впрочем, пока профессор спокоен. Он даже что-то мурлычет себе под нос, довольный наблюдениями...

И вдруг Бенэм Аргон вздрагивает и в течение получаса смотрит в телескоп не отрываясь: в кружке звездного неба, видимом в телескопе, появляется новое небесное тело. Это звезда зеленоватого цвета. Она медленно передвигается среди других звезд. Откуда взялась эта новая планета? Открытие необычайно волнует профессора Аргона, и он всю ночь проводит в маленькой башенке у телескопа, а утром спускается в кабинет, чтобы вычислить путь, по которому движется планета...

На следующую ночь профессор вновь был у телескопа. Он следил за зеленой планетой до тех пор, пока надвигающийся шторм не покрыл тучами небо. Но наблюдений было достаточно. Сидя в кабинете, профессор покрывал листы цифрами. Он уже не на-

В повести рисунки автора

певал себе под нос, а один раз запустил графином в звонивший некстати телефон. Постепенно профессору Аргону становилось ясно, что «Зеленая Искра» (так назвал он планету) на своем пути должна столкнуться с Землей.

На седьмой день, сломав одиннадцать карандашей, разбив еще один графин и восемь стаканов, профессор вычислил, что катастрофа произойдет через шестьдесят семь суток, восемнадцать часов и девять минут. Страшные результаты столкновения нетрудно было представить. Спасти Землю не мог никто... Никто, кроме профессора Аргона.

Недавно профессор закончил работу над изобретением, которое назвал «Розовый Луч». Особый аппарат испускал необычайно мощный поток атомных частиц, который в темноте казался розовым лучом. Даже с помощью маленькой модели аппарата, построенной профессором, можно было разнести в пыль любую из гор Гранитного Ожерелья. Но, разумеется, для уничтожения далекого небесного тела нужно было иметь громадное сооружение; построить его на свои средства профессор не мог. Для возведения гигантского аппарата «Розовый Луч» в короткий срок нужна была работа всех предприятий электроаппаратуры и металлургических заводов.

Владельцем всех этих заводов был самый богатый человек в стране, миллиардер Биром Бахбур. Его называли Железным Бахбуром.

Он не был членом правительства, но с помощью денег держал в кулаке парламент и президента.

Железный Бахбур создал тайный Совет Восьми; в этот Совет входили миллионеры, «короли промышленности». Совет фактически управлял страной, а Советом управлял Биром Бахбур.

Основной политики Бахбура была война. В любое место земного шара, где народы поднимались за свободу своей земли, Совет Восьми направлял войска. Сражались на стороне поработителей и гибли за неправо дело отважные легионы Страны Синей Чай-

ки; днем и ночью с конвейеров заводов господина Бахбура сходило новейшее оружие; с каждым днем пополнялись сейфы миллиардера и его компаньонов.

Профессор Аргон понимал, как опасно доверять такому человеку свое изобретение. Розовый Луч, с помощью которого можно было с быстротой молнии бурить шахты, проложить многочисленные туннели в горах Гранитного Ожерелья, чтобы соединить полуостров с материком, мог стать в руках Железного Бахбура страшным оружием.

Но не было ни выбора, ни времени. Кроме того, профессор был уверен, что опасность, нависшая над человечеством, заставит миллиардера принять все меры для предотвращения катастрофы, хотя бы ради спасения собственной жизни.

Профессор взял трубку чудом уцелевшего телефона:

— Алло... Дом господина Бахбура. Секретарь? Говорит профессор Аргон.

— Чем могу быть полезен? — осведомился секретарь.

Крайне раздраженный профессор пояснил, что полезен ему может быть не секретарь, а сам господин Бахбур, к которому он имеет разговор по важному и секретному делу.

— Масштаб дела?

— Мировой, черт возьми!

— Профессор шутит?

— Профессор не склонен шутить в данный момент, так как это весьма опасно...

Не верить столь известному ученому и пренебрегать разговором с ним было нельзя. На вопрос, когда господин Бахбур сможет принять господина Аргона, последовал ответ, что господину профессору не следует беспокоиться. Если дело действительно столь важное, господин Бахбур придет сам.

— Угодно господину Аргону принять его завтра утром в девять ноль-ноль?.. Великолепно! — Это говорил уже сам Биром Бахбур, подошедший к телефону.

Положив трубку, профессор открыл вделанный в стену сейф и достал прямоугольную пластинку из светлого металла. На этой пластинке, величиной с тетрадку, были выгравированы микроскопические чертежи и формулы — результат многолетней работы ученого над «Розовым Лучом». Бенэм Аргон не доверял бумаге.

Он взял лупу и, подойдя к раскрытому окну, стал рассматривать пластинку. Было около восьми часов вечера. За окном моросил мелкий теплый дождик. По небу бежали низкие рваные облака — остатки бушевавшего несколько дней шторма. Было довольно темно. Профессор положил пластинку на подоконник и повернулся к столу, чтобы зажечь лампу. При этом он задел пластинку рукавом, и она полетела со второго этажа на улицу.

Схватив карманный фонарик, ученый бросился вниз по лестнице.

Стоит ли говорить, как старательно искал он то, что было для него дороже всех сокровищ! Напрасно

обшаривал он каждый квадратный сантиметр на тротуарах и мостовой не только у своего, но и у соседних домов. Часа через полтора, мокрый насквозь, профессор вернулся в кабинет. Копий чертежей и расчетов у него не было. Построить гигантский аппарат по модели, оставшейся у профессора, было нельзя: слишком проста и несовершенна была она. Убедившись в этом, профессор грохнул бесполезный аппарат об пол и лег на диван.

За окном ударил ливень...

Находка Эника

Эник любил свой город. Ему нравилось смотреть, как вечерами на фоне желто-розовых безоблачных закатов, словно нарисованные тушью, чернеют острые крыши, башни, шпили и флюгера. Он любил широкие улицы Нового города и старые переулки с могучими тополями, высокими крышами домов и мостовыми, поросшими травой. Любил Эник густые сады, кружевные мосты над рекою Птичьей Слезы, веселый шум приморского базара, корабли, заходящие в порт, ночные огни и старые дома, хотя своего дома у него в городе не было.

Он был одним из тех, кого горожане называли уличными мальчишками.

Их ребят немало в Городе Острых Крыш. Этих ребят, выброшенных жизнью на улицу, можно было встретить в садах, на бульварах и в переулках; но больше всего их было в порту. Оборванные, худые, но всегда гордые и независимые, они искали работу. Только нестерпимый голод заставлял их выпрашивать мелкую монету у прохожих. Что поделаешь, работы не хватало и для взрослых...

Эник не помнил матери. Его отец, шкипер маленькой парусной шхуны, год назад не вернулся из плавания. Денег от проданных вещей хватило на месяц. Родных не было. Целый год Эник жил на случайный заработок. Чтобы поесть вечером, он целый день ворочал в порту тяжелые тюки, помогал грузчиком. Ночевал он, как и большинство других бездомных мальчишек, в больших пустых ящиках из-под разных товаров. Их было много в порту.

В штормовые ночи, когда волны кидались на каменный мол, как цепные псы, Эник уходил в город. Прижавшись к стене дома, он смотрел на другую сторону улицы, где в окнах зажигались желтые огни, и старался представить, как живут там люди. Эник не завидовал. Просто мальчику становилось теплее, когда он смотрел на светящиеся окна.

Так было и на этот раз. Прислонившись к забору, Эник смотрел на двухэтажный дом с маленькой башенкой над острой крышей. Это был дом профессора Аргона. Глядя на два светлых окна, мальчик думал: «Интересно, чем занят профессор? Вот бы он придумал машину, которая делает хлеб из воздуха! Нажал кнопку — раз, и каравай... Можно было бы накормить всех ребят в порту...» — Голод с утра не давал Энику покоя.

«Или придумал бы профессор такую штуку, которая облегчает вес у корабельных грузов, — мечтал мальчик, — взвалишь на плечи мешок с мукой, а он ничего не весит. Вот было бы здорово!..»

Теплый ливень хлестал по голым плечам мальчугана, мочил непокрытую голову, но Эник не обращал внимания. Он не боялся дождя.

Наконец Эник встряхнулся. Нужно было идти спать. Завтра могла придти шхуна капитана Румба — единственный корабль, на котором всегда была работа для маленьких жителей гавани.

Не успел мальчик сделать нескольких шагов, как

что-то острое впилось ему в босую ногу.

Закусив губу от боли, Эник опустился на колени и вытащил из щели между плитами мостовой большую металлическую пластинку с острыми краями. Зажимая порез на ступне, он подскочил на одной ноге к фонарю и стал рассматривать находку. Струи дождя смыли грязь с серебристой поверхности, и Эник рассмотрел чертежи и цифры. «Вдруг эту штуку потрял профессор Аргон, — подумал он. — Если так, то нужно отнести. Пожалуй, можно получить пару монеток на хлеб». Однако, поглядев на свои босые ноги, мальчуган заколебался. Представил, сколько мокрых следов наделает он в доме у профессора. «Выгонят

еще», — подумал он. Но голод пересилил робость. «Кроме того, вдруг это что-нибудь важное», — подумалось мальчику, и он направился к дому. Удивившись, что дверь открыта настежь в такой поздний час, Эник поднялся на второй этаж...

Стук в дверь вывел профессора из оцепенения. Он сел на диване, поправил очки и крикнул:

— Войдите!

Когда Эник вошел, профессор увидел не мальчика, а лишь то, что он держал в руках. Радостно вскрикнув, он выхватил у Эника пластинку и бросился к лампе: ни одной царапинки не было на серебристой поверхности.

Бенэм Аргон положил пластинку на стол и повернулся к своему гостю. Перед ним стоял мальчик лет двенадцати, голый по пояс, в старых, больших не по росту брюках. Капли дождя запутались в густых каштановых волосах. Широко раскрыв большие темные глаза, мальчик с удивлением наблюдал за профессором. А тот был полон благодарности к мальчугану, вернувшему изобретение. Обняв Эника за плечи, профессор Аргон немного торжественно произнес:

— Друг мой, ты даже не представляешь, какую услугу оказал человечеству.

Он усадил мальчика на диван и хотел уже расспросить подробнее, как была найдена пластинка. Вдруг он заметил на полу красные пятна.

— Что это такое?

— Извините, господин профессор, но на улице дождь, — оробел Эник, думая, что речь идет о мокрых следах.

— Дождь, но не кровавой, надеюсь, — возразил профессор, — у тебя нога поранена.

Острая боль напомнила мальчику о порезе, и он объяснил, как наткнулся на свою находку.

— Что же ты молчишь!

Профессор принес йод и бинты.

— Больно? — спросил он, смазывая порез йодом. Эник закусил губу, но мотнул головой. Разве он скажет, что ему больно!

— Ты совсем вымок, — сказал профессор, окончив перевязку. — Тебе нужно согреться. Сейчас мы напьемся чаю, и я отвезу тебя домой.

— Домой? У меня его нет...

Профессор смутился. Черт возьми, ему следовало догадаться. Родители не отпустили бы мальчишку вечером под проливной дождь, да еще раздетого.

— В таком случае переночуешь у меня, — говорит он преувеличенно весело, стараясь загладить ошибку.

Эник пробует отказаться, но профессор не слушает его. Он включает электрокипяtilьник собственной конструкции.

За окном дождь. Эник не боится дождя, но здесь, на мягком диване, все же лучше, чем на улице или в старом ящике из-под табака.

Упоминание профессора о чае решило дело. Пустой желудок Эника требовал подкрепления.

Через полчаса профессор отвел Эника в комнату Нэви, и тот впервые за целый год заснул в постели...

А Бенэм Аргон не спал. Он думал о Зеленой Искре и о предстоящем разговоре с Железным Бахбуром.

(Окончание в следующем номере)

Михаил ДОМОВ

КНЯЗЬ ИГОРЬ ПРОТИВ ХАЗАРИИ

В 944 году огромное войско русичей киевского князя Игоря двинулось на Византию. Напуганные греки вскоре запросили мира, пообещав снова платить дань и даже еще большую, чем платили Олегу. Игорь согласился, и между двумя государствами был заключен новый договор. Исследователи отмечали его интересную особенность: у Игоря к тому времени уже были владения в Причерноморье: Таманский полуостров с городом Тмутаракань (сейчас там селение Тамань) и Восточный Крым с городом Корчев (Керчь). Впервые у двух государств появилась общая граница.

Возникает вопрос: когда же Игорь успел завоевать эти земли, ведь еще не так давно они принадлежали могущественной Хазарии? Значит была русско-хазарская война? Да была, и это подтверждает документ, обнаруженный в университетской библиотеке Кембриджа.

Рукопись из собрания Каирской синагоги содержит письмо некоего хазарского еврея «своему господину». Его автор, будучи подчиненным хазарского царя Иосифа, явно сочувствует хазарам, а к Руси был настроен враждебно. «И пришел он ночью к городу Самбарю», — пишет он о походе киевского князя, — «и взял его воровским образом». Самбарий — это еврейско-арабское название Тмутаракани (искаженное хазарское «Самкерц»). Автор раздосадован неудачей хазар и оправдывает ее тем, что в городе не было начальника. Но не говорит ли это о том, что у Игоря была хорошая разведка? Князь внимательно следил за противником и умело выбрал время, чтобы захватить врага врасплох.

Вероятно, Игорю удалось привлечь к этой войне и Византию — хазары угрожали крымским владениям. Автор того же кембриджского документа, считал, что русы напали на хазар по наущению византийского императора Романа Лакапина: «Роман послал такие большие дары... царю России и подстрекнул его на беду».

Этот император, известный своими гонениями на иудеев, был непримиримым врагом и хазар, которые тоже исповедовали иудаизм. Поэтому вполне вероятно образование антихазарского союза Руси и Византии. Ведь и договор 944 года тоже предусматривал совместную оборону крымских владений. Воевать византийцы, конечно, не стали, предоставив это Руси. Но из Херсонеса было удобно собирать сведения о Хазарии, и Игорь ими умело воспользовался. Вероятно, он знал о каждом шаге своего противника. Кроме того, еще, как утверждается в кембриджском документе, Роман организовал нападение алан (осетин) на хазарские владения, чем тоже помог Игорю.

Похоже, что даже киевляне не знали о замыслах Игоря — настолько тайно собрал он войско, перебросил его через степь и внезапной ночной атакой захватил Тмутаракань, когда враги меньше всего этого ожидали. Если дело происходило именно так, то Игорь предстает незаурядным полководцем, и неслучайно известный историк Д.И.Иловайский называл Игоря «отважным и предприимчивым».

Но почему же молчит об этом походе русская летопись, где вроде бы скрупулезно перечислены все войны Игоря?

Один из перечисленных в летописи походов Игоря должен был связан с хазарской войной. Может быть поход на печенегов 920 года?

Печенеги — народ тюркской группы, кочевавший тогда между Волгой и Доном. В 915 году они появились в Причерноморье и после столкновения с дружиной Игоря поспешно ушли к низовьям Дуная. Почему это вдруг Игорь решил воевать с ними? Печенеги были тогда слишком слабы, чтобы угрожать Руси, и в летописи нет сведений об их набегах. Примечательно, что летописец даже не знал о результатах этого похода, а значит и не мог судить, куда именно был нанесен удар. По-видимому, печенеги были тут вовсе ни при чем.

Они только помогли ввести в заблуждение противника. Хазары знали, что Игорь готовит войска, но поверили, что они направятся к Дунаю против печенегов. Слосом, Игорь показал себя настоящим стратегом, способным спланировать и подготовить большую военную операцию. Удар русских получился внезапным и молниеносным.

Возникает, правда, вопрос: почему столь удачная операция так и не попала в летопись, ведь позднее события уже перестали быть секретом? Скорее всего, замешана политика. Киевская знать, а это главный заказчик летописи, была враждебно настроена к Игорю — такой властный и энергичный князь ее не устраивал. Поэтому из летописи и исключили рассказ об успешной войне Игоря с хазарами, но все же проговорились об этом при описании договора с Византией.

В кембриджском документе рассказано и о продолжении этих событий. Автор уверяет, что хазарский военачальник Песах отбил у русов захваченные ими города и даже заставил русского князя пойти войной на Византию. Это конечно выдумки с целью возвеличить Хазарию. Подчинить Киевскую Русь Хазария была не в силах, а война Руси с Византией — результат обострения противоречий между ними. Приазовские земли оставались в то время в

составе Руси, и это подтверждается русско-византийским договором. Владели русы этими землями и позднее. Арабский автор Ибн-Хаукаль сообщал в 50-х годах X века, что русы нападают на приграничные районы Рума (Византии) и налагают на них дань, а ведь граница между Русью и Византией существовала только в Крыму. Византийский писатель X века Лев Диакон называл Боспор Киммерийский (земли по обоим берегам керченского пролива) отечеством русов.

Позднее хазары действительно захватили Тмутаракань и Корчев, но сделать это они смогли только после смерти Игоря, воспользовавшись чрезмерным миролюбием княгини Ольги. И лишь когда власть в свои руки взял Святбслав, произошел новый взлет русского государства. Хазария была окончательно разгромлена, и в Приазовье появилось русское Тмутараканское княжество. Оно существовало в XI-XII веках, но с появлением в Причерноморье половцев связь его с Русью прервалась. Но исчезло ли оно? Трудно поверить, что лишь к мертвым камням пробивался новгородсеверский князь Игорь Святославич в 1185 году. Похоже, что жизнь в этом княжестве продолжалась вплоть до XIII века, когда все в тех краях было сметено татарским нашествием.

Катерина ИВКИНА

АКВАМАРИН, ЖЕМЧУГ, ЯНТАРЬ...

Каждый из нас был когда-нибудь заморожен таинственной красотой камня. Был ли это сверкающий бриллиант на витрине ювелирного магазина или найденный вами в мелком ручейке кусочек яшмы, — вы всегда находили несколько минут, чтобы восхититься этим совершенным творением природы. Что же таится в этом каменном безмолвии, что так влечет нас к нему?

Камни только кажутся немymi. Внимательному человеку они способны рассказать о себе множество захватывающих историй. Часть этих рассказов можно найти в легендах, часть — в астрологических рекомендациях, часть — в минералогических фолиантах. Но главные истории минералов мы можем услышать только от них самих. В этих статьях я приглашаю вас послушать, о чем рассказывают камни.

Когда-то очень давно, когда земля была молодой, а люди разговаривали с богами как с равными, в чудесной прибрежной стране жила девушка по имени Марине. Жаркие лучи солнца и ласковая прелесть слабой морской волны уживались в ней. Все люди любили ее, а тот, кому она однажды сказала «люблю», звал ее именем моря — Марэ.

Может быть, и не возникла бы эта легенда. Но однажды увидел Марине морской царь и влюбился в нее.

Напрасно пыталась девушка противостоять царю. Что могла сделать она? На стороне царя были могущество, власть и сила, а у бедной Марине — только слезы. И она горько плакала на берегу моря. Час за часом слезы покрывали ее ноги, платье, волосы... Потом слезы застыли и превратились в прозрачный камень цвета моря.

Ритмично и грозно бились о берег посланцы царя — гневные, седобородые волны. Они хотели доставить послушницу морскому царю. Особенно страшным был каждый девятый гонец. Вместе с пенящимся водоворотом он нес с собой крупные камни и с неистовой силой швырял их о берег. От ударов девятого вала дрожала земля, дробились крепчайшие скалы, только глыба слез окаменевшей Марэ была непреклонной. Год за годом морской песок окутывал Марине. И, наконец, она скрылась с человеческих глаз.

Шло время. Изредка люди находили в морских слоях округленные гальки, прозрачные, как слезы, синевато-голубые, зелено-синие, голубые, как морские

волны. Душа Марине заключена в этом камне. И тот, кому она раскрывает свою душу, получает радость. Слезы Марэ стали для людей камнем радости, камнем счастья...

Вы, конечно, догадались, что речь идет об аквамарине.

Аквамарин... Произнесите это слово вслух. Вы услышали звучание моря, шум водопада или перезвон капель? Конечно, ведь сама вода, само море дали название этому поистине прекраснейшему минералу. Аква — вода, маре — море, марине — морская. Воды моря. Конечно, не из девичьих слез рождаются эти прекрасные камни, они образуются в жерлах вулканов из расплава горных пород. Но в прекрасной сказке есть зерно истины. На радость людям был создан этот минерал. Астрологи считают, что он покровительствует людям, рожденным под знаком Рыб. Но не будем буквально воспринимать их рекомендации: отделить сказку от реальности — вот моя задача. «Слезы Марине» открывают свою душу ljubому, кто хочет этого. Если вы верите в таинственную связь между реальным и иррациональным мирами, то в аквамарине вы найдете чуткого и преданного помощника. Он охладит пыл ссор, сохранит семейный союз, придаст вам мужества, красоты, красноречия, мудрости в житейских делах, предупредит о кознях врагов изменением цвета. Цвет камня также меняется при перемене погоды и в предверии заболевания владельца. Нужно сказать, что аквамарин вовсе не предотвращает несчастья, он предупреждает о них, а это не мало. Если владелец собирается заболеть на физическом уровне — камень мутнеет, а если неприятностей нужно ждать от окружения — он зеленеет. Аквамарин — очень тонкий прибор, настроенный очень индивидуально, поэтому никогда не ошибается. Кроме всего перечисленного, этот минерал обостряет чувства, он дарит возможность наслаждаться малым. Постоянно нося этот минерал, вы станете счастливым, уравновешенным человеком. Поистине, прекрасен сей камень и добр к людям! Но есть еще одно «но». Его не следует носить детям и молоденьким девушкам — для детей он опасен тем, что может увести в мир фантазий, а девушки рискуют не найти себе мужа.

Для девушек идеально подходит жемчуг.

Все тот же морской царь в своих притязаниях не

ограничивался одной Марине. У него были власть, сила, деньги — а значит, и любую понравившуюся девушку он забирал себе в наложницы. Не все обладали мужеством Маре, гарем у владыки был огромен. Несчастные девушки, лишенные родины, знакомых, родителей, проливали горькие слезы. Каждая слезинка превращалась в жемчужину, их собирали и прятали в своих раковинах.

Жемчуг не является минералом. «Слезами нимф» называют его поэты, «слезами моллюсков» зовут его геммологи. Этот красивейший камень образуется в створках раковин жемчужниц. Жемчуг — исконно русское украшение. В прошлом веке известный гидролог А.А.Штукенберг отмечал, что нигде в мире нет более богатой жемчугом страны, чем Россия. Жители Архангельской, Псковской, Новгородской, Ярославской областей расшивали жемчугом праздничные костюмы, девичьи кокошники, платки. Им украшали дорогое оружие, золотую и серебряную посуду, иконы. «Магические» свойства нашего жемчуга не только не уступают свойствам заморских жемчугов, а наоборот, превосходят их, так как лучше приспособлены к российской реальности. Жемчуг издавна пользовался славой счастливого талисмана и действенного амулета. В «Изборнике Святослава» XI века сообщается, что перл способствует «благоденствию и долголетию». Жемчужное ожерелье — прекрасный индикатор состояния здоровья организма, чистоты кожи. Жемчуг тускнеет в приближении болезни владельца. Плиний Старший писал, что Клеопатра обязана своей красотой тому, что каждый день выпивала бокал вина с растворенной жемчужиной. Согласно римской мифологии, богиня утренней зари носила ожерелье из жемчуга.

Как талисман, жемчуг влияет только на женщин. Незамужним девушкам он диктует благоразумное поведение, предохраняет от случайных неблагоприятных поступков. Вообще, жемчуг очень деспотичный камень. Он диктует владельцу свою волю, и человек не в силах противостоять этому. Да и нужно ли противостоять? Жемчуг диктует скромность, но в то же время привлекает внимание мужчин, помогает выбрать достойного мужа. Молодым женам жемчуг сообщает рассудочность, томность и проникновение в глубинные тайны своей души. Человека, носящего жемчуг, трудно обмануть, он хорошо чувствует неверных друзей.

Если в доме есть хоть какая-нибудь вещь, инкрустированная жемчугом, то в доме всегда будет благоденствие, богатство, мир.

В средние века люди, стремясь защитить себя от отравления, клали жемчужину в пищу. Если с жемчужиной ничего не случалось, ели безбоязненно. Современная наука объяснила, почему жемчуг был надежным «индикатором ядов». Дело в том, что у жемчуга пористая структура, он легко взаимодействует с различными веществами. В наше время он так же

может быть детектором качества воды и пищи. Жемчуг портится от недоброкачественных продуктов, вода, загрязненная фенолом, способна растворить жемчуг. Автор, однажды искупавшись в речке, загрязненной промышленными отходами, безнадежно испортила свое жемчужное ожерелье. Если вы живете недалеко от завода, загрязняющего атмосферу, вам также не следует носить жемчуг постоянно, иначе через полгода от него ничегошеньки не останется.

На ночь изделия из жемчуга следует укладывать в воду. Жемчужины расцветут, а вода обогащается кальцием. Если регулярно выпивать эту воду натощак — кариес вам не страшен.

Если восточные славяне боготворили жемчуг, то западные — янтарь.

Янтарь — это окаменевшая смола деревьев. Греки называли его электрон, русичи — горюч-камень, литовцы — гинтарис. Именно от литовского «гинтарис» — жизнь и происходит современное название этого минерала.

Поляки исстари давали грызть янтарь младенцам, у которых режутся зубки, настаивали на спирту и пили от простуды. Наука долго боролась с таким шарлатанством, пока не установила, что в янтаре содержится уникальное соединение — янтарная кислота. Благодаря удивительным сочетаниям микроэлементов и легкости усвоения организмом янтарная кислота повышает иммунитет, лечит от простудных заболеваний, укрепляет сердечную мышцу. Наглядный пример, как бывшее шарлатанство становится традиционной медициной под грузом накапливаемых знаний.

В виде бус на шею янтарь предохраняет от болезней ушей, глаз, горла, лечит заболевания щитовидной железы. Янтарной бусинкой, потертой о сукно, удобно извлекать соринку из глаза. Растертый в порошок янтарь принимают как биогенный стимулятор. Янтарное масло используется против головкружений. Серьги из янтара снимают головную боль, браслеты — нормализуют кровяное давление. Янтарь предписывается носить во время беременности — это даст здоровье малышу и легкие роды матери.

В механизме действия янтара нет никакой мистики — небольшие частицы камня проникают через поры кожи в кровь. Единственное, от чего хочется предостеречь — никогда, никогда не поджигайте янтарь! Вдыхание дыма не проходит безболезненно для психики, таким способом шаманы ввергали в безумие целые племена.

Исходя из астрологической традиции янтарь лучше всего подходит людям, рожденным под знаком Льва, противопоказан рожденным под знаком Тельца и Козерога. Но как показывает практика, эти противопоказания близки к суеверию. Я знаю много «тельцов», искренне считающих, что лучше янтара им ничего не подходит.

Анатолий ТАЛАНЦЕВ

АМЕТИСТ — ФЕВРАЛЬСКИЙ ТАЛИСМАН

Этот фиолетовый самоцвет несет удачу и долголетие его владельцам, рожденным в феврале. Но и для прочих, кому по сердцу пришелся, служит оберегом от всевозможных хворей, телесных и душевных. И прежде всего — от винного зелья. Авторы древних медицинских манускриптов уверяют, что в этой роли нет ему равных среди самоцветов. Камень даже канонизирован церковью: перстни с аметистами торжественно вручаются при возведении в сан как православным, так и католическим архиереям.

ФИОЛЕТОВЫЙ УРАЛ

Если глянуть на карту самоцветов Урала, то значки фиолетового цвета первыми обратят на себя внимание. Это места находок аметиста. Особенно много их в западной части Мурзинского гранитного массива, чуть восточнее знаменитого села Мурзинка на Среднем Урале. Здесь зафиксированы не только мелкие и случайные находки кристаллов, но и так называемые проявления аметистовой минерализации. Есть и промышленно-ценные месторождения: Тальян и Ватиха на Среднем и Хасаварка — на Полярном Урале.

Еще одно скопление аметиста видим на территории Кочкарского района Челябинской области. Это место называют даже «Русской Бразилией» — по общему разному рода самоцветов.

Впрочем, прозрачные фиолетовые кристаллы и галечки аметиста обнаруживаются на протяжении всего Урала, от Полярного до Южного, как на восточном, так и на западном склонах. При промывке ли золотоносных отложений, при весенней ли вспашке, в намывах паводков или добыче стройматериалов. Кажется, правду говорят: Урал — край аметистовый.

ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Первая необычность аметиста — его удивительный фиолетовый цвет. Конечно, известны фиолетовые турмалины, корунды, шпинели, флюориты, пироксены, но у них окраска — не типичное, а всего лишь случайное свойство. У аметиста же — характернейший признак.

Правда, аметисты тоже бывают разные — с синеватым, дымчатым, розовым оттенками; различна и интенсивность их окраски, от слабой до очень густой. Но отчетливо выделяются две разновидности, по-разному реагирующие на вечернее освещение.

Одна, чернильно-фиолетовая днем, при вечернем свете теряет в окраске, приобретая красноватый или даже сероватый оттенок, не очень приятный для глаза. «А, чернила», — уничижительно говорят о ней ювелиры. Таковы, в частности, аметисты из Бразилии.

Вторая же разновидность аметистов при смене ос-

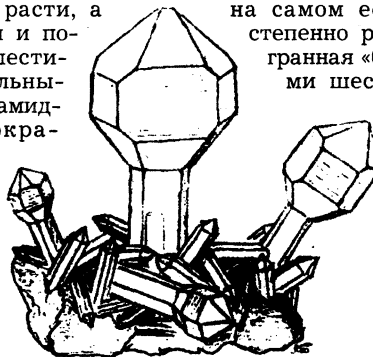
вещения с дневного на вечернее (в особенности при зажигающихся свечах) резко меняет свою окраску с фиолетовой на очень импозантную пурпурно-красную, «цвета бордового вина». Вот об этих аметистах, высоко ценимых ювелирами, и пойдет у нас речь.

Встречаются они значительно реже первых, пожалуй, лишь в Альпах да на Урале (те самые Тальян и Ватиха).

Известно, что окраску аметисту дают атомы железа, которые в определенных условиях входят в кристаллическую структуру этого минерала. А вот причина смены «наряда» при вечернем освещении остается пока неясной. По мнению ряда минералогов, изменение цвета обусловлено дополнительными примесями атомов марганца и титана, что в небольших количествах обнаруживают в «благородной» разновидности аметиста. Но это еще не доказано. Именно такие камни и добывались на Тальяне и Ватихе, издавна шли на мировом рынке практически вне конкуренции. Даже ко двору папы римского.

Но не только в самой окраске загадочность аметиста. Любопытно и распределение ее в кристалле — зачастую не по зонам роста, как у многих самоцветов, а по секторам разрастания граней. Почему-то иногда (но не всегда!) одни растущие грани у камня захватывают красящие атомы, а другие — нет. Также пока загадка. А иногда окраска вдруг резко исчезает в приповерхностных зонах кристаллов; недавно выяснилось, что в этом повинно резкое понижение давления углекислоты в аметистообразующих природных системах.

Или вот еще вопрос. Вначале у аметиста образуется не окрашенная часть, а тоненькая бесцветная или дымчатая шестигранная ножка. И лишь потом в какой-то момент эта ножка по непонятной причине перестает расти, а на самом ее кончике появляется и постепенно разрастается шестигранная «бульбочка» — неправильными же пирамидальными концами, окрашенная

Одна из красивейших друз скипетровидных кристаллов аметиста из месторождения Ватиха. Зарисовка автора.

частично или полностью в фиолетовый цвет. Эти кристаллы, напоминающие булаву или царский скипетр, настолько необычны, что у минералогов получили даже особое название — «скипетровидные».

Самое забавное, что температура этого момента всегда оказывается близкой к 170 градусам Цельсия. Но почему? Вопрос остается открытым, тем более, что при искусственном выращивании аметиста подобного не происходит.

В природных аметистах нередко можно видеть вакуоли, заполненные жидкостью с бегающим в ней пузырьком газа. При нагреве даже теплом рук размеры газового пузырька уменьшаются. Оказалось, что жидкость в вакуолях — это водный раствор солей и жидкая уголекислота в различных соотношениях. Эти образования, захваченные кристаллами аметиста при их росте, нередко называют «геологическими консервами». Раньше они были в большой моде у ювелиров. В частности, знаменитый физик Роберт Вуд в молодости носил аметист с газовым пузырьком как талисман. Ныне мельчайшие включения уголекислоты в камне служат своеобразным «паспортом», свидетельством его природного происхождения: изготавливать «геологические консервы» в искусственных условиях специалисты по синтезу самоцветов пока не научились...

Наконец, загадочно и название самоцвета. В самом деле, все драгоценные камни, знакомые человечеству с древних времен, имеют десятки прозвищ; у аметиста же только имя. И вновь вопрос — почему? Попробуем разобраться в этой необычной ситуации.

«АМЕТИСТОС — КАМЕНЬ НЕПЬЯНЕЮЩИЙ»

Еще в IV веке до нашей эры Теофраст, ученик Аристотеля, в трактате «О камнях» написал о том, что в горах Альпийских находят два сверкающих камня: хрусталь — лед окаменевший, и аметист. Уже тогда последний считали амулетом, предохраняющим владельца от опьянения. Его название в переводе с греческого — «непьянеющий».

Способность камня изменять цвет при смене освещения поражала эллинов. Такой чистый, нежно-фиолетовый днем, он преображался при свете лампад, свечей или костров, как бы наливаясь красным вином во время ночных симпозиумов и оргий. А с первым лучом утреннего солнца вновь становился прежним, очищался от винных тонов, и не было у этого камня похмелья горького, тяжелого! «Аметистос, камень непьянеющий, — наверно говорили запою спасающий! Что и у меня, владельца твоего, не столь суровой будет расплата за ночное веселие!» И носили амулет с надеждой неугасимой — он поможет...

Даже Плиний, мудрейший из философов, пишет: «Необходим и незаменим этот камень на симпозиумах дружеских!». Пирушках, проще говоря...

Купцы хитро и старательно поддерживают славу аметиста: «Вот камень, от тяжелого запоя спасающий! Купи, рыцарь благородный, и никакие пиры тебе не страшны! И ты, боярин вельможный, будь отныне спокоен. И ты купи, боярыня, да подари супругу своему, чтоб не был буен во хмелю и грозен с похмелья!». И радуются тихо: до чего же мудрое название придумали греки! Мал камешек, а всегда цену приличную взять можно.

ЕПИСКОПСКИЙ КАМЕНЬ

Забыты боги олимпийские, но и служители Иего-

вы на свои холщовые одеяния нашивают тот же самый аметист — с ним все-таки надежнее. Смертным боем бились за веру католики, протестанты, православные, по-разному представляли они начало божественное, но одно оставалось у них неизменным — вера в аметистовый амулет. И поныне Ватикан остается основным потребителем этого камня! Посмотрите на украшения столпов церкви: на них обязательно сверкают аметисты. Во все времена аметистонастные слуги божьи изрядно вкушали зелье, но при этом творили молитву: «Верую, Господи, что камень сей отвратит от меня...» А что — скорее всего, и спасала их эта вера да самовнушение!

Со временем аметисту поручалось все больше и больше «магических обязанностей». Если проследить по лапидариям — древним книгам о свойствах самоцветов, — то окажется, что он во христианстве укрепляет веру и разум, способствует живости ума, видениям и грезам, а также раскаянию, искренности и правдивости владельца, охраняет от болезни глаз, от злобы, от нечистых духов, колдовства, действия черной магии, препятствует греховным помыслам... Да если священнослужителю будет дано все это, — так он же окажется истинным ангелом во плоти!

Потому-то аж с раннего средневековья начались священные ритуалы: торжественное вручение перстня с огромным аметистом епископам при возведении их в сан, навешивание этих камней на тиары, митры, мантии, украшение ими даже крестов и икон. Тогда его и назвали епископским (или кардинальским — у католиков) камнем, и с тех пор львиная доля камня шла уже не любителям возлияний и не модницам, а служителям церкви...

АМУЛЕТ ЛЮБВИ

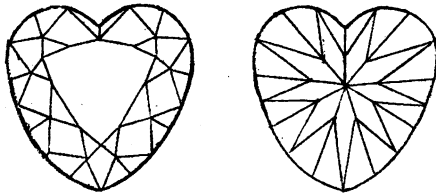
Но женщины никогда не уступят пальму первенства даже святым отцам. Они же еще в древнее время осознали красоту аметиста, а, значит, и возможность привлекать с его помощью внимание к собственным персонам. Да и потом, уж если камень хранит святых отцов от заговоров, колдовства и черной магии, то почему он не может служить оберегом от «сглаза»? Если он дарует живость ума и укрепляет разум архиерею, то почему не сможет оказать эту же любезность и равнодушной к нему женщине?

Ведь он всегда признавался амулетом любви. Во всех старинных лапидариях утверждается: если влюбленный подарит женщине изделие с аметистом, будь то кольцо, кулон, браслет или серьги, то у ней возникнет столь же сильное ответное чувство — неизбежное и неодолимое...

Особенно действенными и поныне считаются аметисты с тончайшими коричнево-красными иглами рутила внутри: амулет любви, да еще пронзенный «стрелами Амура» (так издавна называют такие иглы)! Кроме того, ювелиры еще в средние века разработали необычный вид огранки — «сердце». Не тогда ли и родился афоризм: «...и отныне сердце мое в ваших руках!».

Неукоснительным стало правило: дарить замужним женщинам аметист имеют право только мужья! В Европе появление у жены украшения с таким камнем, полученного неизвестно от кого, одно время было даже достаточным аргументом для возбуждения дела о разводе!

А еще у женщин издавна бытует поверье, что аме-

Чертеж огранки типа «сердце». Слева - верхняя, справа - нижняя сторона ограненного камня.

тист принимает на себя грехи хозяйки, выцветая при этом. Не случайно, что за консультациями по поводу выцветших аметистов милые дамы обращаются обычно после возвращения с южных курортов...

Кстати, способность терять окраску у натурального аметиста, оказывается, значительно выше, чем у синтетического. Оттого и дороже природные камни по сравнению с синтетикой, и аметист — не исключение!

А однажды мне в руки попала книжка американской специалистки по магии самоцветов Кэтрин Рафаэль. Она утверждает: аметист полезен людям, страдающим от бессонницы и ночных кошмаров. Надо только, пишет она, приложить камень ко лбу и мысленно попросить его о помощи, а затем положить под подушку — и спать спокойно, уже не с кошмарами, а с добрыми снами. И совершенно неважно, будет ли у вас аметистовый кулон, перстень, сережки или же просто необработанный камень. Сама К.Рафаэль предпочитает иметь дело именно с природными кристаллами.

Существуют две не совсем удобных для слабого пола особенности аметистового амулета, из-за чего появление с ним на службе не очень-то желательно.

Во-первых, его наличие — это свидетельство, что сердце женское уже занято, некий тайный знак: по вопросам интимного характера просьба не беспокоит.

Во-вторых, камень этот, оказывается, способен навевать на владелицу добрый и сладкий сон, находясь не только под подушкой...

А вот сбавиться в магазин, наоборот, надевайте аметист обязательно — он несет удачу и к тому же успокаивает, «лихие думы отгоняет», как сказал наш российский геммолог В.Дав.

ПРОСИТЕ — И ВОЗДАСТЯ

Во всех странах мира издревле бытовала убежденность в том, что у каждого человека обязательно есть свой самоцвет, поднимающий его жизненный тонус, приносящий владельцу удачу во всех делах и начинаниях, охраняющий его от напастей. Такие «счастливые камни» и принято называть талисманами.

Древние мудрецы обнаружили, что у людей с близкими датами рождения «счастливые камни» нередко одинаковы. Так еще в добиблейские времена появились списки талисманов по месяцам рождения их владельцев. Они были приведены даже в священной книге — Библии.

Затем эти списки стали дополнять, уточнять, исправлять, и не только потому, что обнаруживались новые, неизвестные ранее, самоцветы и расширялся круг «верующих». Просто инициативу у мудрецов перехватили торговцы драгоценностями, быстро понявшие цену такой рекламы.

Знаменитый ученый Аль-Бируни писал, что «...эти наглые торговцы драгоценностями в своих фантазиях

далеко превосходили всех охотников, сокольничьих и рыбаков, вместе взятых!». Вот потому несоответствия между десятками накопившихся к нашему времени списков счастливых камней-талисманов оказываются просто кошмарными, иначе не скажешь.

Но аметисту в этих передрыгах удивительно повезло: в подавляющем большинстве списков он фигурирует как талисман февральский. Это, можно сказать, проверено многовековой практикой. Но не отказывает он в помощи и рожденным не в феврале, но тем, кому пришелся по душе. Нужно только очень захотеть, чтобы исполнилось заветное желание. Сказано же в Святом Писании: просите, и воздастся вам!

Но аметисты, как сказано, бывают разные: и светлые нежно-фиолетовые, и темные, с глубоким, чем-то напоминающим космос, цветом, и с неравномерной окраской, когда фиолетовое пятно в камне выглядит неким таинственным символом. Надо спокойно и не спеша выбрать «свой» аметист. Хорошо, если его подарит близкий вам человек. А еще лучше, если вы найдете камень на природе, а знакомый ювелир обработает по вашему вкусу.

Знаменитый Святослав Рерих найдя однажды на галечном плесе горной реки прозрачный голубой сапфир (по спискам — его талисман), заказал из него перстень — и, надо признать, удача его никогда не покидала!

УРАЛЬСКИЙ ТАЛЬЯН

Я допустил неточность: было на Урале у аметиста и другое название — «тальян». Тому была причина.

Очень радовались горщики, обнаружив в копи «занорыш» или щель с аметистами. Ведь найдя хороший камень, и хозяйство поправить можно было, и коровенку с лошадежкой купить, если удачно сбыть его на мурзинской ярмарке. А съезжались сюда ежегодно скупщики не только свои, российские, но и от иностранных ювелирных фирм. Даже их, много повидавших, захватывала красота уральского аметиста, его неожиданная малиновая окраска при свече. Рассуждали, сколько можно выручить за него на итальянском рынке. Поэтому в иностранных фразах, которыми перебрывались скупщики, нередко слышалось: итальян, итальян...

И вот уже сметливый горщик, «обмывая» после ярмарки свой фарт и удачный торг, веско заявляет за дружеским застольем:

— Вот чо я вам скажу, мужики. Ежели купцы промез собой слово тальян поминают, но то тут до упора торговаться надоть, все едино купят. Тальян у них навроче как самый добрый камень означает.

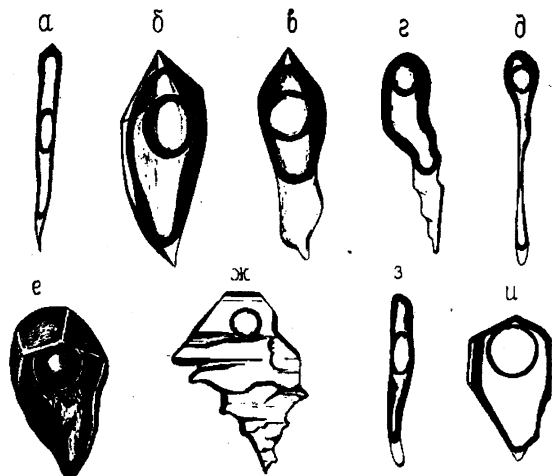
— Верно, — шумит другой, — у меня ить то же само слово поминали.

И на следующих торгах этот горщик уже не прост: — Да ты чо, барин, эку-то цену даешь? Окстись — тальян же! Смотри, баской какой камень!

Отсюда и пошло. Камень высшего качества стал тальяном, и копи тоже: Мурзинский тальян, Кайгородский тальян, Липовский... Скупщики на ярмарке, быстро привыкнув к новому словечку, уже небрежно бросали горщику:

— Ну какой у тебя тальян? Зажги спичку под полой да глянь, малиновый он или нет? Аметист у тебя, простой аметист, хоть и густой, но до тальяна ему далеко!

Однако, бытовало это название только на мурзин-

Трехфазные включения в кристаллах аметиста - надежные свидетельства природного происхождения камня. Круглое в центре - пузырек газовой фазы; темное вокруг него - жидкая углекислота; светлое в углах включений - водно-солевой раствор (зарисовки под микроскопом).

ской ярмарке да среди горщиков. Не товарное оно, не рекламное. А вот «уральский аметист» — это совсем другое дело!

Слава аметиста уральского ширилась и росла. И вот уже из далекой Англии, минуя всяких скупщиков, приезжает в Мурзинку полномочный эмиссар королевского двора — найти опытного горщика, который подобрал бы двадцать пять аметистовых камней высочайшего качества и заданных размеров для изготовления уникального кольца к юбилею принцессы Шарлотты.

Взялся опытный горщик и знаток мурзинских самоцветов — Хрисанф Южаков. И, как известно, заказчик остался доволен. А вот изготовляли это кольцо, бережно сохраняющееся в Англии и поныне, не русские, а английские мастера-ювелиры...

Грустно это признавать, но с давних времен Урал — самоцветная сокровищница России — до сих пор остается поставщиком за рубеж высокосортного самоцветного сырья, в том числе и аметистового. Наиболее прибыльная часть самоцветно-ювелирного производства и в старые времена, и в нынешние русскому Левше не доверяется.

Остается также лишь сожалеть, что за советский период «плановой» добычи на экспорт аметистового сырья почти нацело уничтожены месторождения Тальян и Ватиха. Повышенные планы по проходке, взрывные работы ради этих планов вблизи аметистоносных гнезд и зон сделали свое черное дело: Тальян давно закрыт, верхние горизонты Ватихи почти отработаны, а на глубине качество камня ухудшилось...

Одну из последних страниц истории Ватихи горняки рассказывают как скверный анекдот. Дело в том, что на всех самоцветных месторождениях мира практикуется оплата труда шахтерам за кубометр вынужтой горной массы и за грамм добытого самоцветного сырья. Нашел горняк гнездо самоцветов и начинает аккуратно его разбирать, стараясь, чтобы количество

и качество добытого камня были максимальными. Такая система оплаты была принята и на Ватихе.

Но однажды из столицы нашей Родины прибыла для инспекции облаченная властью высокая номенклатурная единица. Выслушав краткое сообщение руководства о состоянии дел, она округлила глаза: «Как? Двойная система оплаты? Преступное растраживание государственных средств?! Немедленно изменить...»

После этого весь аметист пошел частью в отвал, а частью — к скупщикам. Рудник быстро вышел в передовики по выполнению плана горных работ, но, понятно, не по добыче самоцветного сырья. В те годы это был один из рядовых пунктов в оценке деятельности предприятия.

«Ну, и что же, — спросят некоторые, — а из отвала камень разве извлечь нельзя?» А в том-то и дело, что нельзя. Нет того отвала: его полностью растащили и очистили от аметиста предприимчивые дельцы-хитники!

Дальнейшие попытки добычи аметиста на руднике успеха уже не дали: качество сырья на глубоких горизонтах стало быстро снижаться, затраты — расти. К тому же на внутреннем рынке появился серьезный конкурент природному сырью — синтетический камень. Ведь куда проще и дешевле вырастить кристаллы в автоклаве на заводе, чем добывать из недр земных!

ВЫРАЩЕННЫЙ В АВТОКЛАВЕ

Еще в 1985 году Р.Холмс, один из крупнейших специалистов мира по диагностике драгоценных камней, сокрушался: распознать природный и синтетический самоцветы становится все сложнее.

И это действительно так. Однажды во Всесоюзном институте минерального сырья мне вручили несколько десятков крупных ограненных аметистов, предложив отделить синтетику от природных камней. Признаться, я этого сделать не смог. А нынче ювелирные магазины завалены аметистовой синтетикой прекрасного качества, отличить ее от природного камня трудно даже на приборах. Только по мельчайшим флюидным включениям, по неравномерностям окраски, да еще по интенсивности выцветания камня...

Цена аметиста на мировом рынке, как и следовало ожидать, стала понижаться, и эта тенденция продолжается. Сохраняются в прежней цене только камни со «стрелами Амура» или «волосами Венеры», свидетельствующими о природном происхождении.

И вот что любопытно. Моим друзьям-минерологам экстрасенсы продемонстрировали оригинальный фокус: без приборов уверенно отличили природный камень от синтетического, утверждая, что для них он «живой», а вот синтетика — «мертва»...

И верно: когда держишь в руках природный кристалл, зная, что он десятки тысяч лет формировался в недрах земных, а потом еще миллионы лет пролежал в своей «колыбели», возникает ощущение вечности. А вот синтетику (но тоже зная, что это она!) воспринимаешь как прекрасное творение рук человеческих, но не более.

А цена природных и синтетических аметистов несомненно должна быть разной. Хотя бы уже из-за уже упомянутой склонности автоклавных аметистов к выцветанию. Следите, чтобы купленный вами аметист сопровождался сертификатом. Он — единственная гарантия, что ваш камень не выцветет раньше времени.

Друзы кристаллов аметиста с месторождения Ватиха.

Музей Уральской горно-геологической академии.

Древний перстень с резным изображением Бахуса на аметисте — амулет против опьянения.

